

Дартмурский демон

Поль Альтер

Романы о докторе Твисте:

- 1987. La quatrième porte
- 1988. La mort vous invite
- 1989. La mort derrière les rideaux
- 1990. La chambre du fou
- 1991. La tête du tigre
- 1991. La septième hypothèse
- 1993. Le diable de Dartmoor**
- 1994. A 139 pas de la mort
- 1995. L'image trouble
- 1995. La malédiction de Barberousse
- 1996. L'arbre aux doigts tordus
- 1998. Le cri de la sirène
- 1998. Meurtre dans un manoir anglais
- 1999. L'homme qui aimait les nuages
- 2001. L'allumette sanglante
- 2001. Le toile de Pénélope
- 2005. Les larmes de Sibyl
- 2009. Les meurtres de la salamandre
- 2010. La corde d'argent
- 2012. Le voyageur du passé
- 2013. La tombe indienne

ПОЛЬ АЛЬТЕР

ДАРТМУРСКИЙ ДЕМОН

2020

УДК 821.133.1
ББК 84 (4Фра)
А58

Paul Halter

Le diable de Dartmoor

Перевод Николая Баженова

В Дартмуре много легенд. Есть легенды о ведьмах, убийце-невидимке, безголовых всадниках и летающих конях. Но когда человек-невидимка совершает преступление на глазах у нескольких свидетелей, приходится вмешаться доктору Твисту и инспектору Арчибальду Хёрсту.

Альтер, Поль

А58 Дартмурский демон : [детективный роман] / Поль Альтер; пер. с англ. – 2021. – 180 с.

УДК 821.133.1
ББК 84 (4Фра)

© Перевод. Н.Баженов, 2021

Жаку Боду, Жан-Жаку Шлере и Жан-Полю Швайгхаузеру, трём стойким любителям эльзасского детектива.

СМЕРТЬ ОТ НЕВИДИМОЙ РУКИ

В небольшой деревушке Стейплфорд, спрятавшейся на краю диких нагорий Дартмура, церковный колокол только что пробил половину двенадцатого. Лето заканчивалось, и вечера становились всё холоднее. Дома, разбросанные вокруг внушительного гранитного здания, казалось, спали. Лишь из окна кабинета Виктора Ситвелла вырывался свет.

Это был человек лет пятидесяти с седеющими волосами и складками на лбу от постоянной концентрации, в немигающих голубых глазах светился ум. В школе Тавистока, где он преподавал философию, его высоко ценили за профессионализм, знания и честность, причём ценил не только директор, но также его коллеги, ученики и их родители. С редким единодушием, разделяемым жителями Стейплфорда (за одним или двумя исключениями), его считали не просто интеллектуальным светочем деревни, но и её главным благотворителем. Его рвение казалось безграничным: он всегда первым приходил на помощь нуждающемуся и никогда не забывал опустить банкноту в один фунт стерлингов в коробку для сборов по воскресеньям.

Той ночью он сидел в своём кабинете, но без обычной ручки и бумаги перед собой. Любой, кто хорошо его знал, сказал бы, что он чем-то озабочен. Он уже собрался было подняться в спальню к жене, когда услышал стук в парадную дверь. Глядя на часы, он раздражённо заворчал. Визитёр в такое позднее время? Но его раздражение быстро сменилось беспокойством.

На пороге стояло двое деревенских подростков, Джон и Бетти. Явно смущённые, они извинились за поздний час. Он пригласил их в кабинет – жест, который, казалось, успокоил их, как он и надеялся. Тем не менее, ему пришлось терпеливо ждать, пока они доберутся до сути.

– Понимаете, мистер Ситвелл, мы не хотим, чтобы наши родители узнали, что мы... Бетти и я... тайно встречаемся. Они подняли бы ужасный шум. Поэтому сказать им, что мы видели вечером, особенно в том месте и в то время... – Джон запнулся и покраснел. – Ну, они бы сразу поняли, что мы с Бетти...

Невозмутимость учителя, казалось, успокоила его, и он продолжал уже более непринуждённо:

– Мы очень переживали по этому поводу весь день, не зная, что делать. Затем решили, что должны прийти к вам, сэр.

– Мы знаем, что вы всегда поступаете так, как надо, – добавила Бетти уверенным тоном.

– Если бы мы не увидели свет, то не постучали бы.

– Если мои родители узнают, то запретят мне видеться с Джоном.

– Вы же понимаете, сэр?

Чуть кашлянув, Ситвелл прервал их смущённые объяснения:

– Прекрасно понимаю. Вы любите друг друга и хотите продолжать встречаться тайно от ваших родителей. Но это перестанет быть тайной, если вы расскажете... то, что видели вчера вечером. Что-то серьёзное, как я понимаю? Вам не следует волноваться: я сделаю всё, чтобы сохранить вашу тайну. Но теперь вы должны мне рассказать, в чём дело.

Последние слова он произнёс медленно и ясно. Ситвелл попытался смотреть подросткам в глаза, но они избегали его пристального пронизывающего взгляда.

– Вы не поверите нам, мистер Ситвелл, – начал Джон.

– То, что мы видели, невероятно, – эхом отозвалась Бетти. – И всё же...

– Мы спрашивали себя, уж не привиделось ли нам всё это. Но мы видели это одновременно.

– Это заставило нас вспомнить обо всех историях, которые мы слышали. О странной смерти той молодой леди, которая жила в большом доме за деревней на пути в Принстон. Поместье... Поместье...

– «Трирайс-мэнор», – предположил Ситвелл, волнуясь при упоминании о том деле из прошлого. Было ли то, что они увидели, как-то связано с этой таинственной трагедией? Если так, что же, спрашивается, происходит? – Пожалуйста, переходите к сути, – твёрдо попросил он.

Джон посмотрел на свою подругу, нервно сглотнул и выпалил:

– Девушку столкнули со скалы... *а рядом с ней никого не было!*

Повисла тишина, которую, казалось, можно резать ножом. Через некоторое время учитель тихо заговорил:

– Пожалуйста, продолжайте.

– Было как раз перед полуночью, и мы с Бетти были на вершине «Скалы желаний» уже приблизительно пятнадцать минут.

«Скала желаний»... Виктор Ситвелл очень хорошо понял, почему молодые люди таились. Их присутствие там в тот час не оставляло сомнений в их отношениях. «Скала желаний» всегда была любимым местом для влюблённых: там было прекрасно днём и ночью, но особенно ночью под волшебным светом луны и звёзд. Массивный гранитный уступ, у подножья которого мчался ручей, шумно бьющийся о скалы по пути в деревню в миле ниже по течению. Некоторые считали, что скала напоминает сфинкса. Другие видели в ней дикое животное, присевшее перед прыжком: спина образует крутой склон к вершине, где камень

принимает форму гигантской львиной головы, глядящей на воду вниз.

Можно было оставаться там долгие часы, глядя, как ручей прыгает по камням на фоне изумительной вересковой пустоши: пологих холмов, усеянных дубами и елями со своеобразно рваными вершинами. Место обладало особой атмосферой: смесь бесконечного спокойствия и дикой меланхолии, от которой к горлу подступал комок, особенно в сумраке, когда садящееся солнце освещало горизонт за гранитными скалами и утёсами. Ночью волшебная сила достигала максимума, и шум бегущего ручья действовал как магнит. В полнолуние немногие пары могли сопротивляться очарованию этого места.

Вершина «Скалы желаний», которая получила название от местной веры, что это удачное место, чтобы загадать исполнение мечтаний, была усеяна небольшими скальными выступами. Это было неправильное плато, в одном месте которого сформировался небольшой грот – идеальное место, предоставляющее кров влюблённым, как застенчиво объяснил Джон Виктору Ситвеллу.

– Мы были там, когда слышали шаги. Девушка шла вверх в нашем направлении. Луна светила ярко, и мы могли ясно видеть её силуэт. Очевидно, нас в гроте она видеть не могла. Она радостно что-то говорила и была одна, но вела себя так, словно рядом кто-то был, что казалось немного странным. Выглядело, как будто она собиралась встретиться с кем-то и пришла немного раньше – по крайней мере, так мы подумали, потому что никто её не ждал. Мы уже были в гроте до того, как она пришла. Она прошла рядом, и мы потеряли её из виду на какое-то время, прежде, чем услышали её возглас: «Э-ге-гей! Ты где?»

Мы с Бетти посмотрели друг на друга. Неужели там ещё кто-то прячется? Она позвала ещё несколько раз, но всё

ещё весело, словно разговаривала с кем-то, кто подшучивал над нею. Мы выскользнули из грота, чтобы лучше видеть, что происходит.

Джон посмотрел на Бетти, которая продолжила рассказ:

– Она была как раз на краю плато на расстоянии приблизительно сорока футов от нас и озиралась. Луна немного скрылась за облаками, но мы всё ещё могли видеть девушку совершенно отчётливо, и рядом с ней никого не было. Ведь так, Джон? Она крикнула ещё раз, а затем повернулась, чтобы посмотреть на торфяник. Именно тогда её толкнули в спину. Она споткнулась о край и упала. Я закричала...

– Толкнули в спину в то время, как там никого не было? – спросил Ситвелл, поворачиваясь к Джону за подтверждением.

Молодой человек кивнул.

– Знаю, в это трудно поверить, но выглядело так, словно её толкнуло какое-то невидимое существо. Она не упала случайно и не бросилась сама, как при самоубийстве. Она внезапно вытянула руки вперёд, словно желая остановить падение. Именно так, как если бы кто-то толкнул её в спину, если вы понимаете, что я имею в виду. Только позади неё никого не было!

После молчания, которое показалось Джону и Бетти вечностью, Ситвелл медленно покачал головой. С неодобрительным вздохом он сказал:

– Это серьёзное дело – история, которую вы мне рассказали, мои юные друзья. Действительно ли вы уверены, что это вам не привиделось? Вы слышали крик жертвы? Или её удар о землю?

– Да... или скорее нет, – запнулся Джон. – Бетти закричала, когда увидела её падение, поэтому трудно сказать...

– И что вы сделали затем? Спустились к ручью у основания скалы?

– Мы вернулись той же дорогой, как пришли, но не пошли к ручью. Бетти была чуть живой от страха, и я чувствовал себя не лучше. Мы пошли домой.

Ситвелл пожал плечами:

– В любом случае вы не смогли бы многое разглядеть. Мне кажется, что ваше чувство вины заставило вас видеть то, чего не было. С одной стороны, никто из деревни с тех пор не пропал...

Внезапно он замолчал и сидел, не двигаясь, в течение нескольких долгих секунд.

– Что-то не так, сэр? – с тревогой спросил Джон.

– Девушка... Вы её узнали?

– Я не уверен, но Бетти показалось, что это Констанс.

– Констанс Китс?

– Думаю, да, – сказала девочка, энергично кивая.

Ситвелл закрыл глаза и сказал безжизненным голосом:

– Боже мой, как раз о ней я думал, когда вы постучали в дверь, но она полностью выскочила у меня из головы, как только вы начали свою историю. Сегодня вечером я заходил в «Красный лев». Отец Констанс заглянул туда около девяти часов, чтобы узнать, нет ли новостей о его дочери. Она помогала в баре вчера вечером, и он думал, что она могла остаться там с учётом позднего времени. Но Джордж Кроуфорд, владелец гостиницы, сказал, что она пошла домой.

ПОИСК ТЕЛА

Была половина шестого утра, и первые рассветные лучи бросали зловещий свет на Стейплфорд. Шпиль старой церкви лишь смутно виднелся сквозь туман, который был гуще у берегов ручья. Однако именно там, около каменного моста, который пересекал поток недалеко от деревенской гостиницы, трое мужчин при свете фонарей тщательно рассматривали поверхность воды, следуя от самого подножья «Скалы желаний».

Томас Грант, врач пятидесяти с лишним лет, говорил меньше остальных, но не из-за того, что его вытащили из постели среди ночи. В конце концов, он тридцать лет служил сельским жителям верой и правдой. Его доброжелательность, вероятно, поставила на ноги больше пациентов, чем прописанные им лекарства. Жители Стейплфорда и окрестных деревень были единодушны, что самого появления этого человека на пороге достаточно, чтобы жар у пациента немедленно спал.

Беспокойство в его глазах шло несомненно из-за шока после того, как он выслушал Виктора Ситвелла, постучавшего в его дверь за три четверти часа до этого.

С другой стороны, Бэзил Хокинс, коренастый мужчина тридцати лет, но на вид значительно старше, не пытался скрыть плохое настроение. Правду сказать, он не имел привычки вставать с петухами. С взъерошенными тёмными волосами, красным лицом и в помятой одежде, он выглядел таким, каким был: пьяницей, кого собственная внеш-

ность не волнует. Он делил своё время на три неравные части: выполнение случайных работ, садоводство, и, главным образом, сидение в баре «Красного льва». Жил он у местного фермера в сарае, используя в качестве матрацев мешки с пшеницей, – всё это благодаря усилиям Виктора Ситвелла, который нанял его, чтобы заменить старого садовника. Хотя Бэзил работал лишь по несколько часов в день, Ситвелл казался довольным результатами. Никто не знал, откуда Бэзил взялся, а сейчас, спустя десять лет, никого это, кажется, не волновало. Было бы трудно представить вечер в «Красном льве» без него. Его постоянное хорошее настроение и живое остроумие создавали атмосферу, которую Джордж Кроуфорд высоко ценил. Несмотря на своё непрочное существование, Бэзил казался самым счастливым человеком в Стейплфорде. Доктор Грант, похоже, именно так и думал и, считая, что подобное счастье заразительно, часто приглашал его за свой столик.

Достаточно любопытно, что именно Виктор Ситвелл был самым частым компаньоном Бэзила Хокинса в баре, куда заглядывал пропустить стаканчик практически каждый вечер. Дружба между «деревенской пьянью» и «деревенским интеллектуалом» сначала интриговала, но это быстро прошло. Кроме того, было широко известно, что Виктор, выпив, любил вести длинные разговоры на множество тем; немногие его слушали, но все сердечно аплодировали.

В настоящий момент, однако, никто не думал о жарких посиделках в «Красном льве». Учитель с вытянутым лицом стоял на берегу, подняв воротник пальто. Луч его фонаря обшаривал поверхность мчащегося ручья. Он не спал всю ночь. Отослав домой двух подростков и взяв с них клятву пока не говорить об этом никому, он хорошо обдумал ситуацию. Он решил, что, вместо того, чтобы действовать опрометчиво, лучше проверить их историю, организовав осторожные поиски тела. Было нелегко разбу-

дить Бэзила Хокинса, дыхание которого выдавало последствия вчерашнего вечера, но доктор Грант ответил на первый же звонок и предложил помощь, как только узнал о беспокойстве учителя. Таким образом, как раз около пяти часов они с фонарями отправились к «Скале желаний». Они дали себе два часа на операцию, после чего будет трудно не привлекать внимания.

До сих пор их усилия были напрасными. Несмотря на слабый свет, они были уверены, что в воде около основания скалы никакого тела нет. Что-то в воде привлекло их внимание, но это оказалась просто жердь. Из-за недавнего проливного дождя ручей раздулся и, конечно, был способен перенести тело вперёд, поэтому они направились по пешеходной тропе вдоль ручья. Хотя осмотр по необходимости был поверхностным, у них начало закрадываться подозрение, особенно у Ситвелла, что подростки всё придумали. Но замечание Бэзила Хокинса быстро выбросило эту мысль из головы.

– При таком сильном течении её могло утащить далеко. Помните, где мы нашли молодую Элизу Голд в прошлом году? Довольно далеко отсюда.

– Бэзил, пожалуйста, не надо, – ответил Ситвелл. – Нет никакой связи.

Повисла недолгая тишина, которую нарушил Томас Грант, искоса взглянувший на Виктора Ситвелла:

– Никакой связи? Элизе Голд было двадцать лет, и она из этой деревни. Она исчезла однажды вечером, и её нашли лишь три дня спустя, утонувшей в этих же водах. Её тело было ужасно разбито о скалы. И теперь мы идём вдоль того же ручья всего лишь год спустя и ищем тело. Тело молодой женщины того же возраста и из той же деревни, и она также исчезла ночью. И вы говорите, нет никакой связи? – Страстность доктора была потрясающей, и он закончил словами: – Простите, Виктор, но меня удивля-

ет ваше замечание, особенно в устах человека, преподающего логику.

– Никто не верил мне. Никто! – бормотал Бэзил Хокинс, глядя на горизонт, где розовые с золотом лучи появились над холмами. – Лошадь... лошадь и всадник без головы... никто мне не верил! – Он повернулся к Ситвеллу и добавил, задыхаясь от эмоций: – И карты. Вы помните карты? Мы нашли на ней колоду игральных карт.

Это была правда. Они нашли карты в одном из карманов Элизы, насквозь промокшие от долгого пребывания в воде. Верно было и то, что Бэзил Хокинс клялся на следующий день после её пропажи, что в полночь – предполагаемый час её исчезновения – он видел всадника *без головы*, держащего поводья лошади, которая скакала *в небо*. Но той ночью он выпил, настолько выпил, что не мог вспомнить точно, где был в то время. Однако Бэзил стоял на своём: то, что он видел, было лошадью – настоящей лошадью с наездником, голова которого оставалась невидимой, и они проскакали мимо него, прежде чем начать подниматься к звёздам. Он также настаивал, что то, что он видел, имело некоторое отношение к исчезновению молодой девушки, и что они никогда не найдут её... то есть, живой. Кто-то ещё заметил, что будет неудивительно найти колоду карт около места, где она исчезла, и два дня спустя они нашли Элизу Голд в ручье с колодой карт на ней. Её тело пробыло в воде в течение почти трёх дней, что соответствовало времени, когда её в последний раз видели в гостинице. Её весёлое настроение в то время, что подтвердило несколько свидетелей, исключало вопрос самоубийства. Её тело было всё в порезах и синяках, совместимых с тем, что её изувечило бурным течением. Жюри присяжных при коронёре вынесло вердикт «смерть от несчастного случая», но слухи продолжались.

Ситвелл глубоко вздохнул:

– Сохраняйте спокойствие, друзья. Не время паниковать.

Он повернулся к доктору.

– Вы совершенно правы, Томас. Я не забыл того, что произошло в прошлом году, но думаю, что слишком рано делать выводы. Что касается лошади, Бэзил, чем меньше об этом говорить, тем лучше. Я не спорю с вами, но думаю, что лучше об этом не говорить. Понимаете?

Хокинс спокойно смотрел на учителя в течение нескольких секунд, а затем кивнул. Именно в этот момент выражение лица доктора изменилось. Он только что опустил фонарь, и, хотя луч не освещал широкую область, он остановился на одном месте. То, что доктор увидел в воде, колышущееся и тёмно-рыжее, сильно напоминало человеческие волосы.

Несколько минут спустя мужчины извлекли тело молодой женщины на берег: оно застряло между двумя валунами.

Это была Констанс Китс, и она была в том же самом состоянии, в котором нашли Элизу Голд примерно год назад.

Потрясённые и встревоженные, они некоторое время смотрели на избитое и изувеченное тело. Ситвелл был первым, кто осветил фонарём соседнюю область. В нескольких ярдах от тела несчастной девушки луч высветил странный предмет на мшистом участке между двумя скалами на берегу. Ситвелл подошёл поближе, чтобы посмотреть, а за ним его компаньоны.

Это была игральная карта.

3

ОНА ПОШЛА НАВСТРЕЧУ СУДЬБЕ

Был ранний вечер, в баре «Красного льва» находилось несколько посетителей. Бэзил Хокинс сидел один в уголке. День простоял жарким, и открытое окно позади него давало лишь небольшое облегчение. Бэзил поглядел на две пустые пивные кружки перед собой и переместил взгляд на прилавок, где Джордж Кроуфорд, крупный мужчина с густыми бакенбардами, мирно протирал бокалы около внушительного множества бутылок. Перед ним в готовности стояли медные краны, готовые налить пиво жаждущим.

Лицо Бэзила осветилось, когда он увидел, как в дверь вошёл Виктор и, получив на прилавке две кружки, покрытые пеной, сел напротив.

– Вы выглядите очень задумчивым, мистер Ситвелл, – заметил Бэзил, украдкой протягивая руку к одной из кружек с любимым напитком.

– Задумчивым? Нет. Сердитым? Да. Интересно, как человеческий род смог стать настолько эгоистичным, агрессивным и неблагодарным. Подумать только, я всегда был о Маккензи высокого мнения! В конце концов, я тоже для них кое-что сделал. Их сын никогда не сдал бы экзаменов, если бы я лично с ним не занимался. И вот как они меня отблагодарили: отказываются позволить цыганам разбить табор на их ферме, даже при том, что у них имеется большой сарай, которым они не пользуются. После Уорренсов, Круксов и Данстенсов – их очередь!

– Но разве цыгане не довольны тем, что разместились со своими кибитками рядом с мостом?

Виктор Ситвелл раздражённо вздохнул:

– Я обещал им удобства и гостеприимство фермы, Бэзил. Я давно обещал им. И вот теперь они должны завтра уезжать. Как после этого я буду выглядеть, я вас спрашиваю? Я этого не забуду. Я покажу этим Маккензи в следующий раз, чёртовы эгоисты...

– Знаете, мистер Ситвелл, не все похожи на вас. Я знаю очень немного людей, которые помогли бы мне, как это сделали вы.

– Давайте сменим тему, дорогой Бэзил, – сказал учитель с застенчивой улыбкой. – В любом случае мы с Флоренс очень довольны вашей работой и не считаем это милосердием, так что давайте больше не будем об этом. Итак, как насчёт другой пинты? – Он сделал знак владельцу гостиной.

К ним с заказом приблизился не Джордж, а Энни Крук, симпатичная шестнадцатилетняя брюнетка, которая жила в доме владельца гостиницы в течение последних нескольких лет. Она была испуганной маленькой девочкой, когда учитель привёл её пять лет назад, объяснив, что она только что потеряла обоих родителей, местных фермеров. Не имея собственных детей, Джордж и Элис Кроуфорды с готовностью согласились взять к себе сироту и никогда об этом не пожалели. Сначала робкая, маленькая Энни скоро оказалась весьма полезной, начиная с помощи в конюшне, а позже выручая Элис по выходным, когда возрастал поток туристов, делающих остановку на пути в Тависток.

Глядя ей вслед, Бэзил заметил голосом, полным эмоциями:

– Есть ещё кое-кто, многим вам обязанный.

– Я лишь сделал то, что считал правильным, Бэзил. Но теперь я стал понимать, что некоторые люди не уделяют достаточно внимания своим братьям.

Бэзил пристально смотрел куда-то в сторону. Виктор нахмурился и спросил:

– О чём задумались, Бэзил?

– Через несколько дней наступит сентябрь, и исполнится год с тех пор, как мы нашли малышку Китс в реке. Помните? И ту игральную карту?

Хотя ему не хотелось вспоминать об этом, Ситвелл ярко представил тёмно-рыжие волосы, колышущиеся в ручье, утонувшую девушку, избитое и изувеченное тело, которое они вытянули на берег, и игральную карту. Нашлась и ещё одна карта на пути назад к деревне. К тому времени, когда взошло солнце, они нашли почти полную колоду, разбросанную близко к тому месту, где они сделали жуткое открытие. Как и в случае Элизы Голд, следствие вынесло вердикт смерти в результате несчастного случая. Ситвелл сообщил о поразительном сходстве между смертями двух юных девушек следователю, старому друг детства, но последний не счёл нужным писать об этом в отчёте, и даже не упомянул любопытное наличие колоды карт на траве. Он был так же осторожен с показаниями Энни Крук, которая утверждала, что видела жертву непосредственно перед тем, как та отправилась на «Скалу желаний».

– Значит, она обслуживала клиентов вплоть до одиннадцати часов? – спросил полицейский.

– Да, – ответила Энни. – В выходные она часто нам помогала.

– Это я знаю. Я говорю о времени, когда она ушла. Было одиннадцать часов?

– Да. Ну, плюс-минус несколько минут. Я как раз вошла в свою комнату. Видела её из окна. Она пела. Как я сказала вам, она была в прекрасном настроении. Она радостно направилась к ручью, и я видела, как она пошла к вершине. Остановилась рядом с деревом. Она говорила с кем-то, но я не могла видеть, кто это был. Затем она вновь пошла, разговаривая и смеясь, *но клянусь, что рядом с ней никого не было.*

Виктор Ситвелл, Бэзил и доктор Грант – все присутствовали на этом допросе.

Пока Бэзил предавался воспоминаниям, учитель снял очки и достал носовой платок, чтобы вытереть лоб:

– Мы говорили об этом много раз, Бэзил. Тут ничего не поделать. Лучше всего забыть об этом. Теперь я должен бежать, у меня ещё много работы. А вот и Томас!

Доктор Томас Грант занял место Ситвелла за столом. Он сделал заказ, который принесла Энни.

– Куколка превратилась в довольно симпатичную бабочку, – хитро заметил старый доктор чуть позже. – Очень неплохую. Но ей нужно выбираться отсюда. Нечего ей иметь дело со старичьём триста шестьдесят пять дней в году. Что думаешь, Бэзил?

– Ну, я...

Его голос затих, и он следил за движениями молодой девушки, когда она обслуживала растущее число посетителей. Атмосфера бара становилась оживлённее, разговоры стали громче, а дым от трубок и сигарет – гуще.

– Думаю, вы правы. Она действительно иногда выглядит грустной. Но в последнее время и сегодня вечером, в частности, она кажется намного более счастливой.

– Согласен, – ответил доктор. – Она что-то скрывает.

С этими словами он встал и распрощался с Бэзилом, который вновь остался один. Бэзил заказал ещё одну пинту, которую осушил одним глотком. Он повернулся направо, где стоял Дэвид Линдер, местный фермер. Довольно красивый, но застенчивый молодой человек. Он, также не отрывал глаз от Энни. Бэзил покачал головой и спел несколько тактов из любовной песенки, но Дэвид не реагировал. «Вот идиот! – подумал Бэзил. – Стоит там как кукла, в то время как...»

Немного позже, выйдя ненадолго на улицу, он попытался вернуться к столу. Комната начала вращаться, и он чуть не упал, пока дошёл до места. Он осмотрелся и отметил,

что молодой Линдер ушёл, вероятно, чтобы позаботиться об овцах. Энни, однако, всё ещё была тут.

«Странно, – подумал он. – Никогда не видел её такой сияющей. И она что-то напевает, собирая кружки».

К моменту закрытия он покорно попытался уйти. Джордж, видя его мучения, помог ему дойти до двери. Но оказавшись снаружи, Бэзил стал вырываться и требовать, чтобы его оставили в покое, а домой он дойдёт сам. Чуть позже он с удивлением обнаружил, что идёт по дороге к «Скале желаний». Поняв ошибку, он попытался вернуться, но в результате сошёл с тропы и упал. Он скатился под гору на несколько ярдов, прежде чем его остановил густой подлесок. Голова гудела. Когда Бэзил снова открыл глаза, он увидел две луны. Именно тогда он услышал смех: лёгкий женский смех. Его глаза вглядывались в темноту, пока он в конечном счёте не разглядел силуэт молодой девушки, идущей тем же путём. Она смеялась и разговаривала с кем-то... *но рядом с нею не было никого*. Ни перед нею, ни позади неё, ни около. Энни? Да, это была Энни. Но что, чёрт возьми, она делает тут в этот час?

Голова Бэзила всё ещё кружилась, но он был способен задавать вопросы. Элиза Голд также была в хорошем настроении в ту ночь – ночь, когда появился всадник без головы. Констанс Китс также была очень счастлива в ночь своего исчезновения. Она также разговаривала с кем-то, кого никто не видел, и затем её столкнула в пустоту невидимая рука.

И вот теперь маленькая Энни, разговаривающая *с никем*, поднимается на «Скалу желаний».

Бэзил открыл было рот, чтобы позвать её, но из горла вышел лишь слабый стон. Он хотел крикнуть, чтобы предупредить о смертельной опасности оказаться в ручье, как другие. Но не смог издать ни звука. Его голосовые связки оказались парализованы.

А Энни весело шла к вершине.

4

ДЕМОНИЧЕСКОЕ СОЗДАНИЕ

Виктор Ситвелл открыл ворота и неторопливо направился к роскошному каменному дому, стоящему в пятидесяти футах. Покрытый прекрасной шиферной крышей, это был несомненно самый большой и прочный дом в деревне. Безупречно подстриженные изгороди окружали великолепную лужайку. Розовые кусты были самыми красивыми в районе, и Виктор уделял им столь большое внимание, что некоторые, возможно, назвали бы его отеческим: розы были источником его гордости, и он заботился о них сам, не доверяя преданному Бэзилу, которому под страхом немедленного увольнения запрещалось дотрагиваться даже до лепестка. Лишь он сам заботился о них с того дня, как женился на Флоренс. Единственный ребёнок в семье, она не только унаследовала дом родителей, но также и большой портфель с инвестициями, которыми Виктор управлял очень успешно.

Бросив последний довольный взгляд на цветы, Виктор вошёл в дом. Несколько позже он уже сидел за чаем в гостиной вместе с женой – их священный ритуал. Будучи почти ровесницей Виктора, Флоренс казалась моложе. Её тонкие черты вместе с умением хорошо одеваться до сих пор делали её привлекательной.

– Её всё ещё не нашли? – с тревогой спросила она.

– Нет. И спустя столько времени в ручье её уже не найдут. Она уже в реке Тамар, если не в море. Прошла уже почти неделя. И со всеми бурями и проливными дождями...

– Я сегодня разговаривала с Бэзилем.

– Бэзил, – повторил Виктор, качая головой. – Если бы только он оторвался от бутылки. Той ночью он набрался до предела.

– Он первым с этим согласен. Признаёт, что, будь он трезв, он смог бы догнать её или, по крайней мере, предупредить.

– Пытаясь сделать именно это, он упал и пришёл в себя только на следующий день.

– Пожалуйста, Виктор! Так или иначе, что ты думаешь о его истории?

– Как я сказал тебе, я думаю, что он должен пить меньше. Знаю, он не имеет привычки лгать, но, учитывая его состояние, едва ли можно воспринимать его слова буквально. С другой стороны, вокруг ручья вновь были разбросаны карты.

– Первой была Элиза Голд, – мрачно сказала Флоренс, – затем Констанс Китс в прошлом году, а вот теперь Энни, которую никто не видел после того, как, по словам Бэзила, она шла к «Скале желаний». Не вижу, как можно сомневаться в истории Бэзила. *Кто-то* был с Энни той ночью. *Кто-то* сопровождал Констанс и, конечно, Элизу. К тому же, *кто-то* сбросил всех трёх в реку.

Виктор пристально посмотрел на жену.

– Кто-то? Но кто? Или скорее *что*, потому что все, кто видели жертв, говорили, что это нечто прозрачное.

– Не понимаю тебя, Виктор. Иногда ты, кажется, допускаешь определённые вещи, а в другие разы, как сегодня, ты, кажется, отрицаешь факты.

– Я ничего не отрицаю, дорогая. Просто говорю, что нужно быть осторожным с вещами, о которых рассказывает кто-то не совсем в нормальном состоянии, особенно когда всё произошло в темноте.

– Насколько я помню, трагедия в «Трирайс-мэнор» произошла не в темноте.

Виктор резко поставил чашку.

– К чему ты клонишь, Флоренс? Мне кажется, у тебя что-то на уме.

Она на мгновение опустила глаза, но затем посмотрела прямо ему в лицо:

– Да. Скажем так: я пришла к определённым выводам. В любом случае слухи уже циркулируют. Стоит упомянуть дьявола...

– Дорогая, ты знаешь, я не хочу слышать подобные вещи. Поэтому, пожалуйста, не начинай!

– Очень хорошо. Но всё, что я делаю, это сообщаю, о чём говорят в деревне. Может ли оно сделать себя совершенно невидимым, или частично, или лишь немного, я совершенно уверена, что некое существо прямо из ада живёт в деревне под маской кого-то абсолютно нормального. И хотя до сих пор его не замечал никто, кроме Бэзила, есть нечто общее во всех этих исчезновениях: Элизы, Констанс и Энни, – все они казались очень счастливыми в последние часы перед смертью.

– Это возможно, – глубокомысленно кивнул Ситвелл. – И какой вывод ты делаешь из этого?

– Я долго говорила с Бэзиллом. Не думаю, что есть сомнения относительно причины их приподнятого настроения. Они все вели себя как влюблённые молодые девушки.

Повисло долгое молчание, в конце которого Виктор заметил:

– Если я правильно понял, это каждый раз тот же самый «возлюбленный». То есть, в деревне есть таинственный молодой соблазнитель...

– Который похищает сердца молодых девушек, прежде чем избавиться от них, сбросив со скалы в ручей. Но ничто не говорит, что он молод. Итак, под какой маской скрывается демоническое создание? Сейчас у меня нет ни малейшего подозрения.

5

ПОЕЗДКА В ДАРТМУР

К концу следующего лета люди начали с тревогой поглядывать на поверхность бегущего ручья, который пересекал Стейплфорд. Напрасно, поскольку, как оказалось, больше никакая девушка из деревни или окружающей местности не пропала. Как и в последующие пять лет, в результате чего жизнь вернулась в привычные рамки, а имена Элизы Голд, Констанс Китс и Энни Крук всё реже возникали в беседах: они стали легендарными жертвами, о которых вспоминали лишь в связи с другими трагическими событиями.

Атмосфера трагедии и подозрений, которая висела над Стейплфордом так долго, рассеялась, и к середине 1930-х Дартмур обратил свою улыбку и радушие ко всем приезжим и среди них – к молодой паре, которая только что выехала из Мортонхэмпстеда в блестящем спортивном автомобиле.

Мужчине за рулём было где-то между двадцатью пятью и тридцатью. Хотя он был англичанином, кто-то мог предположить, что он родился на континенте, возможно в Средиземноморье. Широкоплечий и с тонкой талией, Найджел Мэнсон демонстрировал прекрасный загар, который замечательно сочетался с волнистыми тёмными волосами и глубоко посаженными тёмными глазами. Когда мужчина улыбался, на правой щеке у уголка рта появлялась детская ямочка, которая оказывала неотразимый эффект на лиц противоположного пола всех возрастов, – он это

прекрасно знал и бесстыдно этим пользовался. Помимо того, что у него не было никаких причин жаловаться на физические данные, которыми наградила его Создатель, его профессиональную жизнь также нельзя было назвать разочарованием. Проведя несколько успешных лет с театральной труппой в Канаде, он организовал замечательное возвращение в Англию. Хотя в прошлом лондонские театры предлагали ему лишь вторые роли и только эпизодически, пресса была единодушна, что теперь талантливого молодого актёра ждёт многообещающее будущее. И в заключение, чтобы окончательно стать счастливейшим человеком в этой части земного шара, три недели назад он сочетался браком с милым, очаровательным существом, которое сейчас сидело рядом с ним.

Новоиспечённая миссис Мэнсон была лишь немного моложе мужа. Лицо её, столь же утончённое, как фарфор, окружали длинные, шелковистые светлые волосы, свободно спадающие на изящные плечи. Ощущение хрупкости, которое она источала, делало её похожей на робкую лань, что тут же вызывало у любого нормального мужчины желание защитить её.

После медового месяца на Французской Ривьере молодая пара решила провести несколько дней в Торки, где Хелен родилась.

– Думаю, нам следовало сразу поехать к морю, – заметила Хелен, задумчиво глядя на сельскую местность вокруг них.

– Почему? Разве тебе этот пейзаж не нравится?

– Нравится, конечно, но если мы продолжим двигаться в темпе улитки, то, боюсь, не доберёмся туда до темна.

Действительно, после выезда из Эксетера Найджел был вынужден значительно уменьшить скорость. Узкая дорога, полная выбоин, петляла и ныряла в зелёные туннели, устланные круглыми пятнами, создаваемыми солнечным светом.

– Нет никакой спешки, у нас полно времени. Оглянись вокруг, миссис Мэнсон, разве здесь не великолепно?

Хелен улыбнулась, и они вместе стали молча восхищаться прекрасным видом. Растительность, перекрывающая дорогу, исчезла, но путь всё ещё был узким и извилистым, хотя теперь он был ограничен по бокам низкими, увитыми плющом каменными стенами, столь типичными для этих мест. Чем дальше они удалялись от Мортонхэмпстеда, тем более меланхоличным и пустынным становился пейзаж, оставаясь не менее замечательным. Гранит, который всё чаще можно было видеть на покрытых папоротником холмах, образовал странную, ломаную линию на фоне неба. Склоны стали более крутыми, красновато-коричневые тона сменились целым спектром цветов различных минералов.

– Что меня поражает, Найджел, это как тебе удаётся найти дорогу через все эти бесконечно петляющие узкие аллеи. Я не смогла бы этого сделать, даже будь у меня карта. Похоже, ты уже бывал здесь прежде!

Найджел немного помолчал:

– Я действительно немного знаю эти места, это верно.

– «Немного знаю». Что это значит? Разве нельзя сказать подробнее? Знаешь, Найджел, немного раздражает, что всегда приходится вытягивать из тебя информацию.

– Просто пару раз был здесь и всё.

– Я не только об этом, а о твоих ответах вообще. Мы знаем друг друга уже шесть месяцев, и теперь я – твоя жена, но все же я знаю о тебе не больше, чем могла бы узнать из газет.

– «Дейли миррор» на днях опубликовала статью о моих трёх годах в Канаде. Если бы ты потрудилась прочесть...

– Я говорила не о Канаде. Я имела в виду, что ты делал до этого здесь.

– Я сказал тебе, что воспитывался двоюродным дедом около Бристоля, пока мне не стукнуло восемнадцать.

– В этом ты весь: одно предложение для описания восемнадцати лет жизни!

– Что ещё ты хочешь, чтобы я рассказал? Он был моим единственным родственником. Ты же не хочешь, чтобы я рассказал о каждой минуте тех ужасных дней в ужасном пансионе, название которого я не могу даже вспомнить.

Чёрная тучка недолго висела над головами молодожёнов. Через несколько минут они вновь наслаждались пьянящей близостью и очаровательными красотами пейзажа. Садящееся солнце уже бросало на горизонт сумеречные полосы теней. Странные скалистые формы холмов подчёркивали естественную фантастическую картину. Мрачные, странные гранитные скалы очаровали Найджела: в особенности та, что называлась «Скалой желаний».

– Здесь превосходно, – воскликнул он. – Я должен сделать несколько фото.

Сказано – сделано. Они остановили автомобиль на обочине, и новая миссис Мэнсон вышла, чтобы попозировать. Найджел сделал несколько снимков и вручил фотоаппарат жене:

– Теперь твоя очередь. Можешь сделать мой снимок перед той старой стеной. Более того, я могу влезть туда, чтобы ты смогла меня ещё лучше снять на фоне пейзажа. Осторожно! Не урони камеру! Она чуть не выскользнула у тебя. Стоила мне целое состояние. Ты же знаешь, это самое дорогое, что у меня есть... после тебя.

Среди всех сбивающих с толку привычек мужа, молодую жену больше всего поражала навязчивая идея Найджела фотографировать. Он никогда никуда не шёл без фотоаппарата, а у него их было по меньшей мере шесть. Он предпочитал фотопортреты на фоне природы, а после их знакомства любил фотографировать Хелен, что поначалу ей льстило по абсолютно понятным причинам. С другой стороны,

его собственное желание фотографироваться немного её беспокоило. Он никогда не заканчивал сессию, не попросив, чтобы она сфотографировала его. Он предпочитал оригинальные, иногда даже опасные снимки в странных местах, таких как эта стена, наверху которой он теперь лежал, опираясь на локоть.

Как только сессию закончили, они вновь забрались в машину, но ненадолго, поскольку Найджел остановил автомобиль ещё раз. Они увидели перед собой большое здание в два этажа в неоготическом стиле с крыльями, выдающимися с обеих сторон, и явно необитаемое. Его окружала металлическая ограда, которая изо всех сил, но тщетно, пыталась сдержать обильную растительность. На одной створке ворот, частично скрытых плющом, висела табличка: «Продаётся».

Найджел вышел из автомобиля, остановился перед воротами и открыл их – те протестующе закричали. Он некоторое время стоял, пристально глядя на внушительное здание, расположенное в конце длинной дорожки, края которой были едва заметны. Хелен присоединилась к нему:

– Только не говори, что интересуешься этой старой развалюхой.

– Старой развалюхой? По мне она выглядит довольно прочной.

– Мне она кажется зловещей, – пробормотала Хелен, глядя на почти поглощённую растительностью серую массу, которая действительно выглядела неприветливо. – Только не говори, что собираешься это купить.

Найджел пожал плечами:

– Очевидно нет – после всех расходов, которые мы понесли.

– Купить? – раздался голос позади них. – Вы хотите купить это поместье? Вы будете первым покупателем с тех пор, как его выставили на продажу.

Пара обернулась и увидела старика в кепке, который стоял, опираясь на палку.

– Я из деревни вон там. – Он указал на церковный шпиль, возвышающийся над зелёным морем позади них на расстоянии приблизительно в милю. – Знаете, это хорошее вложение. Я уверен, что владелец уступил бы вам его за треть стоимости.

Мэнсоны обменялись взглядами, и Найджел спросил:

– А можно поинтересоваться, почему он просит так мало?

Старик улыбнулся:

– Вы, очевидно, не из этих мест. Понимаете, у «Трирайс-мэнор» плохая репутация с тех пор, как молодую женщину столкнул вниз человек-невидимка.

– Столкнул человек-невидимка? – пробормотал Найджел. – Но...

– Ну, очевидно, не она про это рассказала после того, как упала и раскроила череп. Но её столкнул невидимка, как я сказал, и тому было много свидетелей. Вижу, вас интересует эта история. Если у вас найдётся пять минут, я расскажу.

Фактически старику потребовалось на это больше четверти часа, но они слушали его с открытым ртом.

– Понимаете, – закончил он, – это только одна из многих местных тайн. Ну, я должен идти. Надеюсь, что не напугал вас этой странной историей.

После того, как старик исчез внизу за поворотом дороги, Хелен очутилась в объятьях мужа.

– От этой истории с призраками у меня мурашки по коже.

– Не призрак, дорогая, невидимка. Есть разница.

– Ты говоришь странные вещи, Найджел. Что у тебя на уме?

– У меня только что появилась идея, любимая, – изумительная идея!

6

«ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА»

Лучи прожекторов сошлись на столе, как и взгляды двух мужчин. Младший казался очарованным синей жидкостью, циркулирующей в сосуде, откуда она, бурля и пенясь, вытекала в чашу. Дав жидкости охладиться, мужчина поднял чашу и предложил её компаньону, лицо которого было белым от страха.

– Давайте, Альфред, не бойтесь. Пейте!

– Действительно ли сэр уверен, что?..

– Могу заверить, что вы ничуть не пострадаете и всё будет хорошо.

– Я не это имею в виду. Сэр действительно уверен, что после того, как всё закончится, я вновь стану нормальным?

– Совершенно уверен. Видите ту красную флягу на буфете? Две ложки той микстуры, и вы будете столь же видимы, как теперь. И, так или иначе, Альфред, как вы могли подумать, что я провёл бы эксперимент на вас, если бы не был абсолютно уверен в полном успехе?

– А тогда зачем проводить этот эксперимент, сэр?

– Простая демонстрация, дорогой Альфред. Демонстрация и ничего больше. А теперь, пожалуйста, выпейте.

– Демонстрация? Для чего сэр хочет продемонстрировать что-то, в чём он абсолютно уверен?

– Демонстрация не ради меня, Альфред, а ради вас.

– Я надеюсь, сэр простит мне, но в этом случае почему он не выпьет сам? Это было бы более логичным.

– Альфред, если вы немедленно не выпьете, можете считать себя уволенным!

– Сэр не должен сердиться, я только хотел...

– Выпейте, больше повторять на буду! Я уверен, вы понимаете, что у меня, если бы я пожелал, через час перед дверью скопилась бы дюжина кандидатов на вашу должность, готовых проглотить десять таких порций, если я попрошу.

Слуга был явно потрясён. Он сглотнул, поднял чашу, закрыл глаза и выпил всё залпом. Сразу после этого он, казалось, ослабел, колени его задрожали, и его окутало облако дыма, в котором его силуэт размылся. Когда дым рассеялся, Альфред исчез.

– Работает, Альфред! – воскликнул его хозяин. – Работает! Изумительно! Альфред, вы там?

Голос камердинера донёлся с места, где он исчез:

– Я здесь, сэр. Надеюсь, сэр простит меня, но сэр, кажется, сильно удивлён результатом эксперимента?

– Я преуспел в том, чтобы сделать вас невидимым, Альфред. Невидимым. Вы невидимы, Альфред, невидимы! Вы понимаете честь, которой удостоились?

– Слишком хорошо, сэр, слишком хорошо. Теперь, если это вас не очень затруднит, я хотел бы вернуться к тому состоянию, в котором был.

– Конечно, дорогой Альфред, конечно. Оставайтесь здесь, и я сам принесу флягу. Вы увидите, двух ложек будет достаточно, и вы снова сможете увидеть себя в зеркале.

Спустя небольшое время фляга была пуста, но Альфред всё ещё оставался невидим.

– Я так и знал, – сказал трагический голос. – Так и знал!

– Послушайте, Альфред, не нужно поднимать шум. Поставьте себя на моё место. Думаете, это забавно, когда тебе служит воздушное дуновение, или завтрак вдруг сам под-

летает к кровати? В любом случае, не всё потеряно. Я уверен, что на днях найду правильную формулу.

– Будем надеяться, сэр, ради вас самих.

– Прошу прощения?

– Давайте надеяться, что сэр сможет всё сделать как можно скорее. Я хочу стать таким, как прежде. Иначе, вы ни на миг не будете знать покоя. Вижу, вы мне не верите. Ну, теперь моя очередь предложить небольшую собственную демонстрацию.

После этого голоса Альфреда больше не было слышно, несмотря на попытки его хозяина заговорить с ним. Последний попытался провести рукой перед собой, но не встретил препятствия, затем сделал попытку обыскать все четыре угла комнаты, но всё ещё без успеха. Он резко опустился в кресло и зло огляделся.

– Я начинаю понимать. Альфред, если вы когда-либо...

Зазвонил звонок у двери, и хозяин встал, чтобы открыть дверь. В комнату влетела симпатичная платиновая блондинка приблизительно двадцати лет и бросилась в его объятия.

– Харви, любовь моя. Наконец-то!

– Джудит, любимая.

Их объятие перешло в страстный поцелуй, но затем прекрасная Джудит отодвинулась и посмотрела на компаньона.

– Харви, любимый, что-то не так? Только не говори, что твоя жена возвращается сегодня. Ты обещал, что у нас будет два дня только для себя. Два дня счастья!

Зазвонил телефон, и они оба застыли с тревогой.

– Я должен подойти, – сказал Харви. – Если это Сара, а я не отвечу...

Он всё ещё говорил, когда звонки прекратились. Глаза прекрасной Джудит широко открылись и она громко закричала:

– Харви! Телефон. Трубка поднялась сама!

Застывший на месте хозяин не сводил глаз с телефонной трубки, затем он сделал шаг вперёд, чтобы схватить её.

– Алло? А, это ты, Сара. Что, дорогая? Да, конечно, я один. А кто, по-твоему, здесь может быть? Крик? Кто-то кричал? Ах, да, глупышка моя, я забыл. Я подвернул лодыжку, когда побежал брать трубку – боялся, что не успею ответить на твой звонок. И в это время, конечно...

В тот же момент Харви упал на четвереньки перед Джудит, которая издала ещё более громкий крик, чем прежде.

Повисло гробовое молчание, а затем хозяин дома, всё ещё на полу, взял трубку, которая подлетела к нему по воздуху.

– Алло? Ты слушаешь, Сара? Что?... Нет, ничего, уверяю... крик, да. Это был Альфред, он репетирует. Можешь не верить, но он хочет присоединиться к театральной труппе... Шекспир. Передать ему трубку?.. Он только что вышел. Нет, уверяю, здесь всё совершенно нормально...

Под гром аплодисментов занавес Королевского театра опустился, знаменуя конец первого действия «Человека-невидимки». То же было на протяжении всего спектакля. Когда «Харви» в конечном счёте представил других участников спектакля, он был особенно счастлив объявить:

– В роли Джудит – Натали Марвел.

Белокурую красотку тепло приветствовали, почти так же, как основного актёра, на которого она указала широким жестом:

– И Найджел Мэнсон.

Это был триумф.

Двое мужчин, сидящих в середине партера, обменивались впечатлениями о спектакле, терпеливо ожидая, когда соседи освободят места в проходах.

– Заслуженный успех, Твист. Теперь я понимаю, почему все билеты проданы, хотя спектакль идёт уже две недели.

Я рад, что последовал вашему совету и позволил вам вытащить меня сюда.

Арчибальд Хёрст, полный мужчина приблизительно пятидесяти лет с румяным лицом, не часто переступал порог театра. Его захватывающая работа в качестве инспектора Скотланд-Ярда оставляла слишком мало времени для таких развлечений. Он как-то ухитрялся – и все его коллеги были в этом единодушны – получать для расследования самые сложные дела. К счастью для него, часто в расследованиях ему помогал его друг Алан Твист. Он был выдающимся криминологом, который проявил больше изобретательности, пытаясь заманить Хёрста в Королевский театр, чем обычно использовал при расследовании преступлений. Высокий и очень тонкий, он держался спокойно, но за стёклами пенсне глаза его смотрели внимательно и настороженно.

– Рад это слышать, Арчибальд. Надеюсь, в будущем мы сможем делать это неоднократно.

– Если актёры столь же хороши, как эти, можете на меня рассчитывать. Найджел Мэнсон и Натали Марвел сверхъестественны. А те сцены с невидимкой – я давно так не смеялся. Между прочим, вы знали, что Найджел Мэнсон сам написал сценарий?

– Так говорят, но я не удивлюсь, если некий мистер Уэллс выставит счёт. Однако выступление его и мисс Марвел было блестящим.

– Когда встречаются две такие звёзды, неизбежно начнут лететь искры.

– Уже летят.

Хёрст нахмурился:

– О чём вы?

Доктор Твист снял пенсне и тщательно его протёр.

– Разве вы не заметили, как они целовались?

– Как? Твист, это же театр!

– Очень убедительный поцелуй, должен сказать. Слишком убедительный, по-моему. И вы заметили, как они смотрели друг на друга во время всего первого акта?

– Так требуют их роли. Вы не можете ожидать, что они станут вести себя как мраморные статуи.

Твист пожал плечами.

– В любом случае уже поползли слухи. Найджел Мэнсон встретил мисс Марвел на первой репетиции два или три месяца назад.

– Счастлив видеть, что вы не ограничиваетесь судебной хроникой, когда читаете газеты.

– Говорят, она фактически «загарпунила» его даже при том, что, как вы должны знать, он женат меньше года.

– Насколько я знаю, Мэнсон никогда не был святым. Так или иначе, Твист, куда вы клоните? Вы знаете, так же как я, что для этих людей такое поведение естественно.

Голубые глаза Твиста стали задумчивы:

– Всё равно, странное совпадение: Натали Марвел – любовница Мэнсона на сцене и в его частной жизни.

– В каком-то смысле это даже забавно, вы не находите? – ответил полицейский, поднимаясь из кресла, которое облегчённо заскрипело. – Теперь нам остаётся надеяться на одно.

– На что?

– Что невидимка не разрушит личную жизнь Найджела Мэнсона.

ВПЕРЕДИ ТРУДНЫЕ ВЫХОДНЫЕ

Стоя перед открытым окном, Хелен Мэнсон печально смотрела на холмы Дартмура, по-видимому не тронутая их красотой под вечерним солнцем. Она не могла сдержать дрожь при виде «Скалы желаний», необычные контуры которой выделялись на янтарном фоне горизонта, и чуть не подпрыгнула, когда муж заботливо спросил:

– Что-то не так, дорогая?

Что-то не так! И у него хватает бесстыдства задавать подобный вопрос, когда её съедает гнев и ревность? Ну и наглец!

Стараясь сдержать эмоции, Хелен мысленно пробежалась по событиям последних двенадцати месяцев их совместной жизни, отмеченной постоянным скоплением чёрных туч. Никаких жалоб на лето и их медовый месяц, но в последующие недели ей стал казаться странным необычайный интерес, который Найджел проявлял к постановке новой пьесы. Как только она обратила внимание на новую актрису, играющую в одном спектакле с мужем, её инстинкты подсказали, что их супружеское счастье под угрозой.

Натали Марвел с волосами, слишком светлыми, чтобы быть естественными, ей не понравилась. Что касается её импресарио, Фрэнка Холлоуэя, она просто не знала, что и думать. Естественно, она посетила премьеру «Человека-невидимки», и мгновенный успех спектакля несколько умерил ревность, которую она почувствовала во время игры Натали Марвел, – эта игра, по её мнению, была слишком

провокационной. Затем поползли слухи, которым поначалу она отказывалась верить. Всякий раз, когда она волновалась о слишком продолжительных отлучках мужа, его ответ состоял в том, что это цена успеха. Пока удача улыбается им, на что она жалуется? Ответить на это было нечем, в особенности потому, что слава Найджела росла и с ней росли доходы.

В середине мая он намекнул о предстоящем сюрпризе, не вдаваясь в детали. И безжалостно держал её в неведении, лишь три дня назад гордо объявив:

– Пакуй сумки, дорогая, мы едем за город на несколько недель! Куда? В этом-то и состоит сюрприз. Помнишь наш медовый месяц, когда мы остановились перед заброшенным поместьем в Дартмуре?

– Тем, со зловещим прошлым? Тем, которое дало идею для «Человека-невидимки»?

– Да. Оно продавалось, помнишь? Ну, я купил его за бесценок. Ремонт стоил немного больше, чем я ожидал, но оно того стоило. Получилась прекрасная сельская резиденция, где можно хорошо отдохнуть.

– И мы едем туда? – Хелен просто не находила слов.

– Именно. Выезжаем завтра утром, и гарантирую, что ты не разочаруешься. Я слышал, что проделана колоссальная работа. Жилые помещения переделаны на современный лад, за исключением западного крыла, которое просто не пережило бы ремонта. О, чуть не забыл: Фрэнк и Натали приедут на уик-энд.

Той ночью Хелен не сомкнула глаз. Что расстраивало сильнее всего? Мысль о том, чтобы провести несколько ночей в том ужасном месте, или обязанность наблюдать, как эта нахалка красуется под крышей её, Хелен, собственного дома, пусть даже только на уик-энд? И всю эту ночь Найджел совершенно спокойно спал рядом с ней на двуспаль-

ной кровати. Можно было протянуть руку и разбудить. Но она решила отнестись к ситуации как можно спокойнее.

И, таким образом, приблизительно двадцать четыре часа спустя она с вымученной улыбкой уже приближалась по длинной аллее к поместью. Здание всё ещё казалось отталкивающим, но она вынуждена была признать: окружение удивительно изменилось, учитывая практически девственный лес, который стоял здесь всего лишь год назад. Центральная аллея шла через широкую лужайку, на которой величественно высилась превосходная старая магнолия, окружённая несколькими прихотливо разбросанными цветущими рододендронами. Территория была окружена вековыми деревьями, которые позволяли видеть с дороги лишь проблески фасада, – всю сцену украшали великолепные клумбы, столь же красочные, сколь и душистые. Взяв её за руку, Найджел действовал как гид, объясняя с плохо скрываемой гордостью все произведённые изменения.

– Как видишь, снаружи здание не затронуто, лишь покрасили двери и оконные рамы. Гостевые спальни находятся в крыле слева от тебя. Главная гостиная, куда мы сейчас пойдём, расположена на верхнем этаже. Ещё несколько шагов, и мы на месте.

Когда он открыл перед ней дверь и они направились наверх, Найджел объяснил, что выбрал эту комнату потому, что из неё открывается самый захватывающий вид на торфяники. С чем не поспоришь, восторженно признала Хелен, подойдя к одному из двух окон, выходящих на центральную аллею.

После того, как муж показал ей планировку гостевого крыла и главного здания, Хелен стала пересматривать свои первые отрицательные впечатления. В конце концов, в этом месте не было ничего зловещего, а модернизация внутри была произведена исключительно умело. Их первый обед состоял из холодных блюд, поданных Дженни, дочерью по-

варихи, – они составляли весь штат. Перед тем, как укладываться спать, Найджел показал ей неиспользованное крыло, где произошёл трагический инцидент на лестнице. У неё сразу же возникло беспокойство, словно тёмное резное дерево и гобелены сами по себе представляли угрозу. Молча она последовала за Найджелом по скрипящей старой лестнице. На площадке, где единственное освещение давал канделябр в руках Найджела, её беспокойство усилилось. Словно где-то в тёмном коридоре, ведущем к пустующим комнатам в этом крыле, скрывалась злая сила. Именно в том месте, где она сейчас стояла, женщина упала с лестницы, а рядом с ней не было ни человека, ни животного. Внезапно хлопнувшая дверь заставила её вздрогнуть и закричать. Найджел насмешливо воскликнул:

– Ба! Да ты просто комок нервов, Хелен! Это всего лишь захлопнувшаяся дверь.

Той ночью она вновь не могла заснуть. На следующий день, в пятницу, ничего особенного не произошло, но перспективы неизбежного визита Натали было достаточно, чтобы испортить день. И затем наступила суббота, то есть сегодня, и гости прибыли.

Всего лишь пять часов назад Фрэнк Холлоуэй и Натали Марвел открыли ворота, которые она могла видеть со своего наблюдательного пункта в гостиной. Пять кошмарных часов, в течение которых Хелен вынуждена была демонстрировать искусственные улыбки, общительность и заботу о Натали, не говоря уже о том, что она видела иронию в глазах Фрэнка Холлоуэя, когда тот наблюдал за Найджелом, старающимся угодить гостям. Хелен была уверена, что импресарио эта игра не обманула. Сама же она прекрасно понимала всё, что происходит, и это её глубоко оскорбляло.

Пока же Фрэнк и Натали разошлись по комнатам, чтобы переодеться. Краткий момент спокойствия, который

Хелен хотелось бы продлить подольше. Её нервы были настолько на пределе, что потребовалось время, чтобы ответить мужу, у которого хватило нахальства (или это полное отсутствие чувствительности), чтобы спросить её, почему она не в себе.

– Я? Не в себе? С чего ты взял?

Ей хотелось крикнуть ему, что она не вынесет ещё минуты в обществе этой глупой девицы и что она за себя не отвечает, если всё-таки придётся это сделать, но решила прикусить язык. Она слишком хорошо помнила реакцию Найджела, когда в неудачный момент высказала ему в лицо всё, что думала о его молодой протеже, и откровенно наемкнула на их внебрачные отношения. Слово «развод» на губах Найджела заставило её замолчать. Развод не только противоречил жизненным принципам Хелен, но она просто не хотела рисковать потерять мужа, которого всё ещё любила несмотря ни на что. Впоследствии он вновь попытался начать обсуждение этой темы, но она намеренно её избегала. Вопреки всему она надеялась, что, рано или поздно, он поймёт, как глупо поступил, потому что всё, что могла предложить эта женщина, это нахальство и платиновые волосы.

Она повернулась к Найджелу, который сидел в кресле, рассеянно листая журнал с фотографиями киноактёров.

– Между прочим, я говорил тебе о контракте, который подписал, – тур по Америке?

– Гастроли? В Америке? – запинаясь, повторила Хелен. – Когда? И на сколько?

Найджел небрежно провёл рукой по волосам.

– В конце года. А время... очевидно, всё будет зависеть от успеха. Но, вероятно, несколько месяцев.

Хелен почувствовала, как горло сжалось.

– *Несколько месяцев? И она тоже поедет?*

– Она? Кто она?

– Твоя... Натали. Прекрати валять дурака!

– Очевидно, она там будет. Без неё не может быть «Человека-невидимки». Как будто ты не понимаешь.

Повисло долгое молчание. В воздухе, казалось, висели невысказанные фразы. Пытаясь уйти от разговора и вернуть атмосферу, которую с таким трудом ему удалось создать, Найджел сменил тему:

– Между прочим, пойдёшь с нами сегодня вечером? Мы с Фрэнком планируем заглянуть в деревенскую гостиницу. Вчера я зашёл туда и встретил нескольких местных, довольно забавных. Там есть весьма высокомерный учитель философии, весёлый пьяница и один из сельских докторов со старомодными манерами. Прекрасная компания. С ними не соскучишься, держу пари!

– Сегодня я не в настроении. Наверное, лягу спать пораньше. Нужно наверстать недосып.

– Как знаешь. Можешь составить компанию Натали. Она устала от поездки и тоже не хочет идти.

8

ЗВЕЗДА И ЕЁ СОЗДАТЕЛЬ

Раздался трёхкратный стук, и дверь распахнулась.

Натали Марвел закончила натягивать жёлтый свитер и обернулась:

– А, это ты, Фрэнк. Мог бы, по крайней мере...

– Постучать, прежде чем входить? Я так и сделал, сладенькая, – ответил Фрэнк, широко улыбаясь.

Он подошёл к стулу у окна и сел, удобно скрестив ноги. Затем зажёл сигарету и посмотрел на молодую актрису сквозь дымовую завесу.

Фрэнк Холлоуэй был странным человеком, который, по словам тех, кто его хорошо знал, всегда улыбался, как бы плохо ни шли дела. Но голубые глаза выдавали его, темнея, когда он сердился, и становясь цвета безоблачного неба, когда он был в хорошем настроении. Некоторые считали его злонамеренным. Один театральный критик даже описал его как очаровательного выдающегося жулика, и это мнение, казалось, за ним закрепилось. Среднего роста, всё ещё стройный и изящный сорокалетний мужчина, он носил костюмы строгого классического покроя. Обширная коллекция галстуков – от строгих до кричащих, все, естественно, шёлковые – добавляли необходимый оттенок создаваемому образу. Его никогда не видели без роскошной булавки для галстука с жемчужиной и двух красивых золотых перстней, а начинающие седе́ть волосы закрывала превосходная панама. В холодное время её сменяла широкополая фетровая шляпа, дополненная подходящим шар-

фом. Это придавало ему средиземноморский вид, на который так падки леди. Натали Марвел была не из тех, кто смог устоять. Гибкая и изящная, молодая актриса гордилась длинными тёмными ресницами, которыми пользовалась для создания образа *инженю*, столь любимого фотокорреспондентами. Для этого приходилось много долгих часов проводить перед зеркалом.

Только вчера, казалось, он смотрел на неё за этим занятием в небольшом номере захудалого отеля, когда она была его любовницей. Ему ещё тогда вспомнилась довольно остроумная фраза Тартюфа на отвратительном французском: «Прикрой грудь, которую я не должен видеть», – хотя он сделал движение с противоположной целью. Он с ностальгией покачал головой. Казалось, это было так давно...

По странному совпадению Натали думала о том же, но со значительно большей горечью. Она вспоминала тот же самый момент и упрекала себя за то, что была такой душой. Это было лишь три года назад, хотя казалось прошло больше времени. Они колесили по всей Англии от одного паршивого театрала к другому. Времена были тяжёлые, но не хуже, чем раньше – в те годы, когда она добывала свой хлеб, выполняя акробатические трюки. Сколько раз она сжимала зубы, настойчиво пробиваясь к мечте. Она решила, что мечта осуществилась, когда встретила Фрэнка Холлоуэя, который был непревзойдённым, описывая перспективы великолепной карьеры на сцене невинным молодым девушкам.

Она помнила вечер в интимной обстановке небольшого ресторана, когда он казался очарованным её талантом и уверял в успехе выбранной карьеры. И помнила обольстительную улыбку и блеск золотых колец, когда он подливал ей джинс с той же скоростью, с какой она его пила.

Ей не потребовалось много времени, чтобы понять: Фрэнк был мелким промоутером второразрядных шоу, которого

больше интересовало очарование его протее, чем их будущее. Но, как ни странно, именно тогда, когда она погрузилась в глубины отчаяния, Фрэнк, наконец, поверил в неё и начал работать, не жалея сил, чтобы устроить шоу, где у неё была бы звёздная роль, даже ставя под угрозу собственные финансы. Судьба, которая отворачивалась от неё до этих пор, внезапно повернулась лицом. Её мечта осуществилась, и немногие актрисы пережили такой быстрый успех.

Тем временем у Фрэнка, пристально глядевшего на Натали, были свои воспоминания о недалёком прошлом. Когда среди участников постановки появился Найджел Мэнсон, Фрэнк поверил, что проект будет иметь успех. Представляя актёра Натали, он уже понимал, что потеряет любовницу. Он редко видел такую животную страсть в чьих-либо глазах, какую заметил в тот день у Натали. Через сорок восемь часов она холодно объявила, что с этого момента их отношения будут строго профессиональными. На следующей неделе она стала умолять держать их былую связь в тайне.

– Скажи мне, Нат, – попросил он, беря её за подбородок, – почему ты не хочешь, чтобы Найджел знал о нашей связи?

– Ну, – она ответила, смотря на своё отражение в зеркале, – я думаю, что это испортит деловую атмосферу.

– Должен ли я напомнить, что тебя ничуть не смущает совращение человека, который лишь недавно женился. Это к вопросу о мирной и безмятежной атмосфере.

– Очень хорошо. Если хочешь знать, я убеждена, что, если бы он узнал, что у меня была связь с таким старым сатиром, как ты, он почувствовал бы такое отвращение, что никогда не предложил бы мне роль.

– Что ж, по крайней мере, откровенно, но это не очень красиво по отношению к старому товарищу. У тебя очень короткая память, Нат.

– Насчёт чего?

– Того, что я сделал для тебя.

Натали отреагировала так, словно её ужалила оса.

– Смеёшься, Фрэнк? Ты серьёзно думаешь, что я подписала бы договор, который ты дал мне на прошлой неделе, если бы была неблагодарной? Я не обязана была давать тебе процент от гонораров за мою поездку в Америку.

– Нат, я говорю не о деньгах.

– О чём тогда?

– Ну, я имею в виду, если ночью иногда почувствуешь себя одинокой, то твой старый друг всегда рядом.

Она оглядела его сверху донизу, пожалала плечами, и продолжила наносить косметику. Наклонившись вперёд, она случайно разбила бутылку духов о мраморный пол.

– Хорошо, хорошо, не сердись. Я лишь подразумевал, что мог бы тебя утешить. Должен сказать, в последнее время ты сама не своя. Я никогда не видел тебя так на грани, как во время поездки сюда. А что до твоих приветливых улыбочек жене Найджела, они меня не обманули ни на секунду. Знаю, тебе нравится быть с ней особо вежливой, чтобы посильнее изводить, но ты зашла, пожалуй, слишком далеко. Ты что-то скрываешь.

Глаза молодой женщины наполнились слезами, которые она попыталась энергично вытереть.

– Осторожней дорогая, тушь размажешь.

– Уходи!

– Проблемы с Найджелом? – рискнул Холлоуэй. – Как у вас дела? Всё ещё собираетесь пожениться?

– Он хочет, но сначала должен получить развод.

– А твои чувства не изменились?

– Конечно, но...

– Но? – повторил Фрэнк, и в его полузакрытых глазах вспыхнул интерес.

– Откровенно говоря, не знаю, что в последнее время на него нашло. Не понимаю, что заставило его ремонтировать эту старую рухлядь, от которой многие мили до приличных мест, и ни слова не сказать мне.

– Он хотел удивить тебя.

– Удивить меня? – повторила Натали, и глаза её запылали гневом. – Ну, это ему, конечно, удалось! Он объявил нам, что приглашает провести выходные за городом...

– Едва ли он мог пригласить тебя одну. Можно представить, какая сцена разыгралась бы! Прямая провокация по отношению к жене.

– Это понятно, но дело в другом. Он категорически отказывается сказать нам, где это находится, а затем посылает телеграмму за сорок восемь часов до того, как мы должны выехать.

– Я же говорю, Нат, сюрприз. Это настолько очевидно, что просто не могу понять, почему...

– Ах очевидно? Тогда скажи: что побудило его купить эту свалку, да ещё в такой дыре?

– Я только что объяснил тебе, Нат, что ты всего лишь расстроена. Нам пришлось ехать без остановки. Ты просто устала.

– Да, должно быть это, – ответила она, обхватывая голову ладонями.

Фрэнк Холлоуэй встал и вздохнул:

– Итак, насколько я понял, сегодня вечером ты не планируешь присоединиться к нам в гостинице?

– И убивать время с местными занудами? Конечно нет.

9

УБИЙСТВО

Следующий день, воскресенье, выдался великолепным. Было лишь начало второй половины дня, и птицы кружили в небе вокруг «Трирайс-мэнор», окна которого искрились в солнечном свете. Улыбка Найджела Мэнсона, возможно, заставила бы кого-то полагать, что он прекрасно себя чувствует, но более внимательный взгляд показал бы, что он очень обеспокоен. Он всё ещё чувствовал последствия предыдущего вечера, поскольку покинул гостиницу в час закрытия в том же самом смутном состоянии, что и его компаньоны. К тому же сейчас он оказался в гостинице с двумя людьми, обществом которых он наслаждался бы *tête-à-tête*,¹ но не вместе. Атмосфера была наэлектризованной, и ничто в нарочитой небрежности Натали не заставляло его надеяться, что что-то улучшится.

Покусывая оправу солнцезащитных очков, она, казалось, вся ушла в рассматривание двух фотоаппаратов на буфете, заглядывая в объектив каждого, словно ожидала, что в любой момент может вылететь птичка. Повернувшись к Хелен, она произнесла:

– Надеюсь, вам вчера вечером повезло больше, и Найджел не разбудил вас, когда вошёл. Я спала как убитая, когда он ввалился ко мне в комнату, благоухая пивом. Заявил, что ошибся дверью.

Хелен, которая рассеянно переставляла статуэтки на каминной полке, не произнесла ни слова.

¹ Здесь, по отдельности (фр.).

Делая вид, что молчание Хелен её нисколько не задевает, Натали, напевая «Чай для двоих», прошла мимо неё к окнам, выглянула наружу и сказала:

– Такая изумительная погода... Найджел, могу я позаимствовать один из ваших фотоаппаратов? Мне хотелось бы сделать несколько фотографий окрестностей.

– Конечно, – быстро согласился актёр. – Погода как раз подходящая. Но не задерживайтесь слишком долго: вы же знаете, мы ожидаем гостей.

– Добрых селян, – добавила Хелен с совершенно искренней улыбкой, – которые так разочаруются, если не увидят несравненную мисс Натали Марвел во плоти.

Секунду актриса, казалось, не знала, что ответить, но затем быстро нашлась и подарила Хелен приторную улыбку:

– Не волнуйтесь, я – недалеко и вернусь в один миг.

С этими словами она водрузила тёмные очки на дерзкий носик, пересекла комнату, чтобы взять один из фотоаппаратов, и вышла. Супружеская пара некоторое время сидела молча, а затем Хелен перешла к столу с напитками, налила себе в стакан содовой и спросила:

– Между прочим, а кого именно мы ждём?

– Я уже говорил, что не помню точно. Мы были в таком состоянии, включая Фрэнка...

– Но это же не он приглашал?

– Нет, конечно нет. И давай не преувеличивать: я просто спросил у пары человек, не хотят ли они подойти и выпить после ланча. – Он вытер лоб. – Давай посмотрим: есть этот тип, как там его? Ах да, Ситвелл. Есть доктор Грант и довольно яркий типаж...

– Уже почти три часа, а никто не явился. Ты уверен в том, что говоришь?

– Конечно. Кроме того, Фрэнк упоминал об этом за ланчем. Кстати о Фрэнке, я задаюсь вопросом, почему он сейчас не с нами.

– А я задаюсь вопросом, как тебе удалось перепутать дверь мисс Марвел с нашей вчера вечером. Её комната даже не на нашем этаже!

– А вот кто-то идёт по аллее, – оживился Найджел, подойдя к окну. – Видишь, я был совсем не так пьян, как ты думаешь.

Пять минут спустя доктор Томас Грант сидел в одном из кресел за столом с напитками и печально жаловался хозяевам:

– Ох, в моём возрасте следовало быть умнее. И ведь я сам все эти годы советовал пациентам не предаваться излишествам и не спешить: «Тише едешь – дальше будешь», как говорят. Вот Виктор заявляет, что человек всегда должен отвечать за свои поступки, и он прав.

– Я бы удивилась, узнав, что вы в такой же плохой форме, как Найджел, – вмешалась Хелен, улыбаясь мужу, который, наполовину повернувшись к окну, продолжал украдкой поглядывать на окрестности. – Он едва помнит, кого пригласил.

– Откровенно говоря, я забыл. Это Виктор напомнил мне как раз перед ланчем, когда разбудил меня.

– Доктор, не будьте столь строги к себе, – сказал Найджел, оглядываясь через плечо. – Виктор? Это – ваш друг, учитель Виктор Ситвелл?

– Да, и он должен появиться в любой момент, – объявил доктор, поглядывая на часы. Уже почти четверть четвёртого.

Хелен встала с дивана, чтобы присоединиться к мужу, но остановилась на полпути, увидев, что он делает знаки из окна.

– Йо-хо-хо, Нат! – позвал он. – Собираетесь присоединиться к нам?

Натали, которая только что пересекла лужайку, выйдя из центральной аллеи, остановилась около здания под ок-

ном. Подняв голову, она увидела в окне улыбающегося Найджела.

– Сейчас поднимусь, – ответила она. – Но сначала я хотела бы сделать ваше фото.

– Никаких проблем, – ответил актёр, высовываясь по грудь и положив руки на бёдра. – Подождите, у меня идея!

Одно движение, и он вскочил на подоконник. Найджел уселся, свесив ноги наружу и скрестив руки на груди, правое плечо прижато к косяку, и сделал вид, что всматривается вдаль с такой блаженной улыбкой и так естественно, словно сидит на лужайке. Даже при том, что она привыкла к акробатическим упражнениям мужа, желающего принять эффектную позу, Хелен казалась смущённой и испуганной. Она отвела взгляд и снова взялась за статуэтку.

– Готово! – крикнул Найджел молодой актрисе. – Снимайте!

Натали восхищённо кивнула и подняла фотоаппарат, ища актёра в видеоискателе. Затем нажала кнопку для первого снимка. Но не смогла сделать второй, и на то были серьёзные основания...

ВИЗИТ ИНСПЕКТОРА ХЁРСТА

Доктор Твист наслаждался мирным вечером в своей лондонской квартире, когда зазвенел дверной звонок. С некоторым раздражением и вздохом сожаления он оторвался от анализа серии необъяснимых преступлений, относящихся к прошлому столетию, и открыл дверь. Первое, что он заметил, это непослушную прядь на лбу гостя. Их опыта он знал, что положение этой пряди было лучшим индикатором настроения его друга инспектора Арчибальда Хёрста. Обычно его редкие волосы были аккуратно зачёсаны назад; если же это было не так, весь ад готов был вырваться на свободу!

Но на сей раз румяное лицо гостя было почти весёлым. Диагноз Твиста гласил: умеренное раздражение, смешанное с недоумением. Он оказался прав, но лишь когда инспектор с удобством уселся и сделал обычные комментарии о погоде, удалось выяснить причину визита.

– Помните вечер, когда мы ходили в театр на «Человека-невидимку» с Найджелом Мэнсоном?

– Конечно. В особенности потому, что вы так редко составляете мне приятную компанию на такие мероприятия, дорогой Арчибальд.

– Ну, как вы знаете, я постоянно занят, как, очевидно, вы сегодня. Дайте угадаю: вы провели весь день, уткнувшись нос к какое-то криминологическое исследование.

– Ну да, но как вам удалось?..

Хёрст пожал плечами, изображая скромность, которой противоречило гордое выражение на лице:

– Простая дедукция. Это – единственная вещь, которая помешала бы вам прочитать газету.

– А почему вы так уверены, что я не прочёл?

– Тогда вы, конечно же, заметили бы новости о смерти Найджела Мэнсона.

Выстрел попал в цель. Твист снял пенсне, поражённый сообщением друга.

– Я хочу ещё раз проверить вашу память, – продолжал полицейский. – В конце спектакля я полушутя заметил, что надеюсь: человек-невидимка на испортит личную жизнь Найджела Мэнсона. Тем не менее, именно это и произошло. Два дня назад в небольшой деревне на краю Дартмура Найджел Мэнсон упал с верхнего этажа своего загородного дома, поскольку его толкнул в спину человек-невидимка. Он умер на месте.

Твист уставился на друга и повторил:

– Толкнул человек-невидимка?

– Так говорят свидетели.

– Свидетели говорят, что видели невидимку?

– Правильно. Или, если предпочитаете, они не видели никого.

– Не видели никого... Почему бы вам не рассказать мне факты?

Хёрст достал из кармана блокнот, поудобнее уселся в кресле и начал:

– Газеты не дали детали, которые я собираюсь вам рассказать. Они сообщили о смерти Мэнсона, как о простом несчастном случае, и вполне возможно, что коронёр придёт к тому же самому заключению. Однако... Но позвольте начать с фактов и только фактов.

События произошли в старом поместье, которое Найджел Мэнсон восстановил и где он проводил несколько дней с женой. Было ровно четверть четвёртого в прошлое воскресенье, и он позировал для фотографии, сидя на подокон-

нике. Снимала Натали Марвел, которая была приглашена на уик-энд вместе с её импресарио, Фрэнком Холлоуэем. Она находилась снаружи на грунтовой дорожке, которая идет вокруг дома, и стояла под окном гостиной, где актёр позировал. В это время в комнате находилось двое людей: Хелен, его жена, и Томас Грант, деревенский доктор. Фрэнк Холлоуэй как раз входил в дверь. Пятый и последний свидетель – учитель, Виктор Ситвелл, как и Грант – новый друг Мэнсонов, который в фатальный момент шёл по центральной аллее от главных ворот к дому.

Он увидел, как Мэнсон взгромоздился на подоконник, и поэтому не удивился, что его фотографируют. Он особенно не смотрел на актёра, но внезапное движение привлекло его внимание. В любом случае он ясно видел выражение ужаса и удивления на лице Мэнсона, так же как две его руки, вытянутые перед собой, как будто он пытался оттолкнуть что-то непосредственно перед тем, как упал. Ситвелл клянётся, что в тот момент позади Мэнсона никого не было.

Натали видела Найджела в видеоискателе фотоаппарата и, как говорится, находилась в первом ряду зрителей. Но поскольку она стояла значительно ниже, то не могла видеть, был ли кто-то позади него. Единственное, в чём она уверена, это что Найджела внезапно «что-то» толкнуло. Он мирно улыбался ей из окна, когда внезапно всё произошло. То же самое описание, как у Ситвелла: внезапное удивление и ужас на лице, и руки, безуспешно пытающиеся восстановить равновесие. Он упал на гранитные плиты перед ней на расстоянии в несколько футов.

В гостиной доктор Грант сидел в одном из кресел под углом к окну, скорее спиной к нему. Мэнсона впрямую он не видел, но уголком глаз видел тень актёра. Что бы там ни было, он настаивает, что, если «что-то» приблизилось к Мэнсону, чтобы вытолкнуть его из окна, он не мог его не видеть. Фрэнк Холлоуэй, который открыл дверь напротив

двух окон как раз в момент, когда жертва упала, подтверждает, что около окон не было никого.

Лучшее свидетельство – показания Хелен Мэнсон, стоящей у каминной полки в десяти футах позади мужа, которого чётко видела. Он сидел там, приняв живописную позу, когда вдруг внезапно подался вперёд. Она совершенно уверена, что он не сделал ошибочного движения или тому подобного, потому что всё произошло слишком внезапно. И она совершенно уверена, что около него не было никого. Единственное, что она заметила необычного, это небольшое дуновение ветра, которое она почувствовала за несколько секунд до того, как всё произошло.

Хёрст убрал блокнот.

Твист, который закрыл глаза во время перечисления фактов, вновь открыл их и чуть задумался перед ответом:

– Это – одна из тех зловещих историй с призраками, так ценящихся в той части Англии. Вероятно, в Дартмуре нет ни одной квадратной мили, где в то или иное время не произошёл некий трагический или таинственный случай. Что касается этой конкретной истории, я действительно не знаю, что вам сказать. Нужно было бы посетить это место, увидеть и услышать свидетелей, чтобы сформировать точное мнение. Теория несчастного случая – случайное падение – кажется, исключается теми, кто видел трагедию. Самоубийство тоже, поскольку это было бы впервые, когда кто-то вёл себя подобным образом, прежде чем покончить с собой. Остаётся убийство. В этом случае факты говорят, что оно невозможно, и всё же ваше предположение: убийство совершено призраком. Жертва играла в пьесе о невидимке, и один из свидетелей почувствовал небольшое движение воздуха как раз перед фатальным моментом. Это – основание для вашего заключения. Вам не кажется, что немного слабовато?

– Ну, вообще-то, это не моё заключение, – ответил полицейский, явно смущённый. – Это мнение главы Ярда, который сам пришёл в мой кабинет этим утром. Он сказал, что у начальника полиции Девона, который является его старым другом, в Тавистокке на руках довольно специфичное дело, для которого может потребоваться помощь эксперта. – Хёрст скромно кашлянул, но лицо его ещё больше покраснело от гордости. – Я тоже посчитал описание фактов довольно любопытным, – поспешно продолжал он. – Я сделал несколько замечаний в том же ключе, что и вы, но его ответ был довольно неопределённым. Короче, я согласился заняться этим делом. И полностью разделяю ваше мнение: мы должны услышать показания из первых уст, если можно так выразиться, перед тем, как делать какие-либо выводы. Именно там мы найдём ключ к загадке. У местной полиции нет достаточного опыта в подобных делах, где нужно очень умело расспрашивать свидетелей, чтобы вытащить из них правду. Именно поэтому я довольно спокоен.

В глазах доктора Твиста вспыхнули весёлые искорки:

– Я заметил это, как только вы вошли. Но давайте не будем самонадеянными. Есть несколько аспектов в этом деле, которые дают пищу для размышления. То, что теория выглядит невероятной, не причина отказываться от неё. Фактически «невероятным» является только физический аспект дела. Что касается остального: слухи о связи Натали Марвел и Найджела Мэнсона, кажется, обоснованы. Муж, жена и любовница под одной крышей – залог трагедии, и жена с любовницей являются основными свидетельницами странного падения, которое, как все согласны, не несчастный случай. Добавьте к этому любопытное отношение вашего начальника, у которого, по-видимому, есть серьёзные основания для того, чтобы описать дело именно так, как он сделал, и...

Хёрст согласно кивнул и добавил:

– Если спросите меня, преступника следует искать в ближайшем окружении Найджела Мэнсона, а это его жена, Натали Марвел и Фрэнк Холлоуэй. Давайте пока не будем останавливаться на способе. Вы видели пьесу: там было несколько захватывающих эффектов, которые, возможно, использовал убийца. И нет никакой нехватки в мотивах этих двух женщин: соперничество и ревность, не говоря уже о вопросе наследства. Насколько дело касается импресарио, для него это, кажется, катастрофа, но в театральном мире личные и финансовые отношения часто сложнее, чем кажутся на поверхности.

– Вещи всегда сложнее, чем кажутся на поверхности, Арчибальд, как вы знаете из собственного опыта. Итак, когда мы выезжаем?

– Завтра рано утром. Я зарезервировал две комнаты в «Красном льве», деревенской гостинице, и...

Внезапно Хёрст замолчал и удивлённо открыл рот.

– Вы сказали «мы», – переспросил он. – Означает ли это, что вы хотите...

– Ну-ну, Арчибальд, вы же в этом никогда не сомневались, не так ли? Вы пришли сюда попросить, чтобы я сопровождал вас, очень хорошо зная, что я не откажусь. И в любом случае, между нами, я не считаю недолгое пребывание в Дартмуре неприятным.

II

РАССЛЕДОВАНИЕ

Во второй половине следующего дня доктор Твист и инспектор Хёрст стояли перед внушительным фасадом «Трирайс-мэнор». Среди больших окон, отражающих лучи заходящего солнца, их внимание привлекло окно гостиной, из которого упал Найджел Мэнсон. В двадцати футах внизу у их ног лежали большие гранитные плиты, примыкающие к фундаменту дома, отделяя его от грунтовой дорожки, которая его окружала.

– Вот куда он упал: как раз перед тем местом, где мы стоим, – сказал неприметный невысокий мужчина, сопровождающий их.

Суперинтенданту Уэстону можно было бы приписать несколько профессий, но не ту, которой он фактически посвятил жизнь. Хёрст, как и остальные до него, попался в ловушку внешности и приказал, чтобы глава полиции Тавистока (которого он принял за рядового сотрудника) объявил о прибытии инспектора из Скотланд-Ярда своим начальникам. Хотя суперинтендант воспринял шутку легко, этот инцидент нарушил безмятежную самоуверенность, которую инспектор Хёрст демонстрировал по дороге из Лондона.

– Он упал на теменную кость, – продолжал Уэстон. – Умер на месте. Мисс Марвел стояла, где мы сейчас. Виктор Ситвелл также засвидетельствовал падение. Он был там. – Суперинтендант указал за рододендроны на точку на центральной аллее на расстоянии приблизительно тридцать ярдов. – Он поспешил сюда, а минуту спустя к ним присоединился Бэзил Хокинс, про которого я уже рассказывал и

который также был приглашён. Он среагировал на крики двух женщин, но фактически сам не видел инцидента, хотя и находился не слишком далеко позади Ситвелла на дороге из деревни. В комнате были жена Мэнсона, доктор Грант и мистер Холлоуэй, но думаю, что лучше, если вы сами с ними поговорите.

Хёрст кивнул, но взгляд его всё ещё был прикован к окну над ними, как и у доктора Твиста. Задумавшись, он спросил:

– Вы исследовали все окна, стены и крышу?

Уэстон улыбнулся.

– Ничто не мешает вам проверить их самому, но могу обещать, что это будет пустая трата времени. Всё прочесано частым гребнем, включая пол гостиной и землю, на которой мы стоим. Ничего! Нигде ничего. Не малейшей улики, не малейшей подозрительной царапины. Только тело и фотоаппарат, разлетевшийся на тысячу частей. Молодая женщина выронила его от шока.

– Между прочим, – встрепенулся Хёрст, поражённый новой мыслью. – А вы...

– Да, мы проверили плёнку, – спокойно ответил суперинтендант. – К счастью, она не засветилась. Мы проявили её, но, к сожалению, это не помогло.

– Мисс Марвел сделала фотографию мистера Мэнсона, прежде чем он упал? – спросил инспектор.

– Да, она сделала снимок, но он ничего нам не говорит, могу вас уверить. Его смотрели и пересматривали, практически затёрли до дыр. Знаю, в детективных романах подобные «важные свидетельства» обычно дают решающую улику, но в этом случае – ничего. Могу показать её вам, если хотите.

– Очень хотим, – подтвердил Хёрст, и его грубые черты осветила хитрая улыбка, столь же широкая, как пропасть, которая, по его мнению, существовала между Скотланд-Ярдом и местной полицией в том, что касается наблюдения и способности проникнуть в суть. – Между прочим, су-

перинтендант, вы не поделились с нами своей теорией о том, что произошло.

Вопрос явно смутил Уэстона, который откашлялся, прежде чем ответить:

– Я предпочёл бы, чтобы вы сначала выслушали свидетелей, дабы не влиять на ваши рассуждения.

– Он не соскользнул и не потерял равновесия, в этом я абсолютно уверена. Я видела его в видеоискателе и как раз собиралась сделать вторую фотографию. Он был там, на подоконнике, и улыбался мне, когда всё произошло. Внезапно он полетел вперёд, словно его толкнули в спину.

Если и было что-то, что Натали Марвел никогда не могла полностью скрыть, несмотря на весь свой талант, это холодный, жёсткий блеск, который иногда появлялся в её глазах, отражая упрямую настойчивость, с которой женщина шла к славе и богатству. Естественно, он не появлялся, когда она хотела казаться откровенной, подрагивая длинными ресницами, что она проделала несколько раз с тех пор, как два детектива постучали в её дверь пять минут назад. Ни когда она надела на восхитительный носик тёмные очки, чтобы скрыть красивые серые глаза, ставшие красными от слёз, которые она не переставала лить после инцидента. Искренние слёзы? Доктор Твист не стал бы держать пари. Он задавался вопросом, о чём она жалеет больше всего: об утрате любовника или партнёра по сцене.

– И вы не видели никого позади него? – спросил Хёрст.

– Нет, но я действительно просто не могла никого видеть.

– Даже тень?

Натали Марвел на секунду замялась:

– Нет, не думаю. Но опять-таки, я была ниже и не в такой уж хорошей позиции.

– Ни где-нибудь ещё? На крыше, например, или в одном из других окон?

Актриса немного подумала, а затем твёрдо заявила:

– Нет, я абсолютно уверена. С того места, где я стояла, я бы это точно увидела.

Инспектор Скотланд-Ярда кивнул и что-то записал в блокнот.

– А что произошло потом? После падения, я имею в виду.

– Не знаю. Я закричала, фотоаппарат выпал из моих рук. Подбежал человек, и одновременно кто-то закричал в окне. Затем прибежал ещё кто-то, какой-то бродяга. После этого действительно не помню. Кто-то отвёл меня наверх и поставил что-то выпить.

Она всхлипнула, достала носовой платок, приложила к глазам, затем снова скрыла их за тёмными стёклами очков.

– Хорошо. В настоящий момент этого достаточно. Я хотел бы задать вам другой вопрос, мисс Марвел, менее болезненный, но не менее важный. По вашему мнению, у кого-нибудь была причина желать смерти Найджелу Мэнсону?

Актриса вновь сняла очки и ответила без колебаний:

– Да. У одного человека. Одного и только одного, поскольку только у неё была серьёзная причина убить его. Но, очевидно, она не могла этого сделать. Она не могла толкнуть его с того места, где стояла.

– Вы думаете о миссис Мэнсон, я полагаю? – уточнил доктор Твист, глядя на неё поверх пенсне.

В глазах Натали Марвел вспыхнул вызов:

– Именно она – наследница, не так ли? И она ревнива, как тигрица.

– Значит, вы действительно были её соперницей? – небрежно спросил детектив.

– Да. К чему скрывать? Она была в ярости. Старалась не показывать, но я-то видела. Она едва сдерживалась, когда я приехала сюда с Фрэнком в субботу. И после этого...

Доктор Твист попросил, чтобы она рассказала о последующих событиях, что она и сделала, нарисовав очень незавидный портрет миссис Мэнсон.

– Давайте подытожим, – сказал Твист после того, как она закончила. – Ваш друг импресарио и Найджел Мэнсон отправились, чтобы выпить в мужской компании, оставив вас здесь одних.

– Да, но в разных комнатах, вы же понимаете.

– И мужчины вернулись в два часа ночи, сильно подшофе.

– Да, и более того! Найджел...

Она закусил губу.

– Что вы говорите? – спросил Твист, который, делая отстранённый вид, не мог не восхищаться выражением лица белокурой молодой актрисы, лица молодой женщины только двадцати с небольшим лет с явной нехваткой самоуверенности, – что так контрастировало с профессиональной актрисой, готовой выстоять в любой ситуации, как она великолепно продемонстрировала за несколько минут до этого.

Она, очевидно, пожалела о своих словах, но, пожалав плечами, ответила:

– Что ж, Найджел вошёл в мою комнату. Нет, это было не то, о чём вы подумали, – он просто перепутал дверь. И это было вполне возможно, учитывая его состояние. По крайней мере, так он сказал. Я попросила его уйти, и он мудро послушался. Проблема не в этом. К сожалению, я упомянула об этом случае перед миссис Мэнсон, и она прямо-таки спала с лица. Сразу после этого я вышла из комнаты.

– И я полагаю, что желание пофотографировать было лишь предлогом?

– Естественно. Атмосфера так сгустилась, хоть ножом режь. Я ушла как можно скорее. Она, должно быть, размышляла о моих словах. Когда я думаю о том, что произошло потом... Если бы только я не попросила Найджела попозировать...

– Но, конечно, на подоконник он влез по собственной инициативе?

– Ну да, это правда.

– Вы сказали нам сейчас, – быстро продолжал Твист, – что миссис Мэнсон явно не могла вытолкнуть своего мужа из окна.

– Правильно, по крайней мере, так мне сказали.

– Именно здесь мы упираемся в стену, – тихо вмешался Хёрст. – Ваше свидетельство – точно такое же, как остальные; из всего, что мы знаем, теория несчастного случая или самоубийства исключается, и в результате мы вынуждены признать невозможное: убийство, совершённое тем же самым существом, что и в вашей пьесе, которую мы имели удовольствие смотреть. (Между прочим, вы играли великолепно!) Что произвело на нас впечатление наряду с игрой – и думаю, вы понимаете, куда я клоню, – это удивительные исчезновения и новые появления слуги. Каким был трюк?

– Понимаю. Ну, там был просто люк в полу, которым управлял один из рабочих сцены. Дым и освещение не позволяли аудитории видеть обман.

– Просто, но великолепно исполнено, – заметил доктор Твист.

– И не было ничего больше?

– Нет.

Разочарованный Хёрст устало покачал головой:

– Люк и рабочий сцены. Это не продвинет нас вперёд. Убийца, если он был один, наверняка не использовал этот метод. Чёрт, я надеялся на большее! – Он хлопнул ладонью по колену. – Понимаете, мисс Марвел, меня в этом деле больше всего беспокоит подобие между вашей личной жизнью и ролью, которую вы играете. Уверен, вы тоже это заметили. На сцене невидимка вторгается в жизни вашу и вашего возлюбленного, и то же самое происходит в действительности. Всё указывает на невидимку, явившегося, чтобы убить вашего друга актёра. Я заявляю совершенно откровенно, что мне это не нравится. Между прочим, что будет с пьесой? Вы спрашивали импресарио?

ПЕРВОЕ ОСЛОЖНЕНИЕ

Инспектору Арчибальду Хёрсту хватило пяти минут беседы с Фрэнком Холлоуэем, чтобы составить мнение о нём: чрезвычайно мягкий, хитрый как обезьяна и скользкий как угорь. Его елейной улыбки и сладострастного посасывания сигары было достаточно, чтобы инспектору захотелось схватить его за отвороты безупречного серого, как жемчуг, пиджака и тряхнуть так, чтобы зубы вылетели.

– Даже при том, что я привык к подобным ситуациям, мне трудно забыть тот конкретный вечер, – сказал Холлоуэй, кивая, словно изрёк что-то важное. – Фактически, если взглянуть назад, даже интересно, не был ли тот деревенский пьяница самым трезвым из присутствующих. По крайней мере, он пел, попадая в мелодию. Доктор был мертвецки пьян, и Найджел набрался прилично, как и добрый учитель. Что касается меня самого, я ничего не помню после того, как учитель заявил, что фотография на стене принадлежит ему, а владелец гостиницы отрицал это.

– Детали того вечера не очень важны, – заметил полицейский учтивым тоном, который едва скрывал его раздражение. – Нас интересует, что произошло потом.

– То, что произошло потом, как я сказал, вспоминается смутно. Я не помню, как вышел из гостиницы, не помню и как вернулся сюда. С другой стороны, я помню, как шарил в темноте в вестибюле в поисках лестницы. Я нашёл её, поднялся на один этаж и оказался перед комнатой Натали. Дверь была приоткрыта, и горел свет. Она разговаривала с Найджелом.

– По-вашему, он ошибся дверью? – спросил полицейский, стремясь не выдать голосом сарказма. – Во всяком случае, так он заявил мисс Марвел.

– Даже при том, что он был далеко не в лучшей форме, я так не думаю. Комната Найджела этажом ниже. Именно поэтому я сказал себе, что он сильно рискует, входя в комнату Натали. Разверзлись бы ворота ада, если бы Хелен застучала их среди ночи. Лучше предупредить их. Они говорили спокойно, и я не мог слышать того, о чём они разговаривают. Остановился на мгновение, прежде чем заглянуть. Они просто болтали. Думаю, Натали увидела меня перед тем, как я пошёл в свою комнату, где проснулся несколько часов спустя с раскалывающейся головой. Это было как раз перед ланчем. Атмосфера была – хоть ножом режь. Нам с Найджелом гордиться было нечем, и, очевидно, Натали и Хелен также были не в настроении. Именно тогда Найджел вспомнил, что пригласил некоторых из наших друзей из гостиницы, не помня чётко, кого именно и на какое время, что выглядело довольно глупо. Он спросил меня, могу ли я уточнить, но я не смог. После еды я пошёл вздремнуть и проснулся как раз за несколько минут до того, как всё произошло. Я открыл дверь гостиной лишь за секунду до того, как Найджел упал.

– Секундочку! – вмешался доктор Твист. – Вы сказали «за несколько минут». Что вы делали в течение того времени? Выглянули из окна, например? Ведь стоял великолепный день. Это – одно из первых моих действий после того, как встаю, особенно когда погода великолепна, – сказал детектив, открывая окно в комнате Холлоуэя, из которого под углом можно было видеть парадный фасад здания.

Хёрст присоединился к нему. Они молча смотрели на окна гостиной, из ближайшего из которых, находящегося по прямой в двадцати пяти футах, выпал Найджел.

Фрэнк Холлоуэй чуть подумал перед ответом:

– Да, действительно я помню, как посмотрел. – Он улыбнулся и кивнул: – Это было сразу после того, как я встал.

– В это окно?

– Да, но не было никого ни в одном из окон гостиной.

– Значит, это было непосредственно перед тем, как Найджел вскочил на подоконник. Вы слышали, как он обращался к мисс Марвел?

Импресарио положил руку на лоб:

– Кажется, я помню, что что-то слышал, но очень слабо, потому что моё окно было закрыто. Кроме того, я только что встал и, как говорится, мой движок ещё не работал всеми цилиндрами. Я надел свежую рубашку, расчесал волосы и, думаю, это всё, что я помню.

– Очень хорошо, – сказал Хёрст. – Теперь давайте вернёмся к моменту, когда вы открыли дверь гостиной. Скажите нам точно, что вы видели.

– Ну, я открыл дверь, которая расположена по диагонали от окна, где позировал Найджел. Я сразу заметил его, потому что необычно видеть, как там кто-то сидит. Прошло не больше, чем несколько секунд, когда – как бы это сформулировать? – он упал от сильного толчка в спину. Только позади него не было никого.

– А где в комнате находились другие люди?

– Доктор Грант сидел в кресле между мной и Найджелом, а Хелен подпирала камин.

– Вы описываете то, что сами видели в тот момент, или повторяете то, что впоследствии сказали другие?

Фрэнк Холлоуэй смутился:

– Трудно сказать. Не думаю, что я сразу заметил доктора в кресле. Но уверен, что видел Хелен, или, по крайней мере, заметил её присутствие. В любом случае, какая разница, увидел ли я их сразу или через несколько секунд?

Глаза Хёрста сузились, когда он пристально посмотрел на импресарио.

– Другими словами, вы не можете сказать нам точно, что делали все в тот самый момент, когда Найджел Мэнсон выпал из окна. Если бы кто-то сделал более или менее осторожное движение, вы бы его не видели.

Холлоуэй казался расстроенным этим замечанием и ответил почти против воли:

– Не могу этого исключить.

Арчибальд Хёрст сделал несколько пометок в блокноте, а затем попросил, чтобы свидетель описал точные отношения между актрисой и её партнёром по сцене. Холлоуэй не стал увильживать. После описания знакомства с Натали, их долгого пути к успеху (не упоминая, что она была его любовницей) и её роковой встречи с Найджелом он перешёл к сути.

– Никогда не забуду выражения её лица, когда она впервые встретила его. Просто не могла отвести от него взгляда. Я слишком хорошо её знал и всё понял. Меньше, чем через пару недель, они стали «партнёрами» в каждом значении этого слова.

По поводу планов пары Холлоуэй был так же откровенен, рассказав всё, что знал.

– Но чего не знаю, это отношения Хелен. Приняла бы она развод? Неизвестно.

– В любом случае вы совершенно уверены: она знала, что происходит?

– Ни тени сомнения даже при том, что она никогда не заговаривала со мной об этом. Возможности не возникало.

Хёрст почесал карандашом затылок.

– Всё равно странно, что Найджел Мэнсон пригласил любовницу провести здесь несколько дней, когда в доме находится жена.

– Ну, знаете, он, как и любой актёр, был немного эксцентричным. Его успехи в последние несколько месяцев также не улучшили его характера, а вскружили голову.

Возьмите, например, это поместье: можете поверить, что он никогда не говорил о нём ни одному из нас? Он купил его и полностью отремонтировал – и всё это в полнейшей тайне. В начале месяца он пригласил нас за город, не говоря, куда именно. Мы получили адрес телеграммой лишь за два дня до того, как должны были выезжать, и мы никогда не слышали об этом месте. Что оставалось делать? – Холлоуэй развёл руками в жесте отчаяния. – В нём было что-то от ребёнка – любил делать сюрпризы. Мне это в нём нравилось, но Натали на дух не переносила. Видели бы вы её! Была просто вне себя. Мне действительно пришлось надавить, иначе она не поехала бы со мной.

– И пропустила бы возможность провести выходные под одной крышей с его законной супругой? – заметил Хёрст с сардонической улыбкой. – Как удивительно!

– Я не уверен, что именно это её сильнее всего беспокоило. В конце концов, она получала извращённое удовольствие от мучений Хелен и вела себя вызывающе вежливо и заботливо. Нет, думаю, что её привела в бешенство импульсивность действий Найджела. Между прочим, я уверен, что именно поэтому она не пошла с нами и осталась в своей комнате вечером накануне. Обычно она – любительница развлечений и не избегает мужских компаний.

– Другими словами, она рассердилась на любовника.

– В воздухе висела гроза, но не больше.

– Были ли у неё другие причины быть им недовольным? Что-то посерьёзнее?

– Если я правильно вас понимаю, вы спрашиваете, был ли у неё мотив для убийства? – Он казался удивлённым вопросом.

– Если хотите.

– Нет, насколько я знаю. Фактически я думаю, что она больше всех проиграла в результате того, что произошло. Возможно, она не была столь опьянена Найджелом, как было

вначале, но в день, когда мы прибыли, она призналась мне, что всё ещё надеется выйти за него замуж. Если же отбросить чувства и сложные механизмы женского сердца, я сказал бы, что для неё это финансовая катастрофа. У неё, конечно, всё ещё впереди блестящая карьера, но именно «Человек-невидимка» сделал её звездой.

– И принёс вам значительную прибыль, – заметил полицейский.

– А почему нет? Как я сказал вам, я пошёл на очень большой риск, чтобы привести её туда, где она сегодня.

– Таким образом, смерть Мэнсона финансово ударила и по вам?

– Я не сформулировал бы так категорично. С одной стороны, я не совсем её импресарио. И с другой, мы всегда сможем найти замену.

– Таким образом, у вас тоже нет ни малейшего мотива?

– Нет, так как он был близким другом. Кроме того, у меня неопровержимое алиби.

– Проблема в том, что оно есть и у всех остальных. Причём такое, что вся теория убийства кажется абсурдной. Что приводит к самому сверхъестественному аспекту всего дела: все согласны, что виновник – злая эктоплазма, то есть, не кто иной, как «человек-невидимка».

– Тут не только это, инспектор, – ответил Фрэнк Холлоуэй, крутя один из своих перстней, – имеется также история о том, что произошло в этом самом поместье пятьдесят лет назад: женщина, которая также умерла оттого, что её столкнуло невидимое существо.

Непослушная прядь Арчибальда Хёрста упала на лоб, и они с доктором Твистом обменялись изумлёнными взглядами.

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

– Ситуация сложилась очень болезненная и вынести её было нелегко, но я любила его!

Хелен Мэнсон остановилась и вытерла слёзы маленьким вышитым носовым платком, столь же тонким, как в какой-то степени её черты. Солнце садилось за цветными квадратами большого готического окна, и растущие тени достигли лестничной площадки. Хелен повернулась и облокотилась на балюстраду лестничной клетки. В полутьме её белое платье казалось почти призрачным. Рядом с ней детективы некоторое время молчали, а затем Хёрст, кашлянув, спросил:

– То есть, фактически вы были полностью осведомлены о его отношениях с молодой актрисой?

– Я не обращала внимания на сплетни, пока могла, но, в конечном счёте, вынуждена была считаться с фактами. Мне не хотелось бы говорить об этом.

– Понимаю. – Хёрст придвинулся поближе к ней, стоящей наверху лестничного пролёта, который вёл вниз в вестибюль. – Давайте поговорим о причине, почему мы находимся здесь, в этом месте. Мистер Холлоуэй сказал нам, что вы лучше всех можете нам рассказать том, что здесь произошло в прошлом.

Внешне спокойный, инспектор стремился узнать побольше об интригующей тайне, которая только что привлекла их внимание, но вынужден был проявлять терпение.

– Та прошлая трагедия лежит в основе всего, – горько вздохнула Хелен Мэнсон. – Именно она подала Найдзелу

идею для пьесы. Приблизительно год назад, сразу после свадьбы, мы предприняли путешествие в эти места. Случайно остановились перед поместьем, когда старик из деревни подошёл к нам и рассказал историю женщины, которую толкнула невидимая рука. Именно это подало Найджелу идею. Он выложил полностью, чтобы написать пьесу, которая, между прочим, не имела ничего общего с реальным событием, кроме невидимки.

– Один вопрос, мадам, – осторожно перебил Твист. – Вы сказали, что предприняли путешествие сюда. Вы были здесь как туристы, или эти места вам уже знакомы?

– Я родилась в Торки, поэтому бывала в Дартмуре несколько раз прежде, но не в этой части. Что касается Найджела... подождите, мне вспомнилось, он сказал мне тогда, что немного знаком с местностью, потому что был здесь несколько раз. Это всё, что он сказал, но он был так уклончив, что я не удивлюсь, если когда-то у него здесь была старая подруга. В любом случае ему действительно нравились эти места. Настолько, что он купил этот дом. О чём я узнала только в начале прошлой недели!

– Из того, что я слышал, он не говорил никому.

Хелен Мэнсон пожала плечами.

– Это было в его стиле. Он был ребёнком, большим ребёнком, который любил преподносить сюрпризы.

– Вы знаете о ком-либо, кто затаил злобу против него по какой-то причине?

– Найджел? Враги? Конечно нет. Это абсурд. Все любили его. Любой вам это скажет.

– И всё же...

Хелен энергично покачала головой:

– То, что произошло, столь же непостижимо, как ужасно. Я всё ещё не могу поверить. Продолжаю говорить себе, что это просто кошмар.

– Мадам, я хочу попросить вас ещё раз приложить усилие. Попробуйте тщательно вспомнить всё, что произошло, и что вы видели своими глазами. Ключ к тайне может быть найден в вашем свидетельстве, потому что вы находились к мужу ближе всех, когда он упал.

– Но я уже повторяла это дюжину раз. Я собиралась подойти к Найджелу, к окну, чтобы посмотреть, не приближается ли мистер Ситвелл, который, как предполагалось, должен был подойти. Но муж начал обмениваться жестами с мисс Марвел, что заставило меня остановиться.

– Где в точности вы были?

– Перед каминной полкой. Когда он взобрался на подоконник, меня это немного смутило из-за нашего гостя, доктора Гранта, который не привык к эксцентричному поведению Найджела. Я отвела взгляд и сделала уж не помню какой жест, затем снова посмотрела на Найджела. Прошло, возможно, не более пяти секунд. Внезапно, хотя рядом с ним никого не было, он бросился вперёд, словно его толкнули.

– Вы уверены, что он не просто соскользнул?

– Я знаю, это было бы ответом на всё, но нет. Абсолютно уверена. Он не просто выпал, сорвался или соскользнул. Его бросило вперёд. Это было ужасно! Я хотела крикнуть, но не могла произнести ни звука. Долю секунды он оставался в воздухе, отчаянно вытянув руки перед собой. Затем упал.

– Вы также упоминали, что ощутили какое-то дуновение. В какой момент?

– Мне кажется, это было раньше, сразу после того, как он обратился к мисс Марвел. Суперинтендант Уэстон пытал меня об этом, но когда слишком много думаешь о чём-то, как вы знаете, то начинаешь задаваться вопросом, произошло ли это на самом деле.

Хёрст понизил голос и задал следующий вопрос:

– Дуновение. Под этим вы подразумеваете движение воздуха или же кого-то или что-то, проносящееся мимо вас?

– Не знаю. Больше ничего не знаю. Я же говорю: мне так показалось, а теперь я не уверена, что это вообще произошло.

– Полагаю, вы понимаете, что это – исключительно важная деталь. Но мы не будем останавливаться на ней сейчас. Таким образом, вы смотрели на мужа, когда всё произошло, и не могли видеть в точности, что в тот момент делал доктор Грант.

– Да. Как я сказала, я едва осмеливалась взглянуть в его сторону из-за выходки Найджела.

– Но вы слышали, что мистер Холлоуэй вошёл в комнату?

– Нет.

– Нет? Хорошо. Тогда в какой именно момент вы заметили его присутствие?

– Когда он схватил меня, чтобы успокоить, поскольку я кричала и дрожала с головы до пят.

– Значит, спустя несколько секунд после инцидента?

В глазах вдовы появилось презрение:

– Правильно, спустя несколько секунд после инцидента. Скажем, дюжину, чтобы быть точным, если это сделает вас счастливее.

– Пожалуйста, поймите, мадам, что это – такая мелочь, которая часто может выявить правду, – ответил Хёрст спокойно, но с достоинством. – Это приводит меня к другому вопросу, который вряд ли вам понравится больше, чем предыдущий, но который я обязан задать: какую выгоду вы извлекаете из смерти мужа?

– Выгоду? – повторила Хелен и истерично засмеялась. – Да знаете ли вы, что он влез в долги, чтобы отремонтировать это поместье? И как вы думаете, много я за него получу со всей этой шумихой о его смерти? Можете поговорить с моим бухгалтером и вместе попытаться оценить. – Она снова склонилась над балюстрадой, обхватив ладонями голо-

ву, и зарыдала. – И хуже всего, – всхлипывала она, – что моё последнее воспоминание о нём – это как он позирует в окне, улыбаясь этой маленькой шлюшке. Всё ещё не отошедший с предыдущей ночи, когда вернулся из деревни совершенно пьяный.

Хёрст кашлянул:

– Мне сказали, что он был лишь слегка выпивши.

– Что из того? Вы хотите сказать мне, что эта деталь всё меняет?

– Вполне возможно. Во сколько в точности это было?

– Около двух часов ночи. И он был совершенно пьян по тому, как разговаривал со мной, а не просто выпивши.

– О? И что он сказал вам?

– Бессмысленные фразы. Что-то о любопытном сходстве и что-то о старых друзьях. И трёх девушках, которые умерли. Бессмысленный набор слов.

Доктор Твист, слушавший спокойно, спросил:

– Помимо нетрезвого состояния, в каком он был настроении? Счастливый, печальный, агрессивный?

– Счастливый, конечно. – Она нахмурилась. – Теперь, когда вы об этом упомянули, у него, казалось, действительно было что-то на уме, что-то, что беспокоило его. Но не спрашивайте меня – не могу сказать больше. От него несло алкоголем, и он только что разбудил меня. Я была не в настроении слушать его ерунду.

– Очень хорошо, – продолжал Хёрст. – И последнее. Мы должны услышать знаменитую историю о «Трирайс-мэнор».

Как ни странно, Хелен Мэнсон, казалось, успокоилась. На бледных губах появилось даже подобие улыбки. Она отодвинулась от балюстрады и заняла позицию на верхней площадке лестницы, ведущей вниз к тёмному пролёту.

– Однажды зимней ночью, – торжественно начала она, – почти пятьдесят лет назад Мадлен Холл стояла точно там же, где стою я... прежде чем встретила свою судьбу.

Хёрст подавил дрожь. В голосе Хелен Мэнсон было что-то зловещее. Он чувствовал себя неловко с тех самых пор, как они с Твистом последовали за ней к эту часть дома. Последние лучи дневного света достигали лишь фамильных портретов, всё ещё висящих на стенах тёмного коридора, служащего галереей. В меркнувшем свете видны были только глаза на портретах, недружелюбно следящие за вторгшимися чужаками.

В тишине, которая последовала за первой фразой, Хёрст почувствовал, что его беспокойство растёт, и чуть не подскочил, когда вдова громко расхохоталась, причём в её смехе веселье смешивалось с отчаянием:

– О, Боже, – воскликнула она, – наверное, я схожу с ума. Жаль, но я не смогла сдержаться и не подражать Найджелу. Именно так он начал рассказывать историю в тот субботний вечер непосредственно перед тем, как они с Фрэнком отправились в деревню. Он пытался напугать двоих из нас, кто оставался – Натали и меня, – и этим наказать за то, что мы не пошли с ними. Я, конечно, уже знала эту историю, но, тем не менее, не смогла сдержать дрожь, когда услышала её снова. Позвольте мне продолжить...

Приблизительно пятьдесят лет назад сэръ Эдвард Холл, тогдашний владелец поместья и красивый мужчина где-то между тридцатью пятью и сорока, внезапно овдовел после того, как его жена неудачно упала с лошади. Она оставила ему двух детей: Селию, которой было тринадцать, и Артура, которому исполнилось два месяца. Деревенские сплетни предсказывали, что после подобающего срока он женится на Агате, гувернантке, которая была примерно того же возраста, умело вела хозяйство и нежно любила детей. Но сэръ Эдвард удивил всех, женившись всего лишь через два месяца на молодой девушке из соседней деревни по имени Мадлен. Даже при том, что она вышла из приличной семьи, о ней пошли странные слухи. Было ли это

из-за её красоты? Или быстроты повторного брака? В любом случае местные жители обвиняли её: «Она околдовала его», и «Она охотится только за его деньгами, навела на него чары». Однако, она, как оказалось, стала преданной матерью, ухаживая за Артуром, которому теперь исполнилось четыре месяца, с большой нежностью и не позволяя больше никому заботиться о нём. Но такая преданность делала её ещё более подозрительной в глазах селян.

Трагедия произошла однажды вечером как раз перед Рождеством. Мадлен была там, где сейчас стою я, собираясь сойти вниз. Но она остановилась на мгновение, чтобы посмотреть из того окна на снег, который щедро падал на землю. По крайней мере, так заявили две свидетельницы, которые её видели. Это были гувернантка Агата, которая стояла в коридоре на расстоянии приблизительно двадцать футов от неё, и горничная, находящаяся прямо за ней. Они видели, как на лице Мадлен появилось выражение ужаса, когда она полетела вперёд и вниз по лестнице, вытянув руки перед собой, словно тщетно ища опоры. Она упала приблизительно с двадцати ступеней лестницы, которую вы видите здесь, прежде чем рухнуть на плиточный пол со сломанной шеей, прямо на глазах перепуганного мужа и юной Селии. Маленькая девочка стояла на нижней площадке лестницы, сжимая в руках любимую куклу, обёрнутую в детское одеяло, которую выронила от испуга. Её отец, который только что вошёл, покрытый снегом, стоял, замерев, в дверном проёме и видел, как трагическое падение жены закончилось на плиточном полу. Маленькая девочка, со своей стороны, видела всё это от подножья лестницы. Даже при том, что площадка была слабо освещена, она была уверена, что никого не было позади или рядом с мачехой. Гувернантка и горничная подтвердили это, добавив, что хозяйка упала не случайно, но её что-то толкнуло вперёд, словно невидимая рука.

Повисло молчание, нарушаемое лишь невесёлым смехом Хёрста.

– Ну, по моему мнению, свидетели слишком быстро пришли к выводам без какого-либо материального доказательства.

Хелен бросила на полицейского испепеляющий взгляд:

– Было кольцо. Кольцо, которое нашли на следующий день в коридоре.

– Кольцо? – повторил Хёрст, смущённо глядя на своего друга Твиста, который, казалось, погрузился в раздумья. – Кольцо? Какое кольцо?

– Простое кольцо, которое носят на пальце. Мне кажется, вы не понимаете, инспектор. Деревенские подозревали Мадлен в том, что она ведьма. Теперь, только одно существо может избавить вас от ведьмы. Кто-то, кого невозможно увидеть, кто-то столь же прозрачный как воздух, кто-то, кто может сделаться невидимым, лишь надев на палец волшебное кольцо.

УЖАСНАЯ ВЕДЬМА ВИКСИНА

В восемь часов того же вечера доктор Твист и инспектор Арчибальд Хёрст вместе обедали в деревенской гостинице. Полицейский вежливо отклонил предложение владельца спокойно поесть в отдельной комнате. Цель их прихода состоит не только в том, чтобы насладиться хорошей едой, но и поработать: «попробовать воду», как выразился Хёрст, и встретиться с несколькими людьми, которые, как можно было рассчитывать, здесь будут, такими как доктор Грант, учитель Ситвелл и Бэзил Хокинс.

Детективов усадили за стол в углу помещения на небольшом расстоянии от барной стойки. Когда они вошли, разговоры затихли и множество пар глаз подозрительно уставилось на них. Но увидев, как с большой скоростью им доставили несколько пинт пива, и отметив гигантский аппетит доктора Твиста, завсегдатаи решили, что, пусть даже пришедшие – лондонцы, они очень похожи на нормальных людей, сделанных из того же теста, что они сами, и поэтому не представляют особого интереса.

– Мне не нравится, как идут дела, – в сотый раз проворчал Хёрст. – Начинаю понимать уклончивые замечания своего шефа. Я с самого начала должен был подозревать ловушку. Все эти разговоры о чистом Дартмурском воздухе, полезном для моих лёгких... – состояние моего здоровья волнует его меньше всего, а вот всунуть мне особенно сложное дело...

Твист, который рассматривал серию фотографий, прикреплённых к большой стенной панели, закончил раскуривать трубку, прежде чем ответить:

– Я сказал бы, что он ценит таланты своих людей.

– О, пожалуйста не надо мне льстить!

– Вы сегодня какой-то напряжённый, друг мой.

– Напряжённый? А вам не кажется, что у нас серьёзные основания быть напряжёнными? Мы уже слышали половину свидетелей и не продвинулись вперёд. Как раз наоборот. Плюс у нас есть на руках новая тайна, которая совершенно разбивает версию о смерти актёра в результате несчастного случая. Теперь я понимаю колебания суперинтенданта Уэстона, когда я спросил его мнение. Нет, мне действительно не нравится, как идут дела, и что-то говорит мне, что впереди ещё больше неожиданностей.

– Как странно, – внезапно сказал Твист, указывая на пространство между двумя фотографиями. – Должно быть, там до недавнего времени висела ещё одна фотография. Обратите внимание на цвет панели в том месте.

– Вы совершенно правы, – сказал тихий голос. – Фотография была там в прошлую субботу.

Детективы с некоторым удивлением посмотрели на Джорджа Кроуфорда, поставившего на стол два бокала виски.

– Это было фото, которым мы с женой очень дорожили. И я совершенно уверен, кто его взял. Один из тех, кто сидел здесь в субботу вечером. Или актёр, который умер, или один из тех, кого вы хотите встретить сегодня.

– Они именно за этим столом... э-э...

– Надрались. Говорите прямо. До этого я никогда не видел доктора Гранта в таком состоянии. Мне даже пришлось помочь ему дойти до дома. Они были совершенно невменяемы, и именно поэтому я не могу слишком сердиться на них или на того, кто взял фотографию. Думаю, это был Виктор, потому что он сказал мне в начале вечера, что это его фото. К тому времени он уже пропустил несколько стаканчиков. Я сказал ему, что он неправ, но он принялся спорить. На это ушло какое-то время. Наконец, он признал,

что может ошибаться и что дома у него дубликат. Так или иначе, я слышал, как они это обсуждали, а на следующий день жена увидела, что снимок пропал. Ага! Стоит помянуть дьявола, и он тут как тут: вот мистер Ситвелл и Бэзил.

Как только представления были сделаны, владелец гостиницы вернулся к проблеме пропавшей фотографии.

– Джордж, – сказал Виктор Ситвелл, пытаясь оставаться спокойным. – Ради Бога, прекратите суетиться вокруг такого пустяка. Мы уже сказали вам, что ни один из нас не брал её. Ни Бэзил, ни Томас, ни, конечно, я.

– Тогда это актёр или его друг.

– Я был бы очень удивлён, если это они. Кроме того, я помню, что вернул фотографию на место, когда все мы встали, чтобы уходить, поэтому действительно не понимаю...

– Вы знаете, что мы с Элис очень дорожили ею, потому что...

– Я отдам вам свою, Джордж, обещаю. Она такая же, как вы понимаете. А теперь давайте прекратим говорить об этом и закажем ещё по одной. Моя очередь.

Как только перед всеми поставили пиво, учитель объяснил двум детективам, что Бэзил, доктор Грант и он сам познакомились с Найджелом Мэнсоном только в пятницу вечером, просто встретившись в баре. Они немедленно нашли общий язык и договорились встретиться на следующий день. Ситвелл начал перечислять события субботнего вечера, но Хёрст перебил его, сказав, что главное здесь – то, что никто не знал актёра до этой первой встречи. После чего попросил каждого из них рассказать, что видел в трагический день.

Начал Бэзил, получив одобрительный кивок от учителя. Его свидетельства не сильно помогли детективам, потому что он не видел, как актёр упал. Он был всё ещё приблизительно в двадцати ярдах от здания, когда услышал крики.

– Таким образом, мистер Мэнсон пригласил и вас к себе тем днём? – спросил Хёрст.

Бэзил провёл рукой по волосам.

– Да, и к счастью, учитель напомнил мне, иначе я, скорее всего, забыл бы. Между прочим, если бы не доброе сердце мистера Ситвелла, я бы не...

– Бэзил, пожалуйста, – прервал его Виктор, смущённо кашлянув. – Придерживайтесь темы. Отвечайте на вопросы инспектора.

– По дороге из деревни в поместье, – продолжал Хёрст, – вы кого-нибудь видели?

– Я время от времени мельком видел мистера Ситвелла. Он был здорово впереди.

– Кого-нибудь ещё?

Вопрос, казалось, удивил Хокинса, который несколько замялся, прежде чем повернуться к учителю.

– Что такое, Бэзил? – спросил последний. – Почему не отвечаете?

– Хорошо, да, я видел Дэвида на аллее у главной дороги около поместья.

– Дэвид? – раздражённо повторил Хёрст. – Что за Дэвид?

– Пастух, – ответил Ситвелл. – Молодой парень, довольно необщительный. Любит слоняться повсюду, когда в настроении. Тот факт, что он находился там, вероятно, ничего не значит.

– Я не так уверен, – ответил Бэзил, оглядывая остальных. – Я краем глаз заметил его в субботу вечером. Он сердито смотрел в нашем направлении. Я не мог понять, почему, а затем понял, что он метал свирепые взгляды в мистера Мэнсона. Разве вы не заметили его, мистер Ситвелл?

Учитель откашлялся, очевидно чувствуя себя неудобно:

– Ну, да, я действительно его заметил. Когда он встал, чтобы уходить, я видел, как он плюнул на пол и пробормотал что-то неразборчивое. Однако, джентльмены, я не стал бы придавать этому слишком большое значение. Как я говорю, парень держится замкнуто, и вполне возможно, что,

выпив больше, чем следовало, он просто невзлюбил первого незнакомца, которого увидел.

– Однако нам придётся расспросить его, – заметил Хёрст, делая пометку в блокноте. – Очень хорошо. Теперь давайте послушаем вас, мистер Ситвелл.

Свидетельства учителя были строго по делу. Арчибальд Хёрст решил для себя, что он мог бы служить образцом для учебника следователей.

– Должно быть, было близко к четверти четвёртого, когда я достиг ворот «Трирайс-мэнор». Оттуда можно видеть только крышу дома, но промежутки в листве деревьев тут и там позволяют мельком увидеть само здание. Итак, с какого-то места я смог увидеть, как какая-то фигура взгромоздилась на один из подоконников. Было лишь приблизительно шестьдесят ярдов от дороги до здания, и погода была ясной и солнечной, поэтому я узнал хозяина дома. Когда я начал идти по центральной аллее, задаваясь вопросом о его странном поведении, я заметил молодую женщину, стоящую под окном. Я не узнал её, но фотоаппарат в её руках объяснил положение Мэнсона. Когда произошёл инцидент, я прошёл пол-аллеи, то есть, находился приблизительно в тридцати ярдах от фотографа и почти на том же расстоянии от жертвы. Лужайка, отделяющая нас, была усеяна огромными рододендронами, которые иногда загораживали мне обзор, а кроме того, я не следил специально за Мэнсоном. Он, казалось, не заметил меня. Это было неудивительно, поскольку он был занят, улыбаясь актрисе (или, должен я сказать, объективу?). К тому же, я шёл почти бесшумно, поскольку у аллеи грунтовое покрытие.

Однако я действительно заметил тень жертвы, когда она отделилась от окна. В такие моменты мозг реагирует в доли секунды. Как раз в этот момент актёр был у меня в поле зрения над одной из ветвей рододендрона. На какую-то долю секунды он задержался в воздухе – рот открыт, в

глазах испуг, а руки вытянуты вперёд в отчаянной попытке восстановить равновесие. Как я говорю, я не видел его в точности в ту долю секунды, когда он упал, но то, что я видел, совершенно не согласуется с гипотезой о случайном падении. Очевидно, что-то толкнуло его в спину, но готов поклясться, что в тот момент позади него не было никого, по крайней мере, никого в оконной раме.

Потребовалось не больше пяти или шести секунд, чтобы преодолеть тридцать ярдов по лужайке, и именно так я и поступил. Молодая женщина стояла перед изувеченным телом Мэнсона, обхватив голову руками и крича. Между ними лежал разбитый фотоаппарат, который она выронила. Как-то странно подумалось, что прибор, как и человек, окончил своё существование, и это добавило ужаса к ситуации. Выше в окне кричала другая женщина. Но какой смысл это описывать?

Хёрст был не согласен и подробно расспросил учителя о событиях после трагедии, но то, что узнал, не сильно продвинуло следствие. После этого он обратился к тайне смерти Мадлен Холл.

– Мы услышали об этом от миссис Хелен Мэнсон лишь несколько часов назад, – закончил он краткий рассказ.

– Все в этих местах знают эту историю, инспектор. Удивительно, что вам не сообщили об этом раньше, – заметил Ситвелл, глубокомысленно покусывая дужку очков, которые он только что снял.

– О чём вы говорите?

– Да вот о чём. Я действительно считаю это самым непонятным. Вас прислали в помощь местной полиции, и никто не потрудился упомянуть, что происшествие произошло в том же самом доме и кажется очень похожим на то, что случилось тогда.

– Днём мы встречались с суперинтендантом Уэстоном, и он, казалось, в самом деле был довольно уклончив в от-

ветах. Что ж, мы увидим его снова завтра. А пока можете ли вы сказать нам что-нибудь ещё, относящееся к таинственной смерти той женщины?

Виктор Ситвелл неторопливо раскурил сигару:

– Жюри присяжных при коронёре, конечно же, вынесло вердикт «смерть от несчастного случая», но никто этому не верил. Кольцо, которое нашли в коридоре, принадлежало сэру Эдварду, который потерял его за день до трагедии, вынув из сейфа вместе с некоторыми другими драгоценностями для чистки. По крайней мере, так он сказал. Что несомненно – это, что, независимо от того, на какой палец его ни надень, оно было совершенно неспособно сделать человека невидимым. Очевидно, довольно многие попробовали и без успеха. Сэр Эдвард так и не оправился от трагедии. Он стал жить отшельником, и рассудок его быстро угасал. Однако он прожил достаточно долго, чтобы узнать о смерти сына Артура в Южной Африке, который, таким образом, присоединился к сестре Селии, погибшей за многие годы до этого в железнодорожной катастрофе.

Хёрст покачал головой и спросил:

– Чего я не понял, так это связи между так называемым волшебным кольцом и колдовством. Какого дьявола Мадлен Холл считали ведьмой?

– Этого не знаю. Возможно, потому, что она сумела обольстить сэра Эдварда так быстро после смерти его первой жены? Что касается кольца и ведьмы, вы, очевидно, не местный, иначе знали бы историю ведьмы Викины.

В то время, как Хёрст недоверчиво нахмурился, Твист со вниманием подался вперёд, а в голубых глазах загорелся интерес.

– Не волнуйтесь, это – не больше, чем легенда, – объявил Виктор Ситвелл, предварительно сделав знак бармену повторить общий заказ. – Ведьма Викина... Бэзил, вы пока молчали. Почему бы вам не рассказать джентльменам о ней?

С явной неохотой и слишком жестикулируя, Хокинс начал рассказ:

– Она была самой уродливой ведьмой, которая когда-либо жила в Дартмуре. У неё было морщинистое лицо, усыпанное бородавками. Волосы, похожие на солому, длинный крючковатый нос, зелёные зубы и очень зловонное дыхание. И...

– Превосходное описание, Бэзил, – перебил его Ситвелл с явной снисходительностью. – И самое главное, её зло превосходило уродство. Она предпочитала жить на вершине одной из самых высоких скал в окрестностях – недалеко отсюда, фактически, около дороги к Тавистоку рядом с болотом, достаточно глубоким, чтобы поглотить любого несчастного, которого угораздило туда попасть... и не всегда случайно, могу добавить.

Как только кто-нибудь приближался, она использовала своё волшебство, чтобы вызвать густой туман и заставить путника заблудиться. Он неизбежно оказывался рядом с болотом, а она сталкивала его туда. Много лет жители торфяников страдали от этой дьявольской ловушки даже при том, что они старались туда не забредать. Затем однажды они увидели возможность положить конец кошмару. Красивый молодой человек, оказав услуги местным гоблинам, завладел кольцом, которое могло делать его невидимым каждый раз, когда он надевал его на палец. Вскоре его наняли, чтобы избавить местность от ужасной ведьмы.

Когда она увидела, что он приближается, Виксина завернула его в саван тумана. Надев волшебное кольцо, он избежал смертельной ловушки и взобрался на крутую скалу. Он достиг самой вершины, где Виксина, всё ещё всматриваясь вниз в то место, где она в последний раз видела жертву, повернулась спиной к молодому человеку. Одним движением он толкнул её с края скалы, да так быстро, что у неё не было времени схватить летающее помело, и она разбилась о скалы внизу.

– Понятно, – сказал Хёрст со счастливой улыбкой ребёнка, которому только что рассказали хорошую сказку на ночь.

– В нашей стране много легенд, – заметил доктор Твист, – но если бы мы присуждали приз местности за наибольшее их число и качество, он, конечно же, достался бы Девону. Поскольку мы действительно говорим о легендах, не так ли, мистер Ситвелл?

– Конечно. Как я говорил, Вискина...

– Я говорю не о ней, но о невидимке, который подозревается в преследовании «Трирайс-мэнор» и в преднамеренном убийстве Мадлен Холл, а впоследствии Найджела Мэнсона путём толчка в спину. – Твист пристально посмотрел на учителя сквозь стёкла пенсне. – Вы серьёзно верите в его существование?

В этот момент появился владелец гостиницы, сопровождаемым доктором Грантом, который, дружески улыбнувшись двум детективам, сел за стол. К нему немедленно пристал с разговорами Ситвелл, который громко поинтересовался его мнением о невидимке.

Старый доктор казался озадаченным – он оглядел присутствующих и тихо произнёс:

– Хотя это идёт вразрез со всеми моими убеждениями, кажется, больше нет места для сомнений. Вторая жена сэра Эдварда в конце прошлого столетия, три молодых девушки лишь несколько лет назад и теперь этот молодой актёр...

– Три молодых девушки? – воскликнул Хёрст настолько громко, что замолкли все в помещении. – Что за три молодых девушки?

– Ну, три, которые погибли...

– Три молодых девушки, которые погибли? И как они погибли? – добавил он зловеще тихим голосом, пытаясь одновременно пригладить выбившуюся прядь. – Только не говорите мне, что их тоже столкнул в пропасть человек-невидимка!

ПЕРВАЯ НИТОЧКА

К тому времени, когда Виктор Ситвелл перечислил трагические обстоятельства, сопровождавшие исчезновение Элизы Голд, Констанс Китс и Энни Крук, единственными звуками в комнате были голоса за другими столиками. Доктор Твист на протяжении всего рассказа сидел спокойно, сложив руки на груди и время от времени попыхивая трубкой. Румяное лицо Хёрста побледнело и теперь стало пепельным. Потрясённый тем, что услышал, он ошеломлённо смотрел на Ситвелла. Через несколько секунд ему удалось обрести дар речи:

– Три жертвы невидимого создания... таинственные карты, найденные около места преступления... всадник без головы, скачущий в небо. Если так продолжится, я вернусь в детство и начну верить в страшного серого волка.

– Как я понимаю, – заключил Ситвелл, – суперинтендант Уэстон не говорил вам и об этих трёх молодых девушках.

– Ни слова, – ответил полицейский, с трудом сдерживая гнев. – Нет. Он ничего не сказал о них, но завтра он будет гораздо словоохотливее, я вас уверяю. И он не единственный, кому придётся объяснить своё молчание по этому вопросу. – Он повернулся к Бэзилу и, с отчаянием глядя на него, процедил сквозь зубы: – Лошадь, скачущая в небо со всадником без головы – вы утверждаете, что видели именно это?

– Это было почти десять лет назад, и признаю, что я был тёпленьким. Но я действительно видел, как белая лошадь проскакала мимо меня со всадником на спине, на ко-

тором был плащ или пальто, но не было никакой головы. Чем больше он удалялся, тем выше забирался и в конечном счёте исчез в небе.

Хёрста чуть удар не хватил. Он закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

– Это было в ночь исчезновения Элизы Голд, не так ли? Первой жертвы, – тихо спросил доктор Твист.

– Да. Мы нашли её в реке три дня спустя.

– И где именно вы видели таинственного всадника?

– Этого я не могу сказать наверняка. То есть, я имею в виду, что не помню, где находился сам.

Твист глубокомысленно кивнул, а затем перевёл взгляд на учителя:

– Вы рассказали нам много фактов, мистер Ситвелл, но не своё мнение.

Виктор Ситвелл взглянул на Бэзила Хокинса и пожал плечами:

– Я думаю, что вы слишком много выпили той ночью, Бэзил. Летающая лошадь... Вот уж действительно! Знаю, вы не лжёте, и никто не сомневается в вашей честности. Той ночью вы, вероятно, видели лошадь, и в пьяном тумане воображение придало ей крылья.

Хёрст ударил кулаком по столу.

– Чёрт побери! – воскликнул он, – это я схожу с ума или все остальные? Я могу видеть какую-то логику в рассказе о невидимом существе. Но что касается игральных карт, всадника без головы, лошади, у которой внезапно вырастают крылья, – всё это вообще лишено смысла.

– Вот тут вы неправы, инспектор, – ответил Ситвелл, спокойно зажигая сигарету. – Есть прямая связь между летающей лошадью и картами.

Хёрст лишился речи. Твист, с озорным огоньком в глазах, спросил:

– Я не ошибаюсь, что за всем этим стоит ещё одна легенда?

– Нет, вы абсолютно правы. И она – одна из самых известных в регионе. Героем её является некий Ян Рейнолдс, презренный негодяй, который продал душу дьяволу. Неужели он не понимал, что сатана ужасно отомстит тому, кто попытается его обмануть? Как бы там ни было, он заплатил за это жизнью однажды ночью в октябре 1638 года – двадцать первого, если быть точным. Это произошло в церкви Св. Панкраса в Уайдком-ин-де-Мур, приблизительно в двадцати милях отсюда. Во время бесконечной проповеди священника Ян Рейнолдс сидел среди верующих с колодой карт в руке и дремал. Внезапно сильные раскаты грома, сопровождаемые вспышками молний, потрясли стены церкви. Гром нарастал, и показался сатана в красном плаще верхом на лошади, которую он привязал к шпилью здания. Он схватил Яна Рейнолдса за воротник, перебросил через спину своего коня и исчез в облаке серы так же быстро, как появился. Четыре из карт Яна упали на землю неподалёку от церкви, пометив небольшие участки поля, известные сейчас как «Карты дьявола», каждый из которых имеет форму одной из мастей. Во время бури той ночью была сильно повреждена церковь, и четыре человека погибли под обрушившейся каменной кладкой. Многие были сильно поранены. Можете прочитать об этом бедствии на стене церкви. Что касается безголовых всадников, вы можете прочитать о них почти в каждой книге по истории Дартмура; сейчас ни одна в голову не приходит, но чувствую себя обязанным добавить, что сама лошадь также часто является безголовой.

– А я чувствую, что скоро сойду с ума, если это продолжится, – проворчал Хёрст, даже не попытавшись пригласить назад мятежную прядь. – Если я вас правильно понял, мистер Ситвелл, вы считаете, что, по той или иной причине, три девушки из деревни продали души дьяволу, а поскольку они почему-то не повиновались ему, сатана наказал их, сбросив со скалы. Для полноты картины он бросил около

них игральные карты, чтобы больше ни у кого не возникло охоты шутить с князем тьмы.

Учитель пожал плечами:

– Вы сказали, что ничего из услышанного вами, не имеет смысла, и я предложил вам другое объяснение – вот и всё.

– Однако, мистер Ситвелл, у вас должен быть собственный взгляд на ситуацию, – настоял Твист.

Учитель чуть задумался:

– После смерти третьей молодой девушки моя жена предложила теорию, разделяемую большинством местных жителей, которых это как-то затронуло. Не объясняя все элементы тайны, эта теория, похоже, всё-таки соответствует фактам.

Она заметила, что перед каждым убийством будущая жертва казалась счастливой и полной жизни, словно недавно влюбилась. В каждом случае, согласно надёжным свидетелям, жертву кто-то сопровождал (или казалось, что сопровождал) на «Скалу желаний». Учитывая время и место, это могло быть только свиданием с возлюбленным, что совершенно естественно для девушек того возраста. Но факт, что ни в одном из этих трёх случаев никто не обеспокоился их исчезновением, не говоря уже о гибели, является более чем странным. Это ведёт к подозрению, что вовлечён один и только один мужчина. Вероятность, что каждая из трёх «невест» сломала шею случайно, совершенно неправдоподобна, и поэтому стала обретать силу гипотеза о трёх убийствах. Три хладнокровных расчётливых убийства, совершённые маньяком-соблазнителем, который, по всей вероятности, жил в деревне или вблизи неё.

Проблема в том, что мы так никогда и не смогли установить личность этого Ромео-убийцы. Свидетельства были противоречивыми. Пошли слухи. Возникали самые возмутительные теории. Каждый здоровый мужчина попадал под подозрение – молодой и не очень. Но расследование было тем более сложным, что оказалось ретроспективным по

отношению к первым двум жертвам. В случае первой жертвы, Элизы Голд, вообще почти не задавали вопросов. На следующий год, после гибели Констанс Китс, волнений было больше, но недостаточно. Когда же настала очередь Энни Крук, стало очевидно, что её поклонник пошёл на многое, чтобы скрыть свою личность... это само по себе говорит красноречивее всяких слов.

– Скотина, а не поклонник, – с негодованием заметил доктор Грант. – Я назвал бы его дьявольским отродьем, приерженцем сатаны!

– Да, дьявольское отродье, – повторил Бэзил с гораздо большей ненавистью в глазах, чем у старого доктора.

– Всё это кажется довольно логичным, – согласился Хёрст, – но, похоже, не продвигает нас далеко. Я уже рассматривал теорию «страстного любовника», в то время как вы выкладывали факты, Ситвелл. Но главным камнем преткновения является вопрос о его невидимости. А в ней, по словам свидетелей, кажется, нет никаких сомнений. Если я правильно помню, вторая жертва была одна, когда упала с утёса, в этом клянётся не один свидетель, а два... Два подростка, как я вспоминаю.

– Правильно, – сказал Ситвелл. – Два подростка, Бетти и Джон, которые теперь женаты и имеют детей.

– А кроме того, её видели по пути на вершину, она оставалась у дерева и разговаривала с кем-то, кого там не было. Что касается последней жертвы, – добавил он, поворачиваясь, к Бэзилу, – вы вновь наблюдали из первого ряда.

Хокинс кивком признал справедливость этого утверждения, а затем рассказал, что мог, о событиях той ночи, которым он был свидетелем.

– Она была в прекрасном настроении и, казалось, разговаривала с кем-то, несмотря на то, что была одна, когда шла по тропе, ведущей к «Скале желаний». Как только я понял, в какой она опасности, то попытался крикнуть ей,

но не мог издать ни звука. Уверен, это из-за эмоций и паники... или же я выпил слишком много. Вероятно и то, и другое. В любом случае я никогда не забуду этой милой девушки, радостно идущей в лунном свете в логово льва, и свою неспособность её остановить! – добавил он, вздевая руки.

Хёрст в расстройстве с ожесточением почесал затылок:

– Всё это совершенно за пределами моего понимания. Какая связь могла иметься между смертями тех трёх девушек и гибелью Мадлен Холл пятьюдесятью годами раньше? Не говоря о смерти Найджела Мэнсона. Господи, да с каким же существом мы имеем дело?

– С дьявольским, – пробормотал Виктор Ситвелл. – В этом никаких сомнений!

Доктор Грант и Бэзил согласно кивнули.

– Мистер Ситвелл, – внезапно спросил доктор Твист, – не будете ли так любезны, чтобы изложить всё, что вы только что нам рассказали, в письменной форме и, возможно, добавить какие-либо события, которые происходили в деревне в то время и могли быть связаны с этим делом, либо же они просто были важными или только странными?

– Никаких проблем и никаких усилий с моей стороны, потому что я в то время сделал подробную запись. Вы можете зайти в любое время, когда захотите. Скажем, завтра к чаю?

Твист принял приглашение и заранее поблагодарил учителя за помощь, после чего Арчибальд Хёрст спросил доктора Гранта о падении Найджела Мэнсона.

– Нет, я не почувствовал дуновения, насколько могу вспомнить. Актёра действительно не было в поле моего зрения, потому что моё кресло стояло далеко от окна. Однако я мог ощущать – а не видеть – его силуэт. Но в любом случае, я совершенно уверен, что никого не было около него, когда он упал.

– Что делала в этот момент миссис Мэнсон? – спросил Хёрст, держа наготове блокнот и карандаш.

– Стояла около каминной полки.

– Но что именно делала?

– У неё в руках была статуэтка, и я думаю, она смотрела на мужа.

– Вы думаете?

– Я имею в виду, мне так показалось. Но в тот момент я фактически не смотрел на неё.

– Вы видели, как Фрэнк Холлоуэй открыл дверь?

– И этого не видел.

– Вы хотите сказать, что в момент, когда Найджел Мэнсон упал, в двери никого не было?

– Нет, я не смотрел и в том направлении. Я смотрел на бутылки с выпивкой на маленьком столике передо мной.

– Вы слышали, как открылась дверь?

– Нет, насколько помню, но у меня не очень острый слух.

– Таким образом, когда же вы узнали о присутствии в комнате мистера Холлоуэя?

– Дайте подумать... миссис Мэнсон мгновение стояла, замерев, а затем закричала и подбежала к окну. Именно тогда я встал, и в этот момент увидел, как мистер Холлоуэй бежит мимо меня к миссис Мэнсон.

Инспектор не стал задавать новых вопросов и закончил беседу. Они с Твистом отправились в свои комнаты. На площадке друзья обменялись взглядами, в которых совершенно не было оптимизма, и разошлись без дальнейших слов.

Алан Твист закрыл за собой дверь и, несмотря на напряжённый день и усталость от долгой поездки, решил выкурить ещё одну, последнюю трубку. Он высунулся из широко открытого окна, поставив локти на подоконник. Свет из эркеров под ним освещал листву окружающих деревьев. Ночь легла на обширные дикие пустоши Дартмура

и накрыла их тишиной, если не считать бормотания соседнего ручья и отдалённого бляение ягнёнка. Криминологом овладела меланхолия, и он не знал, приписать ли её мрачной обстановке или невероятному делу, которое он пытается решить совместно с другом. Они и прежде оказывались втянуты в таинственные и зловещие дела, но это больше напоминало сказку, чем полицейское расследование. Он чувствовал себя вполне уверенно, когда приехал в поместье, был озадачен первыми доказательствами и заинтригован, узнав о смерти Мадлен Холл и её сходстве с гибелью Найджела Мэнсона. Но всё остальное просто ошеломило его. Так много свидетелей не могло быть неправо, какими бы невероятными ни казались факты. Само собой разумеется, он отметил ряд моментов – в особенности, где просматривалась явная ложь, но этим можно заняться позже, – однако в целом дело оказалось слишком связано с мрачными и мелодраматичными легендами при слишком неопределённых деталях. Впервые в карьере его серое вещество, казалось, не могло справиться с ситуацией. Он как раз добрался в размышлениях до этого горького пункта, когда раздался стук в дверь. Не поворачиваясь, он пригласил гостя войти и спросил:

– Полагаю, вам также не спится, как и мне, Арчибальд?

Плотный силуэт осторожно закрыл дверь и спокойно ответил:

– Да, но я решил воспользоваться этим, потому что внезапно вспомнил некие слова, произнесённые вдовой Мэнсона, и они обрели для меня новое значение в свете того, что мы теперь знаем. Помните «бессмысленный набор слов» её мужа, когда он вернулся пьяный ночью из гостиницы?

– Конечно. Он говорил о трёх мёртвых девушках. Вы ведь об этом думаете? И какой же делаете вывод?

– Очень просто: Найджела Мэнсона убрали, потому что он узнал, кто убил тех трёх девушек.

ПРОГУЛКА НА «СКАЛУ ЖЕЛАНИЙ»

На следующее утро небо было пасмурным, но сильный ветер разгонял облака, давая надежду на прекрасный день. Ровно в одиннадцать часов с первыми лучами выглянувшего солнца суперинтендант Уэстон вошёл в гостиную «Трирайс-мэнор». Кратко приветствовав ожидающих детективов, он достал из бумажника последнюю фотографию Найджела Мэнсона.

Так как половину фотографии занимало окно, Твист и Хёрст могли чётко и в подробностях рассмотреть жертву. Положение Мэнсона на подоконнике в точности совпадало с описанным свидетелями. Актёр казался спокойным и сидел устойчиво, поэтому предположение, что он упал случайно, сделал неверное движение или соскользнул, казалось маловероятным. Широкая улыбка на лице категорически исключала самоубийство. А больше ничего фотография не говорила.

– Жаль, что снимок сделан не под более широким углом, – заметил Твист. – Мы смогли бы увидеть больше подробностей. И ещё больше жаль, что фото снято не в момент, когда он упал. Вы правы, суперинтендант, оно мало что нам говорит. Ну, так или иначе, я и не ожидал многого: это было бы слишком хорошо.

Хёрст пристально взгляделся в фотографию, а затем посмотрел Уэстону прямо в глаза.

– Между прочим, суперинтендант, мы многое узнали после вашего отъезда.

Суперинтендант выслушал перечень фактов, поданных с явным упрёком в его адрес. Когда инспектор из Ярда закончил критику, другой полицейский мрачно кивнул:

– Что ж, теперь вы понимаете глубину проблемы. Я промолчал об этом вчера, чтобы не влиять на ваши рассуждения. То есть, чтобы вы могли начать с чистого листа. Теперь вы понимаете масштаб и контекст всего этого дела. Коронерское дознание отложено до следующей недели, и, вероятно, как и в деле Мадлен Холл и этих трёх девушек, вердиктом будет «смерть в результате несчастного случая». – Он вперил тяжёлый взгляд в Хёрста. – Если, конечно, к тому времени вам не удастся раскрыть эту тайну. Как вы знаете, инспектор, ваш начальник – мой друг, и он о вас чрезвычайно высокого мнения. Кажется, вы в состоянии объяснить чудеса.

– Давайте не будем преувеличивать, – пробормотал Арчибальд Хёрст, скромно потупив взгляд, но явно польщённый, в то время как доктор Алан Твист удивлённо, но в то же время нежно смотрел на своего друга.

– Ну, так он мне сказал, когда я позвонил ему на следующий день после смерти Мэнсона. Он сказал, что все эти тайны можно раскрыть и у него в команде есть как раз такой специалист, которого он вышлет сразу же. Специалист, способный раскрывать чудеса. Это его точные слова.

– Чудо – совершенно правильное слово, – заметил Хёрст, – чтобы объяснить летающую лошадь и невидимого убийцу! – Он нахмурился, сделал несколько шагов к каминной полке, затем вернулся и встал перед Уэстоном. – Мы должны заняться этой проблемой в лоб, но, конечно, придерживаясь порядка и метода. Именно этим мы с моим другом и занимались этим утром, прежде чем вы прибыли, и пока сосредоточили своё внимание исключительно на смерти Мэнсона. Твист, будьте добры, объясните, куда мы пришли в настоящий момент.

– Мы рассматриваем проблему, считая, что это убийство, – начал криминолог. – Убийство, совершённое живым человеком, который поэтому должен был использовать какую-то дьявольскую стратегию для достижения своей цели. Мы исследовали всё под простым материалистическим углом – другими словами, пока игнорируя сентиментальные и психологические аспекты. Кажется, что преступление можно было совершить лишь с одного из двух мест: этой комнаты или откуда-нибудь снаружи. Так как мы уже были здесь, мы начали с этой комнаты. Два человека были в ней в то время, а третий – мистер Холлоуэй – заявляет, что находился в дверях. Я говорю «заявляет», потому что у нас есть только его слова. Со слов других, очевидно одно: его не было в комнате до того, как он появился в дверях.

Поэтому мы временно исключили мистера Холлоуэя, поскольку, если он убийца, то должен был действовать с другого места, а отсюда совершить его не мог. Всё, что мы можем сказать о нём: у него в распоряжении было лишь десять секунд, – промежуток между падением и моментом, когда его впервые заметили в этой комнате, бегущего к миссис Мэнсон, которая закричала и зарыдала у окна.

Доктор Грант и Хелен Мэнсон в предполагаемое время преступления были соответственно в кресле в середине комнаты и перед каминной полкой. Это подтверждается их взаимными показаниями и словами Фрэнка Холлоуэя, которым мы доверяем, потому что наше основное предположение состоит в том, что убийца – один из двух других. В фатальный момент ни один из присутствующих не обращал особого внимания на остальных, поэтому преступление можно было совершить, сделав очень небольшое движение. Итак, вопрос состоит в том: как Хелен Мэнсон или Томасу Гранту удалось таким малым движением толкнуть Найджела Мэнсона из окна настолько сильно?

В настоящий момент мы постулируем, что, чтобы столкнуть актёра, использовался прут или длинная палка. Но в такой теории сразу появляются осложнения. Даже если предположить, что у убийцы был прозрачный объект с нужными свойствами, возникает вопрос, где он скрывал его до убийства и куда спрятал после? И как он мог знать, что в решающий момент никто не увидит его преступные действия?

После долгой речи Твиста наступило молчание, которое нарушил Уэстон, объявив, что это действительно кажется невозможным точно так же, как любое предыдущее решение. Пять минут спустя все трое оказались снаружи под окном, как двадцать четыре часа до этого. Твист заговорил вновь:

– Если мы предполагаем, что убийца действовал с внешней стороны, он должен был тянуть, а не толкать жертву. Как он это сделал? В сложившихся обстоятельствах я могу предусмотреть верёвку: тонкую и прочную нить вроде лески, которую нужно было бы умело бросить. Что-либо более тяжёлое, такое как гарпун или аркан, было бы замечено. – Твист повернулся, чтобы взглянуть на лужайку позади него. – Проблема состоит в том, что на прямой линии от окна нет ничего, даже дерева. Всё же Найджела Мэнсона что-то должно было потянуть на той же высоте, что и окно, потому что свидетели сказали, что он двинулся прямо. Наиболее вероятным местом кажется одно из этих двух окон в западном крыле на том же этаже, откуда вы можете видеть под углом окно, где позировал Мэнсон. Одно из тех окон находится в комнате Фрэнка Холлоуэя. Проблема, в том, что он потянул бы жертву в сторону, а не «прямо», как если бы кто-то потянул отсюда.

– Например, мисс Марвел, – добавил Уэстон. – К сожалению, Виктор Ситвелл был недалеко и чётко видел, как она фотографировала своего любовника. И даже если предпо-

ложить, что ей удалось сделать дело в течение тех нескольких секунд, когда учитель потерял её из виду, – как она могла отсоединить и спрятать леску под носом Ситвелла и свидетелей в окне? Кроме того, отбросьте мысли о дьявольски переделанном фотоаппарате. Несмотря на его повреждения, полная экспертиза фотоаппарата не показала абсолютно ничего необычного. В него никак не вмешивались.

– И как леску прикрепить к жертве, в конце концов? – спросил Хёрст. – Самозатягивающейся петлёй, лежащей на подоконнике? Крюком, цепляющимся за его одежду?

Уэстон покачал головой:

– Невозможно. Мы проверили тело жертвы и одежду дюйм за дюймом и не нашли и намёка на подозрительный разрыв. Между прочим, я уже думал об этом. Мы также думали о проводе или леске, переброшенной через край, если резко потянуть которую, то можно было бы заставить Мэнсона потерять равновесие. Но повторяю ещё раз, – сказал он нервно, – то, как он вылетел вперёд, опровергает все подобные теории.

На лице Твиста появилось выражение разочарования:

– Вы совершенно правы, суперинтендант, ничто из перечисленного не имеет смысла. Я задавался вопросом, могли убийца воспользоваться одним из окон в крыле. Мисс Марвел была в наилучшем положении, чтобы видеть происходящее, но её глаза были прикованы к видеоискателю. Другими словами, её поле зрения было чрезвычайно узким, а если на объективе было пятнышко пыли, она могла и не заметить леску или провод. Но после инцидента ничто не могло укрыться от её взгляда: ни Ситвелл, ни кто-либо ещё в непосредственной близости. Мы на ложном пути, не сомневайтесь... А как насчёт ланча? Возможно он вновь пробудит клетки головного мозга?

Во время еды в основном говорили о невидимке. Доктор Твист большей частью слушал, отдавая должное кули-

нарному мастерству владельца гостиницы, за что заработал благодарственный поклон от Джорджа Кроуфорда. Перечислили все теории убийства, но напрасно.

Разочарованный бесплодными предположениями, Арчибальд Хёрст по ошибке загасил сигару в пюре, приняв тарелку за пепельницу.

– Конечно же, мысль о том, что человеческое тело может стать столь же прозрачным, как стекло, поражает воображение. Но такого никогда не происходило и никогда не произойдёт. Я отказываюсь верить в невозможное, чёрт побери! Должно быть объяснение!

Твист печально смотрел, как сигара из тарелки друга пропутешествовала в пепельницу, а затем в окно.

– Объяснение, да, но какое объяснение? – спросил Уэстон с кривой улыбкой. – Проблема-то в этом!

– Что именно вы под этим подразумеваете? – спросил Твист.

– Вы не из этих мест, джентльмены, и из-за этого есть определённые вещи, которых вы не знаете. Дартмур не Лондон, – добавил он напыщенно. – Я – уроженец этих мест и, хотя не являюсь таким авторитетом, как Виктор Ситвелл, действительно знаю историю края.

– Забавно. Теперь, когда вы упомянули его имя, я кое-что заметил: следуя его примеру, вы – давайте, не будем использовать слово «пораженец» – не очень оптимистичны, когда речь идёт о расследовании.

– О чём я и говорю! – вздохнул начальник полиции. – Вы не местный. Иначе вы бы знали, что существуют определённые вещи, определённые явления, у которых нет никакого объяснения. Вы полагаете, что у легенд, передаваемых из поколения в поколение, нет никаких фактических оснований? Всегда есть некоторая основа, независимо от того, насколько она мала, уж вы мне поверьте, и никогда не забывайте, что Дартмур не похож на другие места. Про-

исшествия в Стейплфорде тому доказательство. Вы говорите, инспектор, что всегда есть объяснение всему. Да, но, возможно, не такое, которого вам бы хотелось. Знаю, мои слова – совсем не то, что вы хотели бы услышать от человека моего положения, но повторю ещё раз: вы из столицы, а здесь всё по-другому!

Повисло смущённое молчание.

– Не сомневаюсь, что мы не осознаём многие из местных сверхъестественных явлений, суперинтендант, – ответил доктор Твист, – но в данном случае я совершенно уверен, что «демон», который вытолкнул Найджела Мэнсона из окна (каким бы сверхъестественным способом он ни воспользовался), имеет человеческое лицо и также ответственен за смерть трёх несчастных девушек. Поэтому предлагаю на некоторое время забыть о смерти актёра и сосредоточиться на том, что произошло приблизительно десять лет назад.

Когда трое мужчин вышли из гостиницы, было два часа. На большей части зданий в Стейплфорде были шиферные крыши, которые сияли золотом в ярком солнечном свете, но тут и там иногда проглядывала соломенная кровля. Многие из зданий, прихотливо расположенных вдоль главной дороги, имели побелённые стены, что добавляло очарования. Единственной вертикалью пейзажа был шпиль древней церкви, которая гордо возвышалась над сонной деревней.

– Твист, вы идёте? – позвал Хёрст. – Нет времени на мечтания!

Алан Твист, который рассматривал мирную сцену, кивнул и поспешил догнать полицейских.

– Я хочу показать вам дорогу к знаменитой скале, – объявил Уэстон, – после чего вынужден буду откланяться. Но хочу, чтобы вы поняли: я ничего не знал о тёмных подо-

зрениях, которые Ситвелл доверил вам и которые, очевидно, отравляют атмосферу этой очаровательной деревни. При опросе местных жителей мы были очень осторожны, потому что малейшее предположение, что подозревается кто-то из своих, захлопнуло бы все двери перед нашим носом.

Кто был таинственным соблазнителем? Мы так и не смогли узнать, кто это. Несколько свидетелей подтверждают, что маленькая Энни Крук, казалось, влюбилась без памяти в кого-то за некоторое время до того, как умерла, но никто не мог предложить имя или дать описание таинственного Ромео. Что касается двух более ранних смертей, мы тоже потерпели неудачу. Но при всём при том я действительно считаю, что мы на верном пути. Соблазнитель, кто бы он ни был и независимо от того, на что похож, является, скорее всего, убийцей трёх несчастных девушек. Теперь, убил ли он Найджела Мэнсона, потому что тот выяснил его личность – вопрос открытый. А откуда возникла эта теория?

– О, ниоткуда конкретно, – ответил Хёрст, нервно кашляя. – Просто теория, как вы говорите. Но, возможно, завтра мы будем знать больше.

Пять минут спустя Уэстон распрощался с двумя детективами, оставив их у подножья тропы, ведущей к вершине «Скалы желаний». Первые тридцать ярдов наклон оказался достаточно небольшим, но затем идти стало тяжелее. Хёрст сильно вспотел, пытаясь не отставать от Твиста, который с лёгкостью горного козла шёл по скалистой тропе, несмотря на то, что только что съел столько, сколько хватило бы трём нормальным мужчинам. Оказавшись наверху, Хёрст немедленно уселся на большой скальный выступ, и стал смотреть, как Твист буквально обнюхивает каждый камень.

– Замечательное место, – сказал криминолог, продолжая свой обход. – Есть, конечно, впадины и выступы, но по сути это – плоская поверхность, что довольно необычно встре-

тять на вершине гранитной скалы, подобной этой. Поглядите вокруг, Арчибальд, и насладитесь прелестным видом. Вы никогда не увидите такого в Лондоне и при этом не вдохнёте самый чистый воздух и не насладитесь такой полной тишиной, которая способствует раздумьям.

– А шум волн? – проворчал полицейский.

– Вы говорите о прозрачном бормотании вод, столь напоминающем «Весну» во «Временах года» Вивальди? О! А это, вероятно, место, где прятались Джон и Бетти, когда увидели Констанс Китс. Термин «грот» кажется несколько преувеличенным, так как это ниша всего лишь в ярд глубиной. Идите сюда, мой друг!

– Дайте отдышаться!

– Да ради Бога! А теперь давайте представим, что сейчас ночь, и попытаемся увидеть сцену, которую описал учитель. Двое молодых людей здесь, а маленькая Констанс Китс подходит по тропе, по которой мы только что поднялись. Она что-то радостно напевает, а затем несколько раз зовёт: «Э-ге-гей! Ты где?» – прежде чем остановиться вон там.

Твист вышел из грота и прошёл вдоль скальной стены, пока не достиг края утёса, где остановился. Он вытянул шею, чтобы посмотреть на подножье скалы. Хёрст встал и уныло поплёлся к нему. Он инстинктивно отпрянул, когда увидел пропасть в сто футов до усыпанного камнями ложа бегущего ручья, воды которого весело бурлили, уносясь в деревню.

– Таким образом, она стояла здесь, – продолжал Твист, – где стоим мы сейчас. Настоящая пропасть, не так ли? Мало шансов выжить, упав отсюда. Это было бы чудом. Нет, это верная смерть! Можете вообразить, о чём подумала бедная девушка, когда две руки яростно толкнули её в пустоту?

ПРОПАВШАЯ ФОТОГРАФИЯ

Хёрст быстро отступил и развернулся, колотя руками по воздуху, словно в поисках невидимого врага.

– Лучше быть в безопасности, чем потом жалеть, – хмуро объяснил он.

– Для человека, который заявляет во всеуслышание, что не верит в невозможное, я считаю ваше поведение несколько странным, – ехидно заметил Твист.

– Тогда вам лучше бы не намекать, что наш невидимый убийца где-то рядом. Именно это вы сделали, хотя и отрицаете. Итак, идём вниз?

Они направились назад в деревню, пересекли каменный мост, затем пошли вдоль ручья к основанию «Скалы желаний». Там доктор Твист вновь задумался, глядя на воду, плещущуюся между камней, вспениваясь и сверкая в ярком солнечном свете.

– В последние дни дождей было мало, – заметил он, – поэтому уровень воды понизился. Но пусть вас это не обманывает: лишь несколько дней штормов, и ручеек превратится в неистовый поток, способный свалить с ног и лошадь.

– Вы говорите, словно я заявляю обратное, – ответил полицейский.

Твист задрал голову, вглядываясь в гигантскую скалу, зловещий силуэт которой выделялся на фоне голубого неба.

– Вовсе нет. Я просто хотел заметить, что, после того, как молодые девушки упали и разбились, их тела, вероятно, были унесены ручьём довольно далеко. Этот пункт нуждался в подтверждении, и мы его получили.

Арчибальд Хёрст достал из кармана носовой платок и вытер лоб. Затем посмотрел на часы.

– Становится жарко, и у нас приглашение на чай к Ситвеллу. Чем вы хотите заняться в промежутке?

– Отдохнём пару часов, прогуливаясь по окрестностям как туристы и дыша свежим воздухом. После этого увидите: мы будем в прекрасной форме!

Без четверти пять двое детективов уже шли вдоль высокой изгороди, которая защищала Ситвеллов от любопытных глаз. Хёрст, не в силах справиться со своей непослушной прядью, неловко следовал за Твистом, который, небрежно насвистывая, открыл ворота сада. На полпути к дому рядом с цветником они заметили Бэзила в соломенной шляпе, убирающего садовые инструменты. Они подошли поздороваться с ним, что, казалось, понравилось Бэзилу, и тот охотно рассказал про работу, которую он выполняет для Виктора Ситвелла, и о том, насколько учитель помог ему и многим другим в деревне.

Пока доктор Твист украдкой изучал садовника сквозь пенсне, инспектор Хёрст бросил восхищённый взгляд на растительность, задержавшись на розовых кустах:

– Очевидно, у мистера Ситвелла нет никаких оснований жаловаться на вашу работу. Эти розы – лучшее доказательство.

– Гмм... это единственное, к чему мне не разрешают прикасаться. Он ухаживает за ними сам. Розы – его страсть... – Внезапно заметив, что Твист смотрит на него, он спросил: – Что-то не так, сэр?

– Нет, ничего. Просто вы напомнили мне кое-кого. Между прочим, вы не уроженец этих мест, как я понимаю?

Бэзил понурился и пробормотал:

– Вообще-то нет.

Повисла пауза, прежде чем Хёрст продолжил:

– У нас остались вопросы об известном субботнем вечере в гостинице. Подумайте хорошенько, прежде чем отве-

тите, потому что это важно. Мистер Мэнсон в какой-либо момент упоминал о трёх мёртвых девушках?

– Теперь, когда вы об этом сказали, да.

Он не сообщил подробностей, потому что в дверях появилась миссис Ситвелл и приветствовала детективов.

Часы в гостиной пробили пять, и любезная хозяйка покинула комнату на несколько минут и вернулась с тарелкой пирогов и кипящим чайником, что заставило ноздри доктора Твиста плотоядно подрагивать.

– Муж скоро будет дома, – сказала она, улыбаясь гостям. – Я пока принесла немного, чтобы было веселее ждать.

Хёрст елеинно ответил, что они с коллегой не спешат и что их время, конечно же, не столь ценно, как её мужа. Он продолжил перечислять то, что рассказал об учителе Бэзил.

Миссис Ситвелл попыталась застенчиво преуменьшить похвалы мужу, которым явно восхищалась. Тем временем Алан Твист, не дожидаясь приглашения, начал атаку на пироги, несмотря на саркастические взгляды Хёрста. Разговор перескакивал с одного на другое, и хозяйка стала рассказывать, как она познакомилась с мужем.

– Я никогда этого не забуду. Ему было двадцать пять лет, и он снимал маленькую квартиру в Бодмине, где я проводила несколько дней со своей тётёй. Мы встретились в первый день забастовки шахтёров оловянных приисков...

Историю прервало появление хозяина дома. Только после того, как приблизительно через полчаса Флоренс Ситвелл вышла из комнаты, Хёрст смог повторить вопрос, который он задал Бэзилу Хокинсу ранее днём. Ситвелл принёс из соседней комнаты папку со своими заметками об этих трёх жертвах. Услышав вопрос, он на мгновение замялся так же, как Бэзил Хокинс, а затем щёлкнул пальцами:

– Да, конечно. Конечно, мы говорили о них. И это было из-за той фотографии. – Он подошёл к креслу и уселся, уставившись на воображаемую точку перед собой, а затем продолжил:

– Вы заметили деревянную панель на стене гостиницы рядом с тем местом, где мы сидели вчера вечером? Там множество фотографий: футбольные команды, фото со свадеб, игроки в крикет и так далее. Вы были там вчера вечером, когда Джордж обвинил меня в краже. Ну, в субботу я просто заявил, ни к кому конкретно не обращаясь, что фотография в центре панели принадлежит мне. Я сказал это под влиянием момента, поскольку она в точности походила на фото, которое есть у меня дома, и потому, что, откровенно говоря, я уже начинал чувствовать эффект от выпитого. Джордж стал настаивать, что я неправ, и после нескольких минут живого обсуждения я признал ошибку. Это действительно была его фотография. Она ему особенно дорога, потому что это единственное оставшееся фото с Энни Крук. Вы знаете, как я понимаю, что она была ему приёмной дочерью. Фотография была сделана на деревенском празднике, и там запечатлено большинство жителей. По стечению обстоятельств все три погибшие девушки находятся на переднем плане. Фото было сделано за три месяца до того, как в ручье нашли Элизу Голд, первую жертву.

Так как во время спора фотография оказалась у меня в руках, я начал говорить об этих трёх девушках и их таинственных смертях. Найджел Мэнсон и его друг навострили уши, как сделал бы любой, впервые услышавший эту историю. Мне показалось, что мистеру Мэнсону было интереснее, чем мистеру Холлоуэю, но не уверен. Впоследствии мы заговорили о чём-то ещё... Но мне подумалось вот что: один раз Найджел взял фотографию и долго в неё всматривался. Он казался удивлённым и ошеломлённым и некоторое время молчал. После этого он вновь брал её раза два или три, чтобы рассмотреть подробнее. Вот, наверное, и всё, что я могу вам сказать.

Хёрст с Твистом обменялись взглядами, и инспектор объяснил теорию, которая у них родилась на основе тех слов, что Найджел Мэнсон произнёс ночью после возвращения в поместье.

– ...и то, что вы только что рассказали, подкрепляет нашу мысль, – закончил он. – Что-то... или скорее, кто-то на той фотографии заставил его задуматься. Его жена сказала, что, даже принимая во внимание его состояние, видно было, что его что-то беспокоит. Очень похоже, мистер Ситвелл, что на фото было и лицо убийцы тех трёх девушек. Вы помните имена других, кто там был?

Виктор Ситвелл снял очки и вздохнул:

– Как я уже сказал, там было полдеревни. Не могу перечислить всех. Самое простое для вас – посмотреть самому. Как я сказал, у меня есть копия.

С этими словами он встал и сказал детективам, что вернётся через минуту. Но спустя пять минут он вернулся со смущённым видом:

– Стоит только чего-то сильно захотеть, и вы не можете этого найти! Словно испарилась. Флоренс думает, что она может быть на чердаке. Если это так, то поиски будут нелёгкими. Но обещаю, что займусь ими как можно быстрее. Я прекрасно понимаю важность этого фото для вашего расследования. Я свободен завтра днём и прочешу весь чердак частым гребнем. Обещаю, что принесу фотографию сам, как только найду.

– Мы были бы очень благодарны, мистер Ситвелл, – сказал Хёрст с вежливой улыбкой, но сжимая зубы. – Она может оказаться важной уликой.

– Всё равно, – заметил доктор Твист, – исчезновение этой фотографии довольно любопытно. Той, в «Красном льве», я имею в виду.

– В любом случае её не могли взять за нашим столом в субботу вечером, – сказал Ситвелл. – Могу вам это гарантировать, потому что сам повесил её на стену после того, как все остальные вышли.

– И всё же, – сказал Твист, задумчиво закрыв ладонью глаза и лоб, – жена владельца гостиницы клянётся, что на следующее утро она пропала. Любопытно, очень любопытно!

Хёрст с Твистом вышли от Ситвеллов как раз вовремя, чтобы увидеть, как Бэзил закрывает за собой ворота сада. Он не смог добавить больше ничего к тому, что говорил учитель, но подтвердил всё им сказанное почти слово в слово.

Полчаса спустя они были в гостиной «Трирайс-мэнор». Стоя перед камином, Хёрст завладел вниманием Хелен Мэнсон, Натали Марвел и Фрэнка Холлоуэя, когда яркими, широкими мазками и с большим красноречием обрисовал новое направление, которым пошло расследование. Закончил он так:

– Что именно он мог увидеть на той фотографии? При-
скорбно, но мы этого не знаем, но это должно быть что-то
вполне определённое. Вероятно, лицо убийцы, но мы не
можем быть уверены. Возможно, другая улика. То, что мы
действительно знаем: нечто, услышанное от учителя Сит-
велла, а затем увиденное на той фотографии, заставило в
голове Найджела Мэнсона что-то щёлкнуть. Что думаете вы,
мистер Холлоуэй? Вы были там в то время, как я понял.

– Да, всё, что учитель вам рассказал, верно. Я, собственно,
не обращал особого внимания ни на него, ни на эффект,
который рассказ оказал на Найджела. Но он действительно
очень заинтересовался историей и несколько раз брал
в руки фотографию и тщательно рассматривал. Но...

Импресарио остановился, поднеся палец к губам, при
этом его перстни заискрились в свете люстры.

– Что такое? – решительно спросил Хёрст.

– Согласно вашей теории, инспектор, убийца убил Найджела потому, что тот раскрыл его тайну. Это означает, что он, должно быть, присутствовал, когда Найджел заподозрил правду, исследуя фотографию. Другими словами, убийца должен был быть в гостинице тем вечером.

– Кажется, до вас начинает доходить, – медленно и весомо произнёс Хёрст. – Вы поймёте поэтому, что рассматриваемая сцена не была простой случайностью, как можно было подумать. Не было случайностью, что убийца был там, когда Найджел сделал своё открытие. Фактически он, должно быть, наострил уши с момента, когда Ситвелл начал рассказ о смертях девушек, а затем не спускал глаз с группы. Поэтому я прошу, напрягите память и вспомните, что именно Мэнсон сказал об этом на следующий день. Любая деталь, независимо от того, насколько она мала, может оказаться жизненно важной. Мы не можем позволить себе что-то упустить.

– На следующий день, – с сомнением повторил Фрэнк Холлоуэй. – Со своей стороны я не вспоминаю ничего.

Хелен Мэнсон и Натали Марвел согласно кивнули.

– Когда я говорю «на следующий день», это подразумевает и первые часы после полуночи, когда Мэнсон вернулся.

Импресарио откинул назад голову и нервно рассмеялся:

– Как я сказал вам, инспектор, я был пьян в стельку. Всё, что помню, это что он по ошибке открыл неправильную дверь. Он был...

Он посмотрел на Натали Марвел и смущённо кашлянул, но в глазах его заблестели искорки.

Кровь отлила от лица молодой актрисы, и она укусила губу, прежде чем ответить:

– ...в моей комнате, да. Он был пьян и... Вы действительно хотите, чтобы я воспроизвела то, что он сказал? – Её голос повысился почти до истерики. Большие голубые глаза вы-

зывающе посмотрели на двух детективов, затем она повернулась к Хелен Мэнсон, съёжившейся в кресле, которая ответила слабым голосом:

– Нет необходимости.

– Он был абсолютно пьян, – повторила актриса, – и то, что он мне сказал, не имеет никакого отношения к этому ужасному делу!

– Конечно, конечно, – торопливо произнёс Хёрст, не желая срывать расследование романтическими осложнениями. – Но вы, миссис Мэнсон, в свете того, что мы знаем теперь, должны дать нам дополнительную информацию. Помимо «любопытного сходства» и «трёх девушек, которые погибли» не было ли чего-то ещё, что он сказал вам той ночью?

– Ничего не приходит на ум, но позвольте мне подумать об этом ещё немного.

Хёрст начал терять терпение. На лбу его тревожно запульсировала вена.

– Мы, похоже, не придём никуда, – пробормотал он. – К счастью, имеется вторая фотография, которую Ситвелл обещал принести самое позднее завтра днём.

Фрэнк Холлоуэй с невинной улыбкой поинтересовался:

– Между прочим, инспектор, как продвигается остальная часть расследования? Вы раскрыли тайну невидимости убийцы?

Полицейский бросил на него разъярённый взгляд:

– Нет.

– Это странно, потому что вы, кажется, склоняетесь к рациональному объяснению.

– Вас это поражает? Вы верите в призраков? Меня это вовсе не должно удивлять. Все здесь верят в демонов, гоблинов, ведьм, безголовых всадников, и не знаю, во что ещё. Все. Не только этот кретин Бэзил, но и Джордж, доктор, учитель и, венчая список, начальник полиции! Они не заявля-

ют это открыто, они лишь говорят, что с такими вещами нужно быть осторожными.

Повисла тишина, которую нарушил Твист, заметив:

– Мы находимся лишь в начале поиска рационального решения.

– Итак, инспектор, – спросил Фрэнк Холлоуэй, – когда вы нас освободите?

– Я не держу вас, – загремел Арчибальд Хёрст. – Всего лишь попросил задержаться на несколько дней, если это возможно.

Хелен Мэнсон ничего не сказала – она рассеянно смотрела на окно, через которое четыре дня назад её мужа настигла смерть. Что касается Фрэнка Холлоуэя, он вопросительно глядел на Натали Марвел, которая вызывающе заявила, что останется на столько, сколько нужно для завершения расследования. Внезапно Твист воскликнул:

– О, Небо! Уже шесть тридцать. Если мы немедленно не уйдём, то опоздаем на обед. Что подумает о нас Джордж?

Этим вечером они ели в отдельной комнате в задней части гостиницы. Им требовались тишина и покой, чтобы обсудить ситуацию.

– Мы здесь лишь два дня, а кажется, целую неделю, – сказал доктор Твист, глядя на вазочку с фруктами, к которой полицейский не притронулся. – Из Лондона вещи выглядели совершенно по-другому, помните, Арчибальд?

– Слишком хорошо. Я был уверен, что Мэнсон поскользнулся и упал, а все сомнения происходят из-за ошибок свидетелей и общей ауры тайны, вызванной тем фактом, что последнюю комедию Мэнсона называли «Человек-невидимка». Когда я начал допускать возможность убийства, я подумал, что преступником, если таковой был, должен быть один из этих трёх людей в его ближайшем окружении, и

они, должно быть, использовали какой-то трюк из пьесы. Но скоро мы обнаружили, что так не могло быть.

– Это было потому, что мы не знали об остальных сюрпризах. Но веселей, Арчибальд, – уже недолго ждать, как мы найдём ключ ко всей тайне. Непосредственно перед тем, как мы ушли, я бросил беглый взгляд на заметки Ситвелла. Они – чудо точности. Я планирую проработать их сегодня вечером, и будь я проклят, если не найду там чего-нибудь. А тем временем, если вы не возражаете, мне бы хотелось пробежаться по различным этапам этого дела в хронологическом порядке и в свете того, что мы узнали сегодня.

Приблизительно за двадцать лет до рубежа столетий молодая женщина упала с лестницы «Трирайс-мэнор» и погибла. По меньшей мере три свидетеля, не считая её мужа, клянутся, что она упала не случайно, а её толкнула невидимая рука. Ходили слухи, что погибшая женщина была ведьмой, и к тому же существует местная легенда о молодом охотнике на ведьм, которого волшебное кольцо может сделать невидимым.

Пятьдесят лет спустя молодая девушка исчезает из деревни, и вскоре её находят утонувшей в ручье – при ней колода карт. Сначала это похоже на простой несчастный случай, но в вечер, когда она исчезла, видели всадника без головы, уносящегося в небо. Год спустя вторая молодая девушка найдена утонувшей в том же самом месте, а карты разбросаны вокруг. На сей раз два свидетеля утверждают, что видели, как девушку столкнули в пропасть с вершины «Скалы желаний», но позади неё никого не было. Немного раньше другой свидетель видел, как она шла и разговаривала с кем-то... невидимым. Год спустя, в то же время года, третья молодая девушка исчезла – её также видели на тропе к проклятому месту, весело разговаривающую с невидимкой! И вновь колода карт оказалась разброса-

на на той же самой площади около каменного моста. Карты предлагают другую легенду – участие самого дьявола.

Проходит несколько лет. Однажды проезжающий мимо мужчина узнаёт трагическую историю Мадлен Холл и, вдохновлённый ею, пишет пьесу, которая становится хитом. Он покупает поместье, которое его вдохновило, и немного позже вновь приезжает в это место, но лишь для того, чтобы выпасть из окна после того, как его толкнуло невидимое существо, совсем как в пьесе.

Хёрст машинально отодвинул вазочку с фруктами и сказал:

– Тут есть над чем подумать. Хотите мои фрукты, Твист? Я ни к чему не прикасался. Должно быть, потерял свой аппетит.

– Ваш что? Ах да. Не будем огорчать Джорджа.

В мгновение ока вазочка опустела, после чего друзья решили выпить кофе в баре. Обслуживая их, Джордж указал на молодого человека, плохо одетого, но держащегося гордо.

– Это Дэвид Линдер, пастух. Вы хотели поговорить с ним, не так ли?

Хёрст поблагодарил его и некоторое время рассматривал одиноко сидящего молодого человека, прежде чем с лукавой улыбкой повернулся к Твисту:

– Полагаю, мы действительно о нём забыли. Это он метал свирепые взгляды на Найджела Мэнсона, помните? К тому же, Бэзил видел, как он бродил поблизости от поместья как раз перед убийством. Он – довольно смазливый парень, способный заставить женские сердца трепетать. Думаю, мы нашли нашего человека, Твист. Предлагаю вам пересесть за задний столик, где мы сможем поговорить спокойно. Я присоединюсь к вам чуть позже. Хочу пригласить его выпить с нами.

Несколько минут спустя Дэвид Линдер, подозрительно оглядываясь и сжимая в руке пинтовую кружку, внимательно слушал детективов. При этом он, в свою очередь, спо-

койно смотрел на Твиста и Хёрста. Как только полицейский упомянул имя Найджела Мэнсона, Линдер закипел от гнева. Хёрст, который плавно подводил беседу к этому вопросу, был даже удивлён откровенностью ответа.

– Дьявол забрал того, кто ему принадлежит, – вот всё, что сказал пастух.

– Прошу прощения? – озадаченно произнёс Хёрст. – Не уверен, что понимаю вас.

– Я имел в виду именно то, что сказал. Он погано вёл себя с девушками. Я это знаю, потому что сам был свидетелем. Я не много видел его, но никогда не забуду этого елейного ублюдка. Прошло много времени, но я помню, словно это было вчера. Мне нравилась Элиза, а он увёл её у меня из-под носа. И на следующий год сделал то же самое с Констанс.

– Элиза, Констанс, – удивлённо повторил Хёрст. – Вы имеете в виду Элизу Голд и Констанс Китс?

– Да, правильно. Вы их знали?

На пастуха посыпался град вопросов, и парень не стал увиливать от ответов. Эти его ответы, возможно, ставили в тупик, но их спонтанность вместе с очевидной искренностью его голубых глаз произвела на двух детективов такое впечатление, что они не сомневались в том, что всё, сказанное им, правда.

– В первый раз, мне кажется, он был с другим парнем примерно того же возраста. В те дни приезжали многие, поэтому в начале я не обратил на него особого внимания. Но позже, когда он начал улыбаться Элизе – она в тот вечер работала буфетчицей, поскольку часто помогала по субботам, – я начал следить за ним, как ястреб. И я видел, как он шептал что-то ей на ухо. Когда она сказала да, кивнув, я начал бояться худшего. Я попытался спросить её, когда она обслуживала меня, но она в ответ молчала. Именно тогда я понял, что моя песенка спета. Она выскочила как раз перед закрытием. Угадайте, кто вышел вслед минуту спустя? Найджел Мэнсон, хотя тогда я не знал его имени. Элизу нашли в реке несколько дней спустя. Если бы она была умней, то не кончила бы так.

Год спустя казалось, что удача улыбнулась мне. Мы с Констанс никогда не разговаривали, но я мог видеть, что нравлюсь ей. Я мог не спешить – так мне казалось тогда. Как и Элиза она подрабатывала на карманные расходы, обслуживая клиентов в баре по выходным. Как только он вошёл, я его узнал. Был лишь второй раз, как я его видел,

но случившееся год назад всё ещё было живо в памяти. На сей раз он был один. Когда Констанс обслуживала его и он улыбнулся ей, я знал, что произойдёт, – так и случилось. Я был настолько расстроен, что немедленно ушёл. Когда Констанс нашли в реке два дня спустя, я почувствовал то же, что и прежде. Хотя я был уверен, что он в этом замешан, я никогда не видел его вновь... до прошлой субботы.

– Вы не забыли ту же субботу на следующий год, когда исчезла маленькая Энни Крук? – спросил Хёрст. – Разве вы не присутствовали?

– Да, но не помню, что видел его. Это было шесть или семь лет назад. В любом случае это ничего не значит, поскольку я не чувствовал того же по отношению к Энни, как к двум другим... ну, вы понимаете?

Хёрст понимающе кивнул и спросил:

– Но почему вы ничего не сказали полиции?

– Знаете, они начали задавать вопросы лишь после того, как исчезла Энни.

– Об этом я и говорю. Именно тогда они начали думать о садисте, соблазняющем своих жертв на той скале.

Дэвид Линдер поставил на стол пустую кружку.

– Но я говорил им! Однако у каждого была своя теория. Были даже люди в деревне, которые подозревали меня. Меня! Можете в это поверить? Что касается моей истории про парня с елейными манерами, которого практически никто не видел и даже я не видел в последний раз, когда видели Энни...

– Понятно. А теперь скажите нам, что вы почувствовали, когда увидели его вновь в прошлую субботу.

Молодой пастух помрачнел:

– Ну, очевидно, для меня это был настоящий шок. Я хотел бы сбить его с ног, но он был с доктором Грантом, Бэзиллом и учителем, и они, казалось, прекрасно проводили

время. Но я не мог не выказать ему того, что думал о нём. Совершенно уверен, что он меня видел, но, вероятно, не вспомнил.

Хёрст сделал новый общий заказ, а затем с деланным равнодушием спросил:

– Так что вы делали в воскресенье днём около поместья за несколько минут до того, как погиб Мэнсон?

На сей раз Дэвид Линдер был явно потрясён:

– Я... я хотел увидеть его снова... поговорить с ним, узнать почему... Кто-то сказал мне накануне, что он – известный актёр, но это не остановило меня. – Он глубоко вздохнул, а затем продолжил усталым голосом: – Понимаете, я не знаю, хватило бы у меня храбрости, когда дошло бы до дела. Я действительно хотел поговорить с ним и проучить его так, чтобы он меня надолго запомнил. Мне действительно хотелось стереть кулаками его улыбку.

– Мы это поняли, – кивнул Хёрст. – Но что вы сделали?

– Ничего. Я бродил по территории поместья, когда услышал крик. Я был слишком далеко, чтобы видеть, кто это, но по голосу понял, что это он. И вернулся. Всё ещё не знаю, он ли убил тех девушек или они сами бросились вниз из-за него, но по мне это одно и то же. И вы никогда не убедите меня, что дьявол не забрал то, что ему принадлежит.

Пять минут спустя Дэвид Линдер вышел из гостиницы, но не прежде, чем инспектор Хёрст попросил его не покидать район до особого разрешения. Сначала пастух направился было к стойке за новой порцией напитка, но после секундного колебания молча вышел.

– У меня такое чувство, что мы испортили парню вечер, – сказал Хёрст голосом полным сарказма. – Чёрт побери, я готов дать себе пинка после того, что он только что рассказал нам. Мы думали обо всём, кроме того, что таинственным соблазнителем является сам Найджел Мэнсон. И всё

же это так очевидно... Надеюсь, вы не собираетесь мне сказать, что не верите парню?

– Ни в коем случае! – ответил его друг. – Его слова звучали правдоподобно, и я никогда не сомневался относительно способностей Найджела Мэнсона как соблазнителя. Широко известно, что он был неисправимым бабником. Мы заслуживаем хорошей порки за то, что не поняли этого раньше, особенно после того, как миссис Мэнсон рассказала нам, что её покойный муж бывал здесь прежде, и намекнула, что тут замешаны юбки. Её показания подтверждает то, что мы теперь знаем: наш друг актёр, походя, обольщал местных девушек.

– А расставаясь, сбрасывал их со скалы. Это всё меняет, чёрт побери! – проревел Хёрст, хватаясь за остатки волос. – Таким образом, это он – наш садист, и кто-то узнал об этом и отомстил. Мы ещё не знаем, каким трюком убийца воспользовался, чтобы стать невидимым, но всё остальное теперь ясно. Можете вообразить, насколько актёр был потрясён, когда в прошлую субботу Ситвелл показал ему фотографию и рассказал всю историю. Он казался «заинтригованным»? Нет, он пытался решить, как лучше всего не выдать себя. И это ему прекрасно удалось. Но кто-то, наблюдавший за ним, должно быть, понял, что это он – маньяк, который терроризировал деревню в прошлом, и привёл в действие дьявольский план, чтобы отомстить за трёх девушек. Найджел Мэнсон играл невидимку, чтобы убить их? Теперь он умрёт этим же способом. Око за око, зуб за зуб!

Как раз в этот момент вошёл Виктор Ситвелл, и Арчибалд Хёрст с плохо скрываемым удовлетворением поделился с ним своими последними выводами.

– Поэтому всё, что остаётся сделать, – заметил учитель, – это определить личность преступника и метод, каким он убил жертву.

Хёрст поморщился:

– Да, всё верно. Но теперь я впервые чувствую, что мы на верном пути. Я сейчас сказал своему другу, что мы должны искать кого-то, кто живёт в деревне, кого-то, кто почти наверняка был в гостинице вечером в прошлую субботу, и кого-то, принадлежащего к семье одной из жертв. Итак, мистер Ситвелл, можете назвать хоть кого-то, кто удовлетворяет всем условиям?

– Трудно сказать. На ум приходит несколько имён, но назвать одного конкретного человека было бы очень неловко. Но теперь, как я понял, фотография вам не поможет?

– Нет, не поможет, – усмехнулся Хёрст, – потому что убийцы не было на фотографии: он держал её в руке!

Ситвелл медленно кивнул:

– Вы думаете, что, когда он так пристально рассматривал фотографию, дело было не в интересе? Он лихорадочно думал, как бы выиграть время?

– Между прочим, мы всё ещё хотели бы увидеть эту фотографию, – вежливо вмешался Твист.

– Конечно, она будет у вас послезавтра, как я и обещал. В любом случае я должен найти её, так как хочу отдать Джорджу, потому что чувствую себя лично ответственным за её потерю. А! Вот и Бэзил.

– Пожалуйста, держите всё это при себе, – поспешно попросил полицейский учителя. – В настоящее время я не подозреваю никого конкретно, но хочу проявить осторожность. Чем позже мы насторожим убийцу, тем больше шансов его поймать.

Бэзил Хокинс прибыл непосредственно перед тем, как появился Томас Грант. Атмосфера за столом становилась теплее, и к десяти часам на щеках всех горел румянец. Бэзил, чья очередь была делать заказ, отправился к стойке и, попросив тишины, с жаром затянул гимн «Правь, Британия», который подхватило большинство присутствующих

в баре: многие из них в своё время служили в Королевском флоте. После этого, пока певцы переводили дух, Виктор Ситвелл начал речь о филантропии, иллюстрируя её личными примерами.

– С самого юного возраста, – пояснил он, – я впитал в себя понятие равенства. Фактически – почти вошёл в политику. В Бодмине, где случайно я встретил Флоренс...

– Забавно, – заметил Хёрст. – Ваша жена говорила об этом, пока мы ждали вас.

– Да, но это – другая история, – ответил учитель, приканчивая свою пинту. – Хотя в какой-то степени она связана в том смысле, что, если бы я не встретил её, то, вероятно, посвятил бы себя политике полностью. Что возвращает нас к теме. Я знал нескольких рабочих на местном оловянном руднике. Условия их работы не были в действительности слишком ужасны, но каждый день они вынуждены были терпеть невыносимое присутствие владельца, который, кроме того, что построил неподалёку от шахты богатый дом, имел привычку выслушивать их жалобы одетым чуть ли не во фрак, что лишь разжигало недовольство. Я решил вмешаться и организовал несколько рабочих митингов. Вскоре после этого они начали забастовку – почти все. Владелец отклонил требования шахтёров, но они не вернулись в шахту. Можете представить, чем всё закончилось? Он предпочёл пустить себе пулю в лоб, а не поделиться с ними своей прибылью. Этот опыт показал мне, что я обладаю определённым даром убеждения, и я решил, что Бог хочет, чтобы я посвятил себя помощи людям. А затем я встретил Флоренс.

В этот момент беседа перешла на женщин вообще и на плюсы и минусы института брака, что побудило доктора Гранта возразить заплетающимся языком:

– Вы не должны говорить о подобных вещах перед таким старым холостяком, как я, Виктор. – Внезапно он огля-

нулся и спросил: – А куда подевался Бэзил? Я даже не видел, как он встал.

Нахмураясь, Виктор в свою очередь осмотрел помещение:

– Я тоже его не вижу.

– Я знаю, что произошло, – захохотал Хёрст. – Он надел своё волшебное кольцо и исчез!

Около двух часов ночи небольшая деревня Стейплфорд дремала, накрытая толстым одеялом из тумана, и у случайного прохожего было мало шансов увидеть свет в любом из окон, выходящих на главную улицу.

Такой свет, однако, вырывался из комнаты, занятой доктором Твистом, внутри которой он сумел создать атмосферу, почти столь же густую, как туман снаружи. Лёжа на кровати, подложив под спину толстые подушки и постоянно попыхивая трубкой, он с головой ушёл в записки Виктора Ситвелла, лишь иногда делая перерывы для лёгкого перекуса. Лицо выражало полную концентрацию мысли, когда он старался поместить в свою потрясающую память важные слова и фразы. Время от времени он поднимал взгляд к потолку и удовлетворённо кивал.

Что касается случайного прохожего (поскольку таковой действительно имелся и двигался, прижимаясь к стенам), было бы трудно набросать его портрет. В тумане виднелся красноватый силуэт, который перемещался медленно и осторожно, чтобы не потревожить никого из жителей. Из вежливости и уважения? Ничто в поведении движущейся фигуры не вело к такому заключению. Свет в окне, на которое человек быстро взглянул, зажгёт жёлтые блики в его глазах, и эти глаза явно не принадлежали спокойному и уравновешенному человеку.

КУДА УШЁЛ БЭЗИЛ?

Когда Джордж Кроуфорд подал завтрак ранним утром следующего дня, лицо доктора Твиста посветлело. Инспектор Хёрст слабо улыбнулся в знак благодарности. Пока Твист поглощал золотые ломтики тостов, владелец гостиницы объявил:

– Вчера вечером был адский туман, и я задаюсь вопросом, не является ли он причиной кошмара у моей жены. Она несколько раз вставала ночью и, когда выглянула из окна, то сказала мне, что видела, как по улице бродит красная тень.

– Красная тень? – эхом отозвался Хёрст.

– Ну, кто-то в плаще такого цвета с капюшоном. По крайней мере, так она сказала. Я спрашиваю вас, кто в здравом уме блуждал бы среди этого горохового супа² в такой час? Мне кажется, ей приснился дурной сон и она так полностью и не проснулась, когда выглянула из окна.

– Такое бывает, – бодро согласился Твист. – Не выпьете ли с нами чаю, мистер Кроуфорд?

– С удовольствием, но немного позже. У меня ещё есть несколько неотложных дел.

После того, как владелец гостиницы ушёл, Хёрст, всё ещё не отошедший после вчерашнего, спросил своего друга, нашёл ли он что-нибудь полезное в записках учителя.

– Я многое узнал. Он очень дотошен, как вы знаете, и его описание трёх трагедий – поистине золотая кладезь.

2 Англичане традиционно сравнивают густой туман с гороховым супом.

– Что конкретно?

– Если честно, несколько трудно на данном этапе быть конкретным. Просто – общее впечатление на основании тысячи и одной детали повседневной жизни, которые, взятые вместе, показывают всё дело совсем под другим углом.

– Я вижу, вы не собираетесь мне сказать.

– А я вижу, Арчибальд, что вы сегодня встали не с той ноги. Вы должны стремиться воспользоваться моим сравнением преступления и полотна мастера.

– Придержите это для своих конференций или мемуаров, старина. То, что нужно мне, это факты и только факты!

– Ну, ничего такого нет! Поскольку, как я сказал вам, всё, что я получил вчера вечером, – новая перспектива. Уверен, у меня теперь есть всё, чтобы решить дело, но я должен ещё немного подумать над ним. Естественно, имеется пара мелочей, как, например, ваша мысль о длинной палке...

– Что? Вы хотите сказать, что, в конце концов, Найджела Мэнсона столкнули длинной палкой?

– Вы всегда вкладываете свои слова мне в рот. Нет, я просто сказал, что ваша идея наводит на размышления и может объяснить одну или две вещи. Но почему мы говорим об этом, если вас интересуют лишь материальные факты?

Не в первый раз Хёрсту захотелось взять и хорошенько потрясти друга, но сегодня ему потребовалось даже больше усилий, чтобы сдержаться, учитывая манеру, с которой криминолог потягивал чай, изящно оттопырив мизинец, словно никаких проблем перед ним не стояло.

– Однако, – продолжал Твист, ставя чашку, – есть несколько наблюдений, которыми я хотел бы с вами поделиться. Некоторые факты стали нам известны не сразу, например, что все три жертвы работали здесь в вечер их исчезновения. Мы теперь почти уверены, что знаем, кто обольщал девушек, но этого, по моему мнению, недостаточно, чтобы оправдать такое совпадение. Есть что-то ещё, но я пока не знаю, что именно.

Настала очередь Хёрста поставить чашку, и он посмотрел на своего друга с улыбкой, слишком яркой и открытой, чтобы быть по-настоящему искренней:

– Мой дорогой Твист, даже самая хитрая из лисиц не может сравниться с вами в обмане. Эти как бы случайные таинственные намёки, чтобы разжечь любопытство слушателя – искусство, в котором вы непревзойдённый мастер от непрерывной практики, – каждый раз выдают вас. Но то, что вы находите особое удовольствие в этой игре, не означает, что я должен в ней участвовать.

– Арчибальд, ради Бога, избавьтесь от этой мании преследования. Ни на мгновение я не стал бы...

– Каждая секунда задержки с арестом преступника недопустима, разве вы не согласны? Так что давайте не будем больше терять времени. Прежде, чем мы сделаем что-либо ещё, думаю, мы должны быстро пробежаться по всему делу, обращая внимание на каждого из подозреваемых.

– Превосходная мысль. Слушаю вас внимательно.

– Мы совершенно уверены в мотиве, хотя возможность преступления на почве страсти нельзя исключать полностью. Насколько я могу видеть, есть две группы подозреваемых. Первая включает жену жертвы, его любовницу, её импресарио и, возможно, неизвестного: одного из родственников, который до сих пор старался не показываться нам на глаза. Для этой группы мотивом могла быть личная выгода, ненависть, ревность, месть и кто знает, что ещё. Во главу списка я поместил бы Хелен Мэнсон. У неё безусловно имеется самый сильный мотив. Хотя у остальных, кажется, нет такой веской причины убить актёра, они оба были бы более способны совершить преступление, чем субтильная миссис Мэнсон.

– Совершенно верно, Арчибальд. У молодой актрисы, какой бы очаровательной она ни была, хватило бы нервов это сделать и у её компаньона тоже. Кроме того, у него

имеется хладнокровие, которое является признаком всех лучших убийц, если я могу так выразиться.

– Полностью согласен. Теперь давайте посмотрим на вторую группу, в которой гораздо больше участников; это, увы, тем более прискорбно, поскольку я полагаю, что наш человек – почти наверняка один из них. Это означает, что мы должны учитывать всю деревню. Не нужно ломать голову над мотивом. Наш человек, так или иначе, обнаружил, что Найджел Мэнсон был тем одиозным типом, который оболестили и убили трёх девушек, и он отомстил за них. Очень хорошо. Но кто он? Мы полагаем, что это, вероятно, был кто-то из посетителей гостиницы в субботу вечером. Между прочим, у меня есть мысли по этому поводу.

– Да? – спросил Твист, явно озабоченный растекающимся джемом, обильно намазанным на тост.

– Почему не один из тех, кто сидел рядом с ним? Они были в наилучшей позиции, чтобы видеть его реакцию на фотографию.

– Точное замечание. Я добавил бы и молодого пастуха, который, по собственному признанию, держал актёра в поле зрения с момента, как узнал его. И в этом отношении я хотел бы подчеркнуть: возможно, он действительно сказал нам правду, ничего кроме правды... кроме той части, где убийцей является он.

– Это немного слишком, – возразил Хёрст. – Убийца, преподносящий нам мотив на тарелочке...

– Двойной блеф.

– Не думаю, что он достаточно искушён для этого. Но вы правы, никогда нельзя быть уверенным. Из опыта мы знаем, что правдой часто оказывается то, чего меньше всего ожидаешь. Теперь о других. С кого начнём? Ситвелл, доктор Грант или Бэзил? Между прочим, мне показалось странным, как он исчез вчера вечером.

Доктор Твист, который уничтожил ещё два тоста, пока Хёрст излагал свои теории, глубокомысленно вытер усы:

– Есть в нём что-то странное. Он напоминает мне кого-то, но не могу вспомнить, кого.

– Вы видите его в роли убийцы-мстителя?

– Не больше и не меньше, чем любого из остальных. В любом случае он не настолько наивен и доверчив, как желает казаться, и я предостерёг бы против оценки его только по количеству алкоголя, который он может проглотить. Это может быть как признаком кретинизма, так и гениальности. Готов держать пари, в его прошлом имеется некая тайна.

– А доктор Грант?

– Этот человек не обидел бы и мухи, он – сама доброта. Но, учитывая, что мы имеем дело с мстителем, никого нельзя исключать. Его алиби кажется железным – точно так же, как у всех остальных, что, между прочим, не позволяет нам двигаться дальше.

– Остаётся Ситвелл.

– Что справедливо для доктора, справедливо и для учителя. Очень честный человек, который, если потребуется, не станет колебаться...

Твист не закончил предложения, поскольку увидел, как к ним приближается владелец гостиницы. Он сел за стол и заговорил о погоде, деревне и своей гостинице, но затем остановился на том случае, который так затронул их с женой жизнь.

– Её тело так и не нашли, но мы и не надеялись. Наша маленькая Энни! Ей было только шестнадцать. Бедный ребёнок. Я никогда не забуду это милое личико, когда Виктор привёл её однажды вечером. Она походила на маленького испуганного оленёнка. Затем постепенно привыкла к нам. Естественно, было в её характере и упрямство, и она могла иногда быть трудной...

Печаль в его голосе была очень трогательной, в особенности потому, что шла от такого крупного, энергичного мужчины. При воспоминаниях о прошлом из глаз его покатались слёзы.

– Мы понимаем, – мягко сказал Хёрст. – Знаю, это очень болезненно для вас, но вы можете рассказать нам про последний раз, когда её видели? Вы помните?

– Конечно. Она начала расцветать, превращаясь в действительно красивую молодую девушку с длинными каштановыми волосами.

– Да, кажется, кто-то ею заинтересовался?

– Это правда, – кивнул владелец гостиницы. – За последние несколько дней её поведение изменилось. Она всегда была в хорошем настроении, напевая что-то даже рано утром. Такие вещи не спутать: она, должно быть, встречалась с кем-то, но мы так никогда и не узнали, с кем.

– В ночь, когда она исчезла, был ли среди посетителей человек, который потом купил «Трирайс-мэнор»? Тот, который недавно умер?

– Это было так давно. Нет, не помню. Но могу спросить жену, у которой память на лица намного лучше моей.

Вскоре после этого место мужа за столом детективов заняла Элис Кроуфорд. Это была пухлая, добрая женщина, на лице которой время и волнения оставили свой след.

– Да, я представляю, о ком вы говорите. Он был здесь в прошлую субботу со своим другом и Бэзиллом, доктором и мистером Ситвеллом. Проблема в том, что в известный вечер я едва сунула нос в бар. Нет, не могу вам сказать.

Хёрст спросил её, помнит ли она вечера, когда исчезли первые две девушки.

– Да, немного, потому что мы говорили об этом потом. Но это было так давно. О маленькой Констанс я действительно не могу вам много рассказать, потому что тем вечером мне было нехорошо и я не входила в бар. Но могу

рассказать вам о другой, Элизе Голд. Она была первой из трёх. В те дни по субботам здесь всегда было много людей. Дела шли лучше, чем теперь, и у нас часто бывали клиенты, которые останавливались на ночь. Это означало много дополнительной работы, да ещё надо было позаботиться о лошадях. Теперь я задаюсь вопросом...

Она смотрела на детективов невидящим взглядом.

– Что такое, мадам?

– Этот Найджел Мэнсон. Интересно, не был ли он здесь той ночью. Во всяком случае, был кто-то на него похожий.

– У нас есть все основания полагать, что он был здесь, потому что другой свидетель также узнал его.

– Ну, тогда это, должно быть, был он. Он был с другом, мне кажется. По виду только что достигли совершеннолетия. Помню, что девушки поссорились на кухне. Элиза шлёпнула Энни. Когда я спросила её, за что, она сказала: «В её возрасте рано бегать за мальчиками». Элиза была на два три года старше Энни. Когда она сказала «мальчиками», я знала, о ком она говорила. Я заметила, что они много смеялись, но невозможно следить за всем, знаете ли, и это нормально, когда молодёжь весело проводит время. И гостиница – это гостиница: буфетчицы должны быть весёлыми. Но ответ Элизы заставил меня задуматься, потому что мне показалось, что именно она флиртвала с молодыми людьми, так что с тех пор я наблюдала за нею более тщательно. Наверное, именно поэтому я запомнила его лицо. Но странно: только когда вы заговорили о нём, всё вернулось. – Её глаза широко открылись, и она тихо добавила: – Значит, вы считаете, это Найджел Мэнсон, кто...

– ...обольстил их и убил, – закончил Хёрст. – Да, есть все основания верить в это. Но очевидно, кто-то решил взять дело в свои руки, потому что мы не думаем, что он упал случайно. И мы пытаемся узнать, у кого мог быть достаточно сильный мотив, чтобы убить его.

ТУМАН НА ТОРФЯНИКАХ

Приблизительно в то же самое время Виктор Ситвелл надевал халат. Покрытый туманом пейзаж, который он мог видеть из своего окна, ничуть не улучшил его настроение. Заманчивый аромат завтрака доносился в прихожую, которую ему пришлось пересечь, чтобы достигнуть кухни. Уголком глаз он заметил, что под парадную дверь просунуто письмо. Учитель протёр глаза и посмотрел на часы – они подтвердили, что письмо не оставлено почтальоном.

Он поднял его. Его имя было написано на конверте большими буквами, но клапан не заклеен. Он извлёк одинарный лист бумаги и пробежал глазами строки.

Вскоре после этого он сел завтракать.

– Ты не очень спешил. Я слышала, как ты вышел из комнаты и вошёл в прихожую... Что задержало тебя так долго?

– Ничего. Мелочь, с которой я должен был разобраться до начала уроков, – только что вспомнил.

Флоренс Ситвелл налила ему чай.

– Всё-таки ты какой-то задумчивый. Это не из-за того, что ты рассказал мне вчера? Из-за Бэзила?

– Нет, но верно, что его поведение озадачило меня. Он исчез так внезапно, и никто не заметил. И ничего не сказал. Это на него вообще не похоже.

– Возможно, он обиделся, когда кто-то намекнул на его любовь к бутылке?

– Такого не помню, и до этого он никогда не обижался. Нет, должно быть, что-то ещё.

– Ты говорил, что у полицейского и его друга появилась новая теория обо всём.

– Да, и, как я сказал, это больше, чем теория.

– Могло это расстроить Бэзила?

– Нет, его не было с нами, когда это обсуждалось.

Лицо Флоренс внезапно стало озабоченным, и она спросила:

– Что ты думаешь, дорогой?

– Об актёре, который убил этих трёх девушек?

– Нет, о том, кто убил его. Кто это, как ты думаешь?

– Ты хочешь от меня слишком многого.

Поздним утром, выглядывая из окна, где погиб Найджел Мэнсон, Натали Марвел смотрела, как инспектор Хёрст и доктор Твист идут по центральной аллее и исчезают через стальные ворота. Они только что провели полчаса в доме, объясняя новое направление расследования и задавая много связанных с этим вопросов. Актриса повернулась лицом к комнате. Хелен Мэнсон, сидящая на одном из кресел, выглядела бледной, но относительно спокойной, учитывая допрос детективов. Привыкла к тому, что стала вдовой? «Что значит для неё смерть мужа?» – спрашивала себя Натали. Фрэнк Холлоуэй, сидящий неподалёку от неё, нервно улыбался.

Актриса отправилась в свою комнату, легла на кровать и пять минут спустя увидела, как дверь открылась и вошёл импресарио.

– Мог бы и постучать, прежде чем входить, – механически произнесла она.

Он подошёл и сел на кровать рядом с ней. К ещё большему её раздражению он зажёл сигару, выдохнул дым в её направлении и заметил:

– Мысль о том, что Найджел пользовался и злоупотреблял своими талантами соблазнителя вполне разумна, ты

согласна, дорогая? Но утверждать, что в юности он был ещё и садистом, который убивал жертвы своего очарования... этого я не могу переварить.

Натали отодвинулась от него, сев с противоположной стороны кровати, и ответила, одновременно убирая упавший на лицо непослушный локон:

– Ты не в очень хорошем положении, чтобы судить других людей, насколько я знаю.

– Ты права, конечно, дорогая, но вопрос не в этом. А в садистском аспекте, о котором мы говорим. Вопросы, которые инспектор задал тебе и Хелен, были достаточно прямыми, но вам обеим в ближайшее время следует ожидать индивидуальных допросов. И, например, такого вопроса: действительно ли он был жестоким в моменты близости?

– Заткнись! Довольно!

– Уклонение от проблемы не решит её.

– Но почему ты думаешь, что они зададут подобные вопросы, раз они уже так убеждены?

– Я знаю кое-кого, – сказал Фрэнк, вставая, – кто не может дожидаться, когда вернётся в Лондон.

Натали нетерпеливо взмахнула рукой:

– Чем скорее мы уедем, тем лучше. С меня достаточно этого дома, этой дыры и, больше всего, этой идиотки. Хотя она начинает потихоньку вылезать из раковины.

– А у меня такое чувство, что много воды утечёт, прежде чем ты будешь снова играть в «Человеке-невидимке».

– К чёрту! Ничто не заставит меня снова там играть.

Холлоуэй встал, чтобы выйти, но прежде, чем закрыть дверь, он с заговорщической улыбкой повернулся к своей протеже:

– Как только мы вернёмся, я начну работать над новым шоу. Что-то такое, что попадёт в заголовки всех газет. Увидишь, Нат, перед нами всё ещё дальняя дорога, по которой мы можем идти вместе.

Оказавшись вновь в гостиной, Фрэнк Холлоуэй перешёл к окну и глубокомысленно всмотрелся в небо, прежде чем сесть на диван напротив Хелен Мэнсон.

– Туман поднимается, – сказал он, крутя один из своих перстней. – Солнце скоро скроется.

Хелен Мэнсон взглянула на него с подобием улыбки – вероятно, первой со смерти мужа:

– Мистер Холлоуэй, я восхищаюсь вами!

Импресарио выглядел поражённым:

– Вы удивляете меня, мадам. Я думал...

– Буду честна с вами. Признаюсь, мне не очень нравятся... как бы это выразиться... мужчины вашего типа. Но я оказалась совершенно неправа относительно вас лично.

Фрэнк Холлоуэй улыбнулся:

– Это имеет значение, Хелен? В любом случае, я не обижаюсь.

Лицо Хелен чуть порозовело:

– Начиная со смерти Найджела вы делите своё время поровну между мисс Марвел и мной. И всегда с большой осторожностью и тактом, успокаивая расшатанные нервы и сглаживая грубости, что не всегда легко. Сказать вам правду, я этого не ожидала. Вы очень помогли мне в этот трудный период.

– Предположим, я скажу, что действовал в личных интересах?

– Я вам не поверю.

Импресарио улыбнулся ещё раз:

– Очень хорошо, давайте просто скажем, что вы во мне ошибались.

Хелен Мэнсон улыбнулась в ответ, намного шире, чем прежде.

– О Боже, – вздохнула она. – Я чувствую, что силы ко мне возвращаются, несмотря на то, что мы узнали, – каза-

лось бы, это должно было дать противоположный эффект. Вы подумали бы на него? Это едва ли правдоподобно. Значит, у него было несколько интрижек в этих местах – меньше, чем я подозревала. Но означает ли это, что он столкнул три невинных существа в пропасть?

– Я думаю, вы в лучшем положении, чем я, чтобы ответить на этот вопрос, Хелен. Но, раз вы спрашиваете, я никогда не видел в нём ни малейшего намёка на садизм.

– Я тоже. Но действительно ли я в лучшем положении, чтобы судить? У нас была семейная жизнь, достойная этого названия, в течение первых нескольких недель, но затем он совершенно изменился.

– Зачем поднимать воспоминания, которые могут причинить только боль, Хелен? Вы теперь должны смотреть в будущее.

Хелен, казалось, не слышала последних слов. Взяв со стола серебряную зажигалку, она щёлкнула ею несколько раз, прежде чем добиться пламени. Уставившись в него, она подавленно произнесла:

– Даже если всё это правда, я всё ещё хочу знать, как его скинули из окна... и кто.

Солнце садилось. Виктор Ситвелл закрыл люк на чердак. Покрытый пылью, он поздравил себя с тем, что надел для поисков старую рубашку. Поиски окончились успешно, но не без труда: ему пришлось перерыть все углы чердака перед тем, как в груди старых газет найти фотографию деревенского праздника. Как она туда попала?

Переодевшись, он тщательно изучил фото. «О Боже, – сказал он себе, – как люди могут измениться за десять лет!» Флоренс уже тогда была очень красивой женщиной, а он сам казался намного более подвижным. Доктор Грант, стоящий недалеко от Элизы Голд, ещё не приобрёл печальной и разочарованной улыбки, которую теперь постоянно де-

монстрировал. Он смотрел на маленькую Констанс Китс, которая действительно была восхитительна. Джордж и его жена стояли за Энни Крук, всё ещё застенчивым подростком. Было едва возможно узнать Дэвида Линдера, облокотившегося на палатку с развлечениями. Что касается Бэзила, он щеголял в заимствованном костюме, который не совсем на нём сходил.

Чем больше он смотрел на фотогафию, тем сильнее было чувство, что глаза его обманывают. Что-то на ней было, и он инстинктивно это чувствовал, но не мог понять, что именно. Противоречие настолько потрясающее, что его мозг отказывался допустить его. Да, было определённое противоречие между фотогафией и реальным миром, но в чём оно заключалось?

Внезапно он услышал скрип открывающейся парадной двери и быстро перешёл в заднюю часть прихожей, чтобы открыть один из шкафов. Из внутреннего кармана спортивной куртки, висящей там, он достал письмо, полученное тем утром. Быстро засунув фотогафию в конверт, он вернул его в карман и закрыл шкаф. Когда вошла Флоренс, он уже вернулся в гостиную и казался поглощённым газетной статьёй.

– Святые небеса! Почти шесть часов, – заметила она, глядя на часы. – Просто поразительно, как иногда летит время. Но я не удивлена. Это всегда так, когда я иду навестить жену священника. Они говорят, что чай...

– Развязывает языки. Знаю. Особенно злые языки.

– Сам ты злой язык! Ну, Бэзил вернулся? Он сказал мне, что сегодня подстрижёт изгороди вокруг парадной двери, но они не изменились.

– Бэзил? – повторил учитель, словно пробуждаясь от дремоты. – Нет, я его не видел, и мне даже не пришло в голову поинтересоваться. Что, чёрт возьми, он может делать?

– Разве тебе это не кажется странным?

– Да, это первый раз, когда он нас подвёл.

В эту же минуту доктор Томас Грант осматривал Дэвида Линдера, который жаловался на серьёзную боль в запястье.

– Ничего серьёзного, – сказал старый доктор, закончив осмотр. – Только растяжение связок, которое должно быстро зажить. Я наложу тугую повязку, но вы должны обещать мне некоторое время не пользоваться рукой. Между прочим, как вас угораздило?

– Споткнулся о камень. Неловко упал.

Глаза доктора Гранта расширились:

– Вы уверены, что вас никто не толкнул в спину?

– Нет, я сказал бы вам, доктор. – После краткой паузы он добавил: – Кстати об этом, вы знаете о последних полицейских теориях?

– Более или менее, но я не посвящён в их тайны.

– Вчера вечером они говорили со мной или, скорее, допрашивали меня.

Пока доктор перевязывал запястье, Дэвид Линдер общился о своей беседе предыдущим вечером. Томас Грант молчал, пока не закончил работу, а затем спросил:

– По-вашему, что полиция думает сейчас?

– Я действительно не знаю, но они, казалось, заинтересовались тем, что я им сказал.

– Понятно. – Доктор старался говорить тихо. Теперь же он на мгновение сделал паузу, прежде чем продолжить: – Знаете, что говорят в деревне сегодня, Дэвид? Миссис Кроуфорд видела фигуру в красном, блуждающую по улицам посреди ночи.

Мускул дёрнулся на лице молодого пастуха, и он проворчал невыразительным тоном:

– Да, я слышал. Всё равно, вы же не думаете...

Доктор, который продолжал стоять, несколько раз кивнул, словно взвешивая слова, прежде чем заговорить. Настольная лампа, которую он включил, чтобы осмотреть

пациента, освещала теперь только часть его лица в вечерних сумерках, но было хорошо видно, что он устал и опустошён.

– Возможно, полиция не настолько неправа, когда считает, что убийцей мог быть кто-то из деревни. Мы сами верили этому в своё время. Но они неправы относительно одного: существо, на которое они охотятся, не может быть того вида, к которому они привыкли.

Старик приблизился к Дэвиду Линдеру и уставился на него невидящими глазами:

– Понимаете, в те времена, когда погибли молодые девушки, я ощущал злую силу, скрывающуюся в стенах Стейплфорда. Я почти чувствовал её физически, Дэвид... Словно готовящийся разразиться шторм. И в течение нескольких последних дней у меня было то же самое чувство. Хитрость, извращённое коварство, присутствие дьявола. Да, дьявола. Вы это ощущаете? Красная тень, бродящая по нашим улицам ночью... разве вы не понимаете, что это – то же самое сатанинское существо, вернувшееся к нам?

Часы в кабинете Уэстона пробили половину шестого.

– Сегодня пятница, – сказал начальник полиции Тависток, – а вы прибыли в середине дня в среду. Для чуть более двух с половиной дней я сказал бы, что мы двигаемся не так уж плохо. У нас, возможно, нет убийцы, но, по крайней мере, имеется мотив. Даже в этом случае должен признать, что удивлён. Найджел Мэнсон – маньяк-убийца? Какая удивительная история! Можете вообразить, какую сенсацию сделает из этого пресса?

– Постарайтесь пока не сообщать им ничего, – твёрдо попросил доктор Твист. – Это только гипотеза.

– Гипотеза? – повторил Хёрст, очевидно ошеломлённый. – Не понимаю. Мы чётко установили мотив убийства Мэнсона.

– Это – лучшее объяснение из тех, что были у нас до сих пор, но это всё ещё лишь гипотеза. Мало того, что мы не знаем имени убийцы, мы не понимаем, как он всё проделал!

Удивление Хёрста сменилось беспокойством:

– Что происходит, Твист? Вы внезапно впадаете в пессимизм. Мы здесь обсуждали всё в течение двух часов, и вы, казалось, соглашались.

– Я не возражал. Это не одно и то же, Арчибальд.

– Но что вы имеете против?

– Как я уже сказал вам, мы всё ещё не знаем трёх четвертей решения. Есть несколько вещей, которые вообще не согласуются с этой теорией. Если Найджел Мэнсон действительно убил тех трёх девушек, почему он вернулся на место преступления и даже купил поместье? Чем больше я думаю об этом, тем меньше могу объяснить такое абсурдное поведение со стороны убийцы, если только он не совершенно безумен. Это всё равно, что надеть верёвку на собственную шею и испытывать судьбу. Русская рулетка менее опасна: по крайней мере, там у вас есть один шанс из шести.

Хёрст молчал.

– Думаю, нам пора отправляться, – продолжал детектив. – Ночью туман ещё больше густеет.

– Лучше не задерживайтесь, – согласился Уэстон. – Через несколько часов вы не увидите собственной руки перед лицом.

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА

Предсказание суперинтенданта оказалось точным, но, наконец, уставший и вспотевший Хёрст доставил пассажиров «талбота» в целости и сохранности. Если для него поездка практически вслепую стала тяжёлым испытанием, она оказалась вдвойне тяжёлой для Твиста, вынужденного страдать, наблюдая за муками друга. С глазами, готовыми, казалось, выскочить из орбит, руками, вцепившимися в руль, инспектор извергал бесконечный поток жалоб. К счастью, Джордж Кроуфорд сохранил для них обед тёплым. Как только они наелись и самообладание вернулось, друзья направились в бар выпить виски, но, не найдя там никого знакомого, вернулись в комнату доктора Твиста, чтобы поговорить о деле.

Арчибальд Хёрст занял единственный стул, а Алан Твист стал шагать взад и вперёд по протёртому ковру, явно выдавшему лучшие дни. Криминолог ходил между окном и дверью, настолько погружённый в раздумья, что забыл закурить, несмотря на то, что в левой руке сжимал пустую трубку, правой же он периодически подбрасывал и ловил ёршик для чистки трубки.

Через некоторое время Хёрсту это стало действовать на нервы:

– Ради Бога, Твист, прекратите ходить кругами. У меня голова кружится.

– Я не хожу кругами.

– Пожалуйста, не придирайтесь к словам.

– Я думаю.

– О чём – вот что мне хотелось бы знать. Уже несколько часов, как вы «думаете», но за всё время практически ничего не сказали. Даже не понимаю, зачем вы пригласили меня, чтобы якобы обсудить дело.

– Арчибальд, вы прекрасно знаете, что в решающие моменты расследования само ваше присутствие стимулирует мой мыслительный процесс. Полагаю, что сейчас как раз такой момент.

– Что ж, наверное, это правда, – нехотя согласился полицейский, втайне польщённый. – А теперь, если бы вы соизволили поделиться даже самыми малыми плодами ваших размышлений, меня бы это не обидело.

Твист продолжал шагать с регулярностью часового механизма, всё ещё подбрасывая ёршик в воздух.

– Что вы хотите, чтобы я сказал, Арчибальд, когда нечего говорить? Хотя подождите: мы могли бы проанализировать наш полный провал, неспособность соединить даже две части этой проклятой загадки. Несколько раз мы думали, что после удачного рассуждения видим луч света во тьме, чтобы через некоторое время обнаружить, что вновь заблудились и вернулись в исходную точку. Я ломал голову, чтобы найти хоть один аргумент в пользу того, что Найджел Мэнсон вернулся сюда жить. Знаю старую поговорку, что преступник всегда возвращается на место преступления, – что, между прочим, очень далеко от истины. И даже при том, что этот факт ломает нашу последнюю теорию, это – всего лишь малая деталь среди многих в этом таинственном деле. – Твист тяжело вздохнул.

– Другими словами, мало того, что вы не нашли решения, у вас нет даже намёка на то, как были совершены эти убийства, и ещё меньше на то, как убийца остался невидимым.

Твист снова вздохнул:

– Ну, есть одно достаточно разумное предположение, если рассматривать один или два случая, но они настолько неле-

пые, что мне даже не хочется о них говорить. Нет, Арчи-бальд, это не невероятное объяснение того, как убийца становился прозрачным, – просто, один из свидетелей лгал, и это значительно всё упрощает. Однако у этого человека не было абсолютно никакой причины для этого. Ладно, забудьте, я ничего не говорил.

Повисла тишина, подчёркиваемая непрерывными шагами Твиста, но, наконец, её нарушил Хёрст, приняв заговорческий вид:

– Знаете, я тут подумал кое о чём этим утром, когда мы были в поместье. Не могу утверждать, что это рациональное объяснение, но всё по делу. В конце концов, если местные здесь настолько подозрительны, на это, вероятно, имеется причина. Мысль о волшебном кольце, которое делает хозяина невидимым, гудела в моей голове, когда мы беседовали с Фрэнком Холлоуэем. Вы заметили эти два перстня, которые он носит?

Снаружи туман стал максимально плотным. От ручья шёл белый пар, который растекался по прилегающим дорожкам и вытекал на главную улицу. На первом перекрёстке, скрытый в темноте подъезда, находился в засаде Бэзил. Хотя он промёрз до мозга костей, но не собирался терять бдительность. Он был уверен, что этой ночью сыграет важную роль. Уши ловили каждый звук, а глаза смотрели на дорогу напротив гостиницы, ведущую к «Скале желаний». «Красный лев» закрыл двери полчаса назад, но, к счастью, свет из комнаты доктора Твиста, хотя он освещал только начало тропы, был достаточным, чтобы обнаружить малейшую тень, которая вступала бы на тропу. Конечно, имелся и другой путь на вершину скалы, но он шёл вдоль берега ручья, а идти по нему в таком тумане – чистое безумие. Один ложный шаг привёл бы к неизбежному падению, и почти наверняка сорвавшийся утонул бы.

Внезапный шум заставил его насторожиться.

Звук шагов, никаких сомнений, причём с того направления, откуда он ожидал. Туман поглощал бóльшую часть шума, но слух Бэзила исключительно обострился в результате длительного ожидания почти в гробовой тишине.

Шаги были совершенно нормальными – не слишком быстрыми, не слишком медленными, но периодическое изменение ритма говорило об осторожности. В любом случае Бэзил был уверен, что они приближаются, и он ждал, что тень появится из тумана в любой момент.

Сначала было лишь слабое изменение оттенка в белом прямоугольнике тумана, образованном рассеянным светом из окна, но затем стало появляться что-то красное.

Как он и думал, это была та же самая «красная тень», которую он спугнул предыдущей ночью.

Фигура достигла перекрёстка и собиралась двинуться по тропе, когда внезапно повернулась и посмотрела на окно доктора Твиста. В дополнение к острому слуху Бэзил был наделён исключительным зрением, обострённым долгим ожиданием. Поэтому он смог увидеть то, на что падал свет из окна...

«Это невозможно, – подумал он, ошеломлённо прислонясь спиной к стене. – Это лицо... невозможно... и всё же вчера вечером я не ошибся!»

– Говорите, перстни, Арчибальд? – насмешливо воскликнул Твист. – Которые одновременно являются волшебными кольцами? Вы это серьёзно? Если это так, он должен постоянно оставаться невидимым.

Хёрст раздражённо пожал плечами.

– Чего вы хотите? Со всей этой мешаниной фактов и легенд любое решение возможно.

– Простите меня, мой друг. Будьте уверены, вы не единственный, кто обескуражен. – Твист вновь принялся ша-

гать. – Но должно же быть решение, чёрт побери! И что хуже всего, я уверен, что все факты у нас уже есть. Как я сказал вам, определённые аспекты дела мне понятны, но я не могу увидеть картину целиком. Словно я нашёл несколько частей загадки, но смог соединить только пару из них. Может быть, они – части двух различных загадок? Не хватает главного ключа, который внезапно зажжёт ослепительный свет в этом тёмном деле. Нам нужна искра, замечательная искра, которую обычно зажигаете вы.

– Правильно, валите на меня ваши умственные провалы. И, раз и навсегда, прекратите подбрасывать эту проклятую штуку!

С этими словами раздражённый инспектор резко шагнул в сторону взлетевшего ёршика, но его нога зацепилась за ковёр, и полицейский растянулся на полу.

Твист, весь на нервах от тщетности своих раздумий, чуть было не рассмеялся, но внезапно выражение его лица изменилось. Он подал руку Хёрсту, изрыгающему проклятья. В течение следующих нескольких минут Хёрст пытался что-то сказать, но каждый раз повелительный жест друга заставлял его замолчать.

Всё это время доктор Твист продолжал нервно шагать, почти закрыв глаза, при этом губы его подрагивали, когда он что-то бормотал почти про себя:

– ...А это заставляет меня пересмотреть возможность невероятного... Да, должно быть, произошло именно это... Должно быть и объяснение летающей лошади... Нет, нет, Арчибальд, молчите, вы прервёте нить моих мыслей. Нить Ариадны, которая приведёт меня к истине. Да! Вот именно. Это совпало с отъездом цыган...

Внезапно он остановился и воскликнул:

– Эврика! Нашёл! Это объясняет всё. Арчибальд, благодаря вам я собрал основные части этой невероятной головоломки.

Хёрст ждал с сомнением и надеждой.

– Включая убийство Найджела Мэнсона?

– Конечно. И самое грустное здесь – глубина нашей слепоты! Мы были глупы, вы даже не можете вообразить, до какой степени, не поняв сразу, как это было сделано. Невероятно простой трюк, на который требуется четверть секунды... – да, четверть секунды, слышите? – чтобы отправить актёра в пустоту. Во всей своей карьере я никогда не сталкивался с такой таинственной загадкой и невероятно простым решением. Быть сбитым с толку подобными детскими игрушками достаточно, чтобы я покраснел от позора.

Он продолжал в той же манере несколько минут, ударяя по ладони кулаком и даже наградив тумачком дверцу платяного шкафа – поведение, следует подчеркнуть, ему не свойственное. Удар по платянному шкафу был довольно слабым, но всё-таки в тот же момент, одно из оконных стёкол разлетелось вдребезги.

Поражённые Хёрст и доктор Твист с открытым от удивления ртом смотрели на осколки на полу.

– И вы утверждаете, что это я всегда выхожу из себя! – проворчал Хёрст.

– Арчибальд, я не мог этого сделать, ударив по дверце платяного шкафа. Это невозможно!

С этими словами он выглянул из окна, но смог увидеть лишь непроницаемую белую стену тумана.

– Если вы считаете, что это хулиганы бросили вам камень в окно, то сначала найдите этот камень, – заметил Хёрст, глядя на голую половицу под окном, где было только битое стекло.

Твист устало сел на кровать. Он прокручивал в голове возможные объяснения инцидента, начиная от резкого изменения температуры и до дефекта в стекле. Лишь десять минут спустя он вскочил и на четвереньках полез под кровать, откуда вернулся торжествующий, демонстрируя круглый объект.

– Вот этот камень! Просто закатился под кровать.

– Он завёрнут в газетную страницу, – заметил полицейский. – Возможно, там есть сообщение.

Не тратя времени впустую, Твист развернул газету и расстелил её на полу. Затем перевернул.

Сначала Хёрст увидел лишь стандартный печатный текст, подобный тому, который был на обороте. Выпало несколько опилок, и он собирался обратить на них внимание Твиста, когда последний указал на середину страницы.

– Там что-то есть. Трудно разобрать, потому что начертано карандашом по печатному тексту, но там явно какое-то сообщение, написанное в спешке.

Хёрст наклонился, чтобы разобрать:

Идите быстро на «Скалу желаний», произойдёт другая трагедия. Боюсь, дьявол тоже будет там. Быстрее!

– Нельзя терять ни секунды! – воскликнул Твист. – Давайте пальто и идём!

– Вы хотите подняться туда сейчас – в такую погоду? – с сомнением спросил полицейский.

– Существует опасность, Арчибальд, и я обвиняю себя, что в этом деле может появиться ещё одна жертва просто потому, что мы не решили загадку достаточно быстро.

Пять минут спустя два детектива были на тропе к «Скале желаний». Хёрст пытался освещать путь, но лучи его фонарика поглощал туман.

– Настоящий гороховый суп, – бормотал Хёрст. – Не видно дальше пары ярдов.

Не зная, как следует, дороги, они несколько раз чуть не сбились с пути, но их выручали папоротники, вереск и небольшие кусты, росшие вдоль тропы. Наклон стал круче. Когда они были где-то на середине пути, тишину расколол вопль.

Короткий крик на некотором расстоянии, но, очевидно, крик ужаса.

Детективы замерли на месте и посмотрели друг на друга.

– Что это, как вы думаете? – спросил полицейский почти беззвучно.

– Мы должны опасаться худшего. Идёмте, Арчибальд, нельзя терять ни секунды!

Они устремились вперёд с максимально возможной скоростью, но вновь сбились с пути, свернув на тропу, которая привела их к основанию скалы. Только они вернулись на дорогу, как услышали быстрые шаги.

– Кто-то торопится спуститься, – проворчал Хёрст, всматриваясь в туман. – Но кто? Ничего не вижу. Если бы только мы не свернули на неправильную тропу. Что скажете, Твист? Идём за ним?

– При той форе, что у него есть, бессмысленно. Прислушайтесь: мы уже почти его не слышим. Слишком поздно. Давайте продолжим подъём и постараемся больше не сбиваться с дороги.

Вскоре они смогли разглядеть плоскую вершину «Скалы желаний». Даже при том, что туман был всё ещё густым, в нём возникали случайные промежутки, в которых тут и там видны были скалы. Именно через один из этих промежутков они смогли увидеть довольно большой отрезок пути прямо впереди, где начиналось плато.

Внезапно Арчибальд указал куда-то вперёд и воскликнул:

– Там, смотрите! Мне кажется, я кого-то вижу!

– Вы правы. Выглядит, как будто это женщина.

Действительно, по плато бродил женский силуэт. Сначала казалось, что женщина собирается пойти по тропе вниз, но затем она, похоже, передумала. Её поведение было странным, она двигалась взад и вперёд и непрерывно с кем-то говорила.

– Твист, – прошептал полицейский, – пожалуйста, скажите мне, что я сплю. Разве это не Натали Марвел?

– Кажется, она.

– И она с кем-то разговаривает. С кем-то, кого мы не видим!

Нервы инспектора Скотланд-Ярда натянулись до предела. Запыхавшийся, но не потерявший хладнокровия Твист схватил друга за руку:

– Мы должны подойти поближе. Выключите фонарик!

Очень осторожно они прошли последние насколько ярдов. С каждым шагом беседа слышалась более чётко. Скоро они могли разобрать голос Натали Марвел, силуэт которой смутно виднелся на краю плато. Счастливый и весёлый вначале голос, но в котором постепенно проявилось раздражение.

– Да, да, – говорила она, – но теперь позвольте мне уйти. Мы оба свалимся с гриппом, если немедленно не уйдём. Я подумаю над вашими словами позже. Но, откровенно говоря, вы могли бы выбрать место получше, чтобы излить душу!

К настоящему времени Твист и Хёрст оказались достаточно близко, чтобы видеть всё совершенно чётко. Скрытые за камнями, они с тревогой смотрели, как актриса опасно приблизилась к краю скалы. На фоне колышущегося тумана они видели её силуэт между скальными выступами. Но рядом с ней никого не было...

– Вам не кажется, что пора вмешаться? – прошептал полицейский своему другу.

– Давайте ещё немного подождём.

Внезапно актриса покачнулась, и в голосе её прорезались резкие нотки.

– Достаточно, мистер Ситвелл! Не трогайте меня! Если бы ваша жена узнала... Что вы делаете? Отпустите меня. Вы – безумец... Нет! А-а-а-а!

Детективы выпрыгнули из своего укрытия, но слишком поздно. Актриса исчезла в пустоте.

Ошеломлённые и опустошённые, мужчины уставились на место, где только что исчезла Натали Марвел. В нескольких ярдах перед ними, край плато терялся в гуще колышущейся массы тумана.

– Это невозможно! Я не понимаю! – задыхался Твист. – И всё же теперь мы видели его своими глазами!

– Кого?

– Невидимку, конечно. Мы видели невидимку своими глазами.

– Сейчас не время для сарказма, Твист. Если бы вы послушали меня, то мы, возможно, предотвратили бы это новое преступление. Когда я думаю о вашей блестящей и уверенной лекции, прочитанной так недавно... Теперь мы должны считаться с фактами. Что теперь думаете вы о времени, потраченном впустую на эти разглагольствования?

– Не нужно столько едкости, Арчибальд. Возможно, потом вы о ней пожалеете.

Инспектор пожал плечами:

– Меня бы это удивило, – пробормотал он. Затем после недолгого молчания он произнёс более спокойным тоном, почти исполненным сожаления: – Теперь мы знаем истинную личность монстра. Должен признаться, что Виктор Ситвелл не был в верхней части моего списка подозреваемых. А вашего?

Детектив не ответил.

– Давайте пойдём. Мы не можем оставаться здесь. И не будем забывать, что он должен быть где-то недалеко, если не совсем рядом с нами, подслушивая и подсматривая.

Любопытно, что Твист не последовал за другом. Вместо того, чтобы идти назад, он сделал ещё три шага вперёд и остановился на краю плато. Он всматривался вниз в глубину и внезапно замер, вытянув шею, и его пристальный взгляд остановился в одном месте.

– Смотрите, Арчибальд! – воскликнул он. – Мы не непосредственно над ручьём, но немного к югу от него. Спуск здесь не отвесный, поэтому может оставаться шанс... Дайте мне ваш фонарик.

Свет от фонарика пробежал по неровной поверхности южной стороны гигантской скалы. Наклон не был особенно крут, и в некоторых местах он даже сходил на нет, образуя большие ступени, как у пирамиды. Именно на одном из таких формирований приблизительно в пятнадцати ярдах ниже луч света остановился на скрюченной человеческой фигуре.

– Это она! – закричал Твист.

– Да, и может ещё есть шанс!

Мужчины быстро, как могли, спустились по склону и меньше, чем через минуту, оказались рядом с телом Натали Марвел.

Пока Твист проверял её пульс, Хёрст рассматривал окровавленные руки, которые так отчаянно пытались дотянуться до чего-нибудь, стараясь остановить падение. Её лицо осталось почти невредимым, лишь царапины на левой щеке и ещё одна на лбу.

– Она вне опасности, – объявил Твист.

– Слава Богу!

– Некоторое повреждение лодыжки и, возможно, несколько незначительных переломов, вот и всё, что я могу ска-

зять. Но она в относительно хорошем состоянии после такого падения!

– Это ещё слабо сказано. Ей исключительно повезло упасть на южную сторону. Туман помог ей, потому что сбил с толку убийцу и он не завершил начатого.

Твист посмотрел на друга, который пожирал глазами красивое, но израненное лицо актрисы, её шелковистые светлые локоны выбивались из-под красного плаща.

– Это было бы досадно, не так ли? – заметил он.

Внезапно раненная женщина застонала, её длинные ресницы затрепетали, и она широко открыла глаза.

– Где я? Что произошло? О, Боже... моя нога!

– Не волнуйтесь, мисс Марвел, – ласково успокоил её Хёрст. – Мы здесь. Вы в безопасности.

– По крайней мере, пока, – резко вмешался Твист. – Поскольку ни эта гротескная небольшая комедия, ни ваши трепещущие ресницы не спасут вас от виселицы, Энни Крук. Нет, Арчибальд, восхитительные черты, которые вы видите перед собой, принадлежат не ангелу, а демону. Это и есть монстр, на совести которого смерть Элизы Голд, Констанс Китс, Найджела Мэнсона и, вероятно, Виктора Ситвелла.

ИСКУССТВО ДЕДУКЦИИ

– ...вы говорите, тщательный анализ фактов неизбежно должен привести к истине? Нет, Твист, это слишком просто теперь, когда она призналась. – Хёрст пригубил бокал бренди, прежде чем продолжить с хитрой улыбкой: – Но я не хотел бы лишать вас одного из тех блестящих ретроспективных анализов, которыми вы справедливо славитесь.

Прошла неделя со смерти Найджела Мэнсона, и именно на месте этого преступления доктор Твист готовился раскрыть тайну хозяйке, Хелен Мэнсон, также как Фрэнку Холлоуэю и доктору Гранту, который был приглашён специально для этого. Бэзил Хокинс тоже был там, хотя он и знал уже главные элементы случившейся драмы. Что касается Виктора Ситвелла, он находился в больнице Тавистока с утра субботы после событий пятничной ночи. Учитель был ранен, но не серьёзно, и даже поговаривали, что он вернётся домой завтра.

Дождливый день конца августа перешёл в вечер. Атмосфера в гостиной была слишком знакома Хёрсту: лихорадочное предвкушение собрания, где аудитория будет ловить каждое слово Твиста.

Криминолог не спешил ответить на колкие замечания друга:

– Вы прекрасно знаете, Арчибальд, что вся истина открылась мне только в пятницу вечером – причём именно благодаря вам, могу добавить.

– Как это могло быть благодаря мне, если вы не потрудились даже намекнуть мне на объяснение?

– Очень хорошо, мы предоставим аудитории быть единственным судьёй моих объяснений. Когда я сказал «вся истина», я немного преувеличил, потому что точные обстоятельства, которые заставили Энни Крук (она же Натали Марвел) встать на скользкую дорожку, стали известны только после её признания. Она сломалась после того, как узнала, что никогда не сможет владеть правой ногой, что, очевидно, положит конец её карьере как актрисе.

– Удивительная реакция, – заметил Хёрст, – со стороны человека, который хорошо понимает, как она, вероятно, закончит свои дни.

– Думаю, это прекрасно соответствует её психологическому портрету. Но давайте вернёмся ко «всей истине». Я расскажу об основных элементах трагедии, которые после тщательного изучения фактов (с толикой здравого смысла) становятся очевидными. Озарение появились, как только я уверился, что Натали Марвел ответственна за убийство Найджела Мэнсона. Убийство ошеломляющей простоты, несмотря на кажущуюся невозможность, которая заставила его казаться почти сверхъестественным. Объяснение пришло ко мне в результате импульсивного жеста моего друга, но об этом позже. У меня уже была причина подозревать Натали Мэнсон в убийстве из-за того, что она солгала дважды.

Для непрофессионала первая ложь не будет доказательством, потому что она опирается на небольшой нюанс в её поведении. Но эксперту он говорит красноречивее всяких слов.

Мы спрашивали мисс Марвел о том, что она видела или могла видеть за секунды перед падением Найджела Мэнсона. Не забывайте, она смотрела на него через видоискатель фотоаппарата. Не видела ли она чего-нибудь странного на крыше или в соседнем окне? Она тщательно подумала, прежде чем сказать нам, что ничего не видела. По-

нимаете, ей пришлось *подумать*! Словно она пыталась собраться с мыслями и восстановить сцену. Но она же фотографировала Найджела Мэнсона, а у видеоискателя узкое поле обзора – первый снимок, который она сделала, это подтверждает. Виден только актёр и оконная рама. Следовательно, она просто не могла видеть всю сцену и, таким образом, ей не было никакой необходимости делать паузу перед ответом. Она буквально могла видеть только актёра, сидящего в окне.

Будучи превосходной актрисой, она играла роль невинного фотографа, сконцентрированного на снимаемом объекте. Именно такое впечатление она хотела создать. А поскольку мы знаем от свидетелей, что она действительно фотографировала Найджела Мэнсона в течение нескольких секунд, предшествующих его падению, следует спросить себя о её странном поведении: желании создать впечатление, что она фотографировала актёра, когда она фактически это и делала. Если только её голова не была занята чем-то другим? Или же в течение нескольких секунд она делала нечто другое?

Её вторая ложь была более очевидной, хотя позже она блестяще вышла из положения. Когда она говорила о вашем возвращении из гостиницы в тот субботний вечер с Найджелом, мистер Холлоуэй, она сказала, что он вошёл в её комнату потому, что ошибся дверью, но она тут же его отослала. Вы же рассказали нам другую историю. Вы сказали, что видели Найджела в комнате Натали, они тихо о чём-то говорили, и он оставался там некоторое время. Между этими двумя версиями было вопиющее противоречие. Позже, когда мы вернулись к этой теме, Натали вышла из затруднения, заставив нас поверить, что Мэнсон молил её о крупице женского тепла, и она предпочла не говорить нам об этом в первый раз по очевидным причинам.

Вот так она дважды солгала. Но на той стадии всё для меня было слишком запутано, чтобы можно было сделать любые прочные выводы. С другой стороны, уверенность в её вине заставила меня сильно задуматься о связи между этим преступлением и тремя другими – тремя несчастными деревенскими девушками – и раскрыть тайну её истинной личности.

Рассматривая те давние преступления, я уже пришёл к определённым выводам. Проблема была трудной, потому что свидетельства о том, что произошло с тремя девушками, казалось, исключали любое рациональное объяснение. Прежде всего, наш друг Бэзил видел белую лошадь, на которой скакал всадник без головы, устремившийся в небо. Пьяный бред? Вероятно, но я рассуждал, что для него должно было быть какое-то основание. Свидетельства Джона и Бетти относительно смерти Констанс Китс, конечно, сбивают с толку, но их можно объяснить. Что они видели, в конце концов? Одинокая девушка приблизилась к ним, выкрикивая что-то, словно призывая кого-то, а затем подошла к краю скалы. В этом нет ничего сверхъестественного. Она действовала, словно ожидая найти здесь кого-то, кого там фактически не было. Или, по крайней мере, казалось, что не было. Теперь предположим, что этот другой человек уже был на месте до того, как прибыли два молодых свидетеля, но прятался. Легко скрыться позади скальных выступов, как мы сами выяснили. Предположим, что намерение этого человека состояло в том, чтобы убить Констанс Китс, столкнув её в пустоту руками или с помощью длинной жерди. Испортили бы его план два свидетеля, которые сами не хотели быть замеченными? Конечно, нет. У убийцы в рукаве было больше одного трюка. В нужный момент, скрытый позади скального выступа, он толкает Констанс длинной жердью, и жертва срывается в пустоту. Не забывайте, что была ночь, и темнота помогла убийце.

– Только не пытайтесь убедить меня, что Найджела убили этим же способом! – воскликнул Фрэнк Холлоуэй.

– Нет, мистер Холлоуэй, конечно нет. Как и миссис Холл в своё время. Где сказано, что все преступления должны быть совершены одним способом? К тому же, в превосходных заметках, сделанных мистером Ситвеллом, я прочёл, что во время поисков, проводимых вами, доктор Грант, и вами, Бэзил, вместе с Виктором Ситвеллом после исчезновения Констанс Китс, в русле ручья ниже «Скалы желаний» не нашли ничего, кроме жерди.

Ещё одно свидетельство о Констанс Китс прибыло от Энни Крук. Отметьте, что оно было дано намного позже, поскольку она рассказала о том, что видела погибшую, лишь после начала полицейского расследования. Она утверждала, что из своего окна видела, как Констанс вышла из гостиницы, затем подошла к дереву, чтобы поговорить с кем-то, кого там не было. После чего она ушла, всё ещё разговаривая с невидимым, но весёлым спутником. Это, как вы понимаете, совершенно невозможно, независимо от того, сколько времени вы станете крутить в мозгу эту загадку. Наконец, четвёртое и последнее свидетельство прибыло от Бэзила, который на следующий год видел молодую Энни Крук, поднимающуюся по тропе к «Скале желаний» и разговаривающую с кем-то столь же невидимым и весёлым, как тот неизвестный в прошлом году.

Бэзил улыбнулся и скрестил руки на груди.

– Это был субботний вечер, – продолжал Твист. – Неудивительно поэтому, что видение нашего друга в этот час было немного смазано. Даже в этом случае мы не можем отбросить его свидетельство без обсуждения только потому, что свидетель, возможно, пропустил пару кружек. Но важно отметить, что два последних случая – самых сверхъестественных, – так или иначе, завязаны на молодую Энни

Крук. В первом она – свидетельница, во втором – играет главную роль. Если мы предположим обман с её стороны в этих двух случаях, вся сложная проблема сведётся к истории с лошадьё. Трудность состоит в том, что Энни Крук сама оказалась одной из жертв. Но подождите: разве она не была той, чьё тело так и не нашли? Сопутствующие обстоятельства заставляют нас думать, что её случай не отличается от остальных, но только обстоятельства. Опыт научил меня (и мой друг Хёрст и его коллеги со мной солидарны): нужно всегда с большим подозрением относиться к любому случаю, в котором тело так и не обнаружено.

Это было той точкой, которой я достиг в своих мыслях об этих трёх преступлениях. Я рассуждал, не пытаюсь найти мотив, почему Энни Крук, несмотря на юные годы, могла стать убийцей первых двух девушек. Но это, наряду с уверенностью, что Натали Марвел виновна в убийстве Найджела Мэнсона, заставило меня спросить себя, не могли ли Натали Марвел и Энни Крук быть одним и тем же человеком? Я быстро понял, что возраст подходит. Энни Крук было шестнадцать, когда семь лет назад она исчезла, а значит она является ровесницей Натали Марвел. Первая была брюнеткой, а вторая блондинкой, но волосы легко перекрасить. Я знал о прошлом актрисы лишь то, что услышал от вас, мистер Холлоуэй. Когда вы встретили её, она была акробаткой в небольшом цирке. Акробатка в небольшом цирке? Там редко не встретишь цыган с их умением управлять лошадьми и естественной ловкостью. Тогда я вспомнил заметки Виктора Ситвелла и упоминание, что цыгане снялись табором из деревни на следующий день после исчезновения Энни Крук.

– После вашего объяснения всё ясно, как день, – сказал Фрэнк Холлоуэй, восхищённо кивая.

– Я говорил вам, – улыбнулся Хёрст, – что это настоящий златоуст.

– Этот последний пункт, – невозмутимо продолжал Твист, – был вдвойне разоблачающим. Мало того, что он подкреплял мою теорию, что Натали Марвел – не кто иная, как Энни Крук, но он также превосходно рисовал нам психологию убийцы. Убежать, бросить безопасное существование дома, чтобы жить в автоприцепе, значит иметь определённую силу характера и сильную тягу к переменам. Возможно, желание вырваться из обыденности. Короче, это авантюристка, которая хочет найти свой путь в жизни.

– Определённая сила характера? – повторил импресарио, уставившись куда-то вдаль. – Это явное преуменьшение. Я никогда не знал никого столь же целеустремлённого, как она. Когда она решалась на что-то, ничто не могло её остановить.

– Я к этому перехожу, мистер Холлоуэй. Но прежде, чем я это сделаю, давайте поговорим о более свежем событии, а именно, о её встрече с Найджелом Мэнсоном – той, где вы также присутствовали. Это даёт нам ценное понимание мотива для двух первых убийств. Вы сказали мне, что редко видели такую страсть в чьих-либо глазах, как у Натали в тот день, когда она впервые встретила Найджела. Что это означает, учитывая, что Энни Крук уже знала актёра с более ранних дней, когда она познакомилась с ним в «Красном льве»? Если ваша страсть способна так быстро пробудиться кем-то, кого вы встречали прежде, это означает, что эти чувства продолжали тлеть всё это время.

И в этом корень зла. Я мог бы добавить, что страсть – одна из величайших сил на земле и причина неисчислимых преступлений. Знаю, что не скажу ничего оригинального, но грустно видеть, как история – история преступлений, если хотите, – повторяется за разом раз. Приёмная мать Энни, добрая миссис Кроуфорд, вспомнила другую решающую часть загадки. В ночь своего исчезновения Элиза Голд

ударила Энни за то, что та слишком много времени проводила с двумя молодыми людьми в баре, одним из которых, как мы теперь знаем, был Найджел Мэнсон. Энни Крук, которой всего лишь пятнадцать, соперница Элизы Голд? Почему нет? Для молодой девушки её возраста вполне естественно влюбиться в красивого незнакомца, проездом остановившегося в деревне. Удар Элизы, который жестоко и грубо разлучил Энни с её прекрасным принцем, сам по себе был оскорблением, но Элиза вдобавок рассказала миссис Кроуфорд, почему она это сделала. И сверх всего Элиза сама воспользовалась ситуацией, чтобы флиртовать с прекрасным молодым человеком. Всё это заставило Энни Крук закипеть от гнева, и кульминацией стал момент, когда она увидела, как её «принц» что-то шепчет на ухо Элизе, и вскоре они вдвоём убегают по тропе на «Скалу желаний».

В записках Виктора Ситвелла я прочитал, что, пока Энни работала в гостинице, ей нравилось проводить время в конюшне. Что лучше для молодой девушки, только что получившей болезненный удар по самолюбию, чем вскочить на лошадь и умчаться подальше? Немного позже, всё ещё полная переживаний, она увидела Элизу на вершине скалы, озаряемую лунным светом и одну. Могло бы показаться странным, что она осталась там, когда её компаньон ушёл, но давайте не забывать, что для местных это было любимым местом, чтобы загадать желание, и, возможно, именно этим занималась Элиза: просила, чтобы её встречи с Найджелом Мэнсоном привели к счастливому браку. Как бы то ни было, вид Элизы вновь разжёл гнев Энни, и она погнала лошадь по тропе на скалу. Она намеренно натянула на голову капюшон, чтобы стать похожей на одного из тех безголовых всадников, которыми, кажется, изобилуют местные легенды, и напугать Элизу. Упала ли Элиза из страха или из-за манёвров всадницы? Энни Крук утверждает, что первое, но у нас есть только её слова.

– Так вот кто был всадником без головы, скачущим в небо! – кивнул Фрэнк Холлоуэй.

– Я, должно быть, здорово окосел, раз не понял, что она скачет к «Скале желаний», – сказал Бэзил, полный раскаяния. – Но даже в этом случае рад, что глаза меня не обманули.

– В любом случае, – продолжал Твист, – это и породило все слухи. А что касается колоды карт, найденной в кармане Элизы, в этом не было ничего странного: весь вечер она обслуживала клиентов, многие из которых играли в карты. Но в этих местах легенды умирают с трудом, и рассказа о бедном Яне Рейнолдсе, взятом сатаной, и его колоде карт, оказалось достаточно, чтобы убедить народ, что дьявол забрал и Элизу Голд.

Так обстояли дела до следующего года, когда случилось то же самое. Найджел Мэнсон снова приехал, остановился в гостинице и флиртовал с Констанс Китс. Дэвид Линдер, молодой пастух, сказал, что видел их. Относительно поведения Энни Крук той ночью нет никаких сведений, но мы легко можем вообразить её реакцию: «прекрасный принц», о котором она мечтала с прошлого года, вновь появился и вновь уведён другой. Поэтому судьба Констанс Китс была решена. Что касается способа, которым она хотела завлечь последнюю пассию Мэнсона на вершину «Скалы желаний», сведений нет, но, скорее всего, – это поддельное письмо от поклонника. Но мы действительно знаем, что произошло потом: толчок длинной жердью из-за одного из выступов послал Констанс в пропасть. Отметим, что Энни вовсе не собиралась создавать легенду о невидимом злодее, – она просто старалась, чтобы её не заметили Джон и Бетти. Но когда селяне заговорили о дьяволе и связи с первым преступлением, она придала правдоподобие этой теории, разбросав карты вблизи места, где нашли тело. После рассказа Джона и Бетти пошли слухи о невидимом убийце. И

вновь Энни не колебалась. Когда её допрашивала полиция, она изобрела спутника, столь же прозрачного, как тот, о котором упоминали подростки: невидимку, который поджидал Констанс Китс около гостиницы и направился вместе с ней к вершине «Скалы желаний». Лично я думаю, что она объединила две различные легенды: о сатане, забирающем Яна Рейнолдса, и о невидимке, сталкивающем в пропасть старую ведьму. Но расчёт оправдался: её никто не заподозрил.

Ещё через год она организовала собственное «убийство». Это было несложно: бросить колоду карт, притворяться влюблённой в течение нескольких дней и найти свидетеля, который видел бы, как она разговаривает с кем-то, кого не могли видеть, прежде чем исчезнуть с цыганами раз и навсегда. Единственный вопрос – причина исчезновения. Фактически их было несколько, и из того, что мы знаем о её характере, мы можем ответить так: амбиции, страх навсегда остаться здесь и вести серую и скромную жизнь, как до сих пор. Но возможно также и желание сбежать из мест, где она совершила преступления. Что касается захватывающих декораций её исчезновения и постановки сцены с новым появлением таинственного соблазнителя, столь демонического, как и невидимого, повторяю: мы имеем дело с великолепной актрисой, и маленькая Энни Крук исчезла раз и навсегда из прошлой жизни: жалкий призрак, с которым Натали Марвел не хотела иметь ничего общего.

Полагаю, мало что можно добавить к первому акту этой трагедии, и я предлагаю перейти ко второму. Вы поймёте, что у Натали Марвел не было выбора, кроме как снова убить, если она хотела спасти собственную шкуру. Вы также поймёте, как ей удалось убить Найджела Мэнсона. Убийство, которое я считаю истинным чудом – с чисто криминологической точки зрения, конечно.

Доктор Твист снял пенсне и с состраданием посмотрел на Хелен Мэнсон, которой пока удавалось сохранять самообладание:

– Знаю, что для вас будет очень болезненным будить определённые воспоминания, но это необходимо сделать, если вы ждёте полного объяснения.

– Я больше не убитая горем вдова, как вы, наверное, думаете, доктор Твист, – ответила она, выдерживая пристальный взгляд детектива. – Правда и время уже сделали своё дело.

Твист опорожнил бокал.

– Рад это слышать, мадам. Позвольте мне вернуться к той знаменитой первой встрече мисс Марвел с мистером Мэнсоном, её будущим партнёром. Едва ли удивительно, что она сразу же узнала своего «прекрасного принца», из-за которого уже дважды убила. С другой стороны, совершенно понятно, что он вообще не связал сногшибательную энергичную блондинку с грустной маленькой девочкой в Стейплфорде, которую едва ли заметил. В своей первой поездке туда он был занят Элизой Голд, а во второй – Констанс Китс, двумя очаровательными буфетчицами старше, чем Энни Крук.

Вы знаете старую поговорку: «чего хочет женщина...» Она особенно подходит для Натали Марвел. В данном случае она захотела Найджела Мэнсона. Но с течением времени её известность стремительно выросла из-за успеха пьесы,

и она стала понимать, что её «прекрасный принц» становился всё менее и менее очаровательным и не больше принц, чем любой другой человек. Не поймите меня неправильно: я не говорю, что она уже не питала к нему сильных чувств; просто он перестал быть смыслом её жизни. Карьера стала важнее. Это объясняет, почему, когда возникла потребность, она не колебалась убить его при первой возможности.

В свете того, что мы теперь знаем, мы легко можем вообразить шок, который она испытала, когда, приблизительно десять дней назад получила телеграмму от Найджела Мэнсона, приглашающего её и вас, мистер Холлоуэй, провести выходные в Стейплфорде...

– Где она рисковала, что её узнают в любой момент, – добавил Фрэнк Холлоуэй. – Теперь я понимаю её крайнее сопротивление этой поездке и все отговорки, которые она привела, чтобы не ехать. Помню, что такое её поведение мне тогда показалось странным.

– Однако, как только первый шок прошёл, она решила поехать с вами. В конце концов, для актрисы её калибра не было никаких трудностей найти предлог, чтобы в течение двух или трёх дней не выходить наружу. И, в частности, чтобы не появляться в Стейплфорде. Мы можем легко понять её отказ идти с вами в гостиницу в день вашего приезда – она даже предпочла провести вечер с соперницей.

А затем начался кошмар. Приблизительно в два часа ночи Найджел разбудил её, чтобы поговорить о странной фотографии... Поставьте себя на место Найджела Мэнсона: что он подумал, когда ему показали фотографию и он узнал, что произошло с тремя девушками? Он, конечно, узнал и Элизу Голд, и Констанс Китс, а после того, как ему сказали, что они были убиты и когда именно, он понял, что убийства совпали с двумя его приездами! Тот факт, что он ничего не сказал о своих старых подругах своим собутыль-

никам, тогда как обычно это самая естественная вещь на свете, когда алкоголь развязывает языки, вероятно, означает, что он не хотел пятнать своё имя, признавая, что был вульгарным бабником. Затем, когда он понял, что держал обеих девушек в объятьях теми же ночами, когда их убил таинственный незнакомец, слишком напоминающий главного героя его собственной пьесы, он ещё менее желал об этом болтать. Он не узнал третью жертву, Энни Крук, и это его несколько ободрило. Но ненадолго, поскольку...

– Он узнал Натали Марвел, – воскликнула Хелен Мэнсон.

– Возможно, и не был уверен, но сходство, должно быть, его заинтриговало даже при том, что он уже не совсем чётко соображал из-за выпитого. Он несколько раз смотрел на фотографию тем вечером, сказали свидетели. Что происходило у него в голове? Он флиртовал с двумя из погибших девушек, а третья похожа на его любовницу. Даже в нетрезвом состоянии ему, вероятно, стало любопытно, вы не думаете?

У меня была возможность увидеть знаменитую фотографию, которую мы нашли у Натали Марвел не менее знаменитой ночью, когда она пыталась убить Виктора Ситвелла. Фотография не идеальна, но достаточно чёткая, а самое замечательное – это жёсткий взгляд Энни Крук. Было бы просто удивительно, если бы Найджел, который, давайте это признаем, имел много возможностей заглядывать в эти глаза с близкого расстояния, не уловил поразительного сходства.

Какой вывод он из этого сделал? Не знаю. Что Энни Крук убила двух других девушек? Я счёл бы это очень удивительным. В любом случае он подписал себе смертный приговор, когда зашёл среди ночи повидать свою партнёршу, чтобы расспросить её об этом, в особенности потому, что он пригласил нескольких селян в особняк в тот же самый день. Позвольте мне напомнить вам о неминуе-

мых последствий для Натали, если бы её узнали. Воскрешение Энни Крук вызвало бы бурю, которая, даже в лучшем случае, серьёзно затронула бы её карьеру.

Она могла сбежать и исчезнуть во второй раз, но отбросила этот вариант, что совершенно понятно. Даже если бы ей удалось не встретиться с местными жителями, опасность от Найджела всё ещё оставалась. Он в любое время мог рассказать кому угодно о поразительном сходстве. Она уже мысленно слышала его: – «Позвольте представить знаменитую мисс Марвел, которую вся страна разыскивает как последнюю жертву!» Она должна была избавиться от него быстро и без сожаления. Между прочим, очевидно, что Натали украла фотографию из гостиницы среди ночи после того, как Найджел поговорил с ней.

Настала очередь доктора Гранта вмешаться:

– Но как она вошла?

– Вы забываете, – с улыбкой ответил Твист, – что она жила там в течение нескольких лет.

Доктор покачал головой:

– Как глупо с моей стороны. Но мне всё ещё трудно считать эту маленькую девочку убийцей.

– Теперь мы переходим к неизбежной проблеме, стоящей перед Натали Марвел: убийству. Благодаря светлым волосам, гораздо более пышной фигуре, чем прежде, и тёмным очкам, которые она почти не снимала, она чувствовала, что может некоторое время дурачить местных. Было неслучайно, что она отправилась гулять по окрестностям поместья тем днём, притворяясь, что фотографирует природу. – Детектив на мгновение остановился и посмотрел на аудиторию. – Вы, без сомнения, спрашиваете себя, как ей удалось убить Найджела Мэнсона, в то время как она фотографировала его, стоя под окном, где он сидел, что подтверждено мистером Ситвеллом. Как я сказал, это было до нелепости просто и заняло лишь секунду.

С этими словами он уставился на пустой бокал в руке, а затем внезапно бросил его Фрэнку Холлоуэю, но недостаточно сильно, так что он стал падать за несколько футов перед импресарио. Фрэнку всё же удалось поймать его, но он упал на колени перед маленьким столом в результате машинального движения, сдёрнувшего его со стула.

– Теперь понимаете? – спокойно спросил Твист. – Всё так просто. Дело в инстинкте. Бросьте дорогой предмет человеку, сидящему в оконной раме, но вне пределов его досягаемости... Осечка невозможна: это рефлекс, машинальное движение, чтобы поймать брошенный предмет. Но, пожалуйста, не делайте это слишком часто. Потерять одну тещу таким образом ещё можно, но лишиться второй... это будет выглядеть подозрительно.

Натали Марвел знала, что фотоаппарат для Найджела Мэнсона дороже всего на свете. Как знала она и то, что если попросит его попозировать ей, он, по всей вероятности, примет одну из тех экстравагантных и акробатических поз, которые так любил.

– Он внезапно вытянул руки вперёд, – пробормотала Хелен Мэнсон, и лицо её стало пепельно-серым. – О, Боже!

– Точно: чтобы поймать любимый фотоаппарат. И именно поэтому все говорили о сильном толчке в спину. Но это было не всё: был контекст, а именно: постановка «Человека-невидимки» и похожая трагедия в том же самом доме, о которой вспоминали за день до этого. Все были убеждены, что невидимка вернулся. Однако Натали Марвел повезло. Не с броском фотоаппарата – позвольте напомнить, что она была акробаткой и могла точно рассчитать бросок, – но из-за присутствия рядом Виктора Ситвелла, о котором она и не подозревала. Он шёл по грунтовой аллее, и она не могла его слышать. Ей, повторяю, повезло, потому что она была в его поле зрения фактически всё время за исключением моментов, когда на несколько секунд её заслонял один из

рододендронов на лужайке. В своих очень подробных показаниях он сказал нам, что видел лицо жертвы над ветвью одного из рододендронов. В результате он не мог видеть то, что происходило в тот самый момент под окном.

– Даже если бы её увидели, она всегда могла утверждать, что это была шутка, которая пошла не так, как надо, – заметил Холлоуэй.

– Совершенно верно. Поверьте, я не терял из виду этот аспект дела, как и сама Натали Марвел. Всё, что ей пришлось бы сделать, это похлопать ресницами и невинно объявить: «Я просто хотела подшутить!» И я продолжаю считать, что это было невероятно умное убийство по очень многим причинам. Она не могла быть уверена, что он погибнет на месте, но даже если бы его сильно покалечило, это отодвинуло бы на некоторое время реальную опасность, которую он представлял. И у неё имелась бы куча времени, чтобы закончить начатое.

– Мы до сих пор не говорили о смерти Мадлен Холл, – заметил Фрэнк Холлоуэй. – Хотелось бы понять...

– Было ли это убийством и использовал ли преступник тот же самый способ? Я не могу этого доказать, но полагаю, что ответ – да. К тому же, если вы простите мне эти слова, миссис Мэнсон, я назвал бы это более раннее убийство ещё более зловещим, чем то, о котором мы говорили. Поскольку, полагаю, маленькая Силия бросила куклу, обернутую в детское одеяло, своей новой мачехе, которую терпеть не могла – не только из-за потери родной матери, но также и потому, что мачеха заботилась лишь о младшем ребёнке, как о родном. Поставьте себя на место Мадлен Холл: вы – мать и стоите наверху тёмной лестницы. У основания лестницы вы видите, как кто-то качает на руках ребёнка, кажется, вашего ребёнка, завёрнутого в одеяльце. И внезапно – ба! Ребёнка резко бросают вам... результат трагичен.

Жизнь отшельника, которую впоследствии вёл отец, заставляет меня думать, что он, должно быть, понял, что произошло. И полагаю, именно Силия подбросила кольцо, потому что слышала историю о невидимке, убивающем злых ведьм. Мало того, что это отводило подозрения от неё, но ещё и укрепляло слухи о том, что её мачеха – ведьма. Но отца это не одурачило, и именно поэтому он дал какое-то неубедительное объяснение присутствию кольца.

– Лично я думаю, что вы сами – волшебник, – сказал доктор Грант. – Вы взмахнули своей палочкой и заставили тайну исчезнуть. Но всё ещё остаётся один вопрос: как вы объясняете совпадение между старым убийством и новым?

Доктор Твист не торопился перед ответом.

– Натали Марвел утверждает, что убийство Найджела Мэнсона не было заранее запланировано. Она признаётся, что была в отчаянии, но пошла вокруг дома с фотоаппаратом, просто чтобы проветриться. Мысль убить Мэнсона, по крайней мере таким образом, родилась у неё внезапно, когда она фотографировала его. В тот момент она вспомнила несчастный случай, свидетелем которого стала во время циркового номера воздушных акробатов. Я ей не верю: тот факт, что она взяла дорогой фотоаппарат Найджела, – слишком большое совпадение. Но верю её словам о несчастном случае в цирке и думаю, что она поняла, как умерла Мадлен Холл, после того, как Найджел рассказал ей накануне эту историю. Между прочим, я чуть не забыл кое-что: существует улика, которая, хотя и не доказывает её вину безусловно, должна была направить нас по верному пути. Фотоаппарат, который, как она утверждает, выпал у неё из рук от шока после падения Мэнсона, разлетелся «на тысячу частей». Я повторяю точные слова суперинтенданта Уэстона. Это было, конечно, преувеличением, потому что, как вы знаете, плёнка, например, сохранилась. Но всё-таки странно: как могло

падение с высоты лишь трёх или четырёх футов разбить фотоаппарат на множество частей?

Наконец, всё, что остаётся, это раскрыть тайну дуновения воздуха, которое вы, миссис Мэнсон, почувствовали как раз перед падением вашего мужа. Я думаю, что это было просто нормальное движение воздуха, которое вы чувствуете, когда открывается дверь. Что скажете, мистер Холлоуэй?

Выражение лица у импресарио напоминало игрока, чей блеф раскрыли:

– Знаю. Это была глупая ложь с моей стороны – в особенности потому, что бессмысленная. Я услышал, как Найджел зовёт Натали, потому что моё окно было широко открыто. Когда я увидел его, он влез на подоконник, а Натали стояла под окном. Я решил, что самое время для меня пройти в гостиную. Я сразу же пошёл туда и осторожно открыл дверь. Никто меня не заметил, поэтому я стоял в дверном проёме и наблюдал странную сцену: Найджел в окне; вы, доктор Грант, в кресле; а вы, Хелен, рядом с камином. Я стоял там в течение приблизительно двадцати секунд, а затем Найджел упал. Не знаю, почему я не объявил о своём присутствии сразу же. Когда полиция допрашивала меня и я понял, что это больше, чем простой несчастный случай, я решил сказать, что только что вошёл, когда Найджел упал. Это давало мне прекрасное алиби. А как только я это сказал, то вынужден был затем придерживаться этой версии.

– Эта ложь меня немного заинтриговала, – заметил Твист тоном преподавателя, упрекающего студента за ошибку по небрежности. – Я знал, что вы сказали неправду, когда мой друг Хёрст отметил, что вы не могли видеть каждого движения миссис Мэнсон и доктора Гранта, если вы только что вошли, как утверждали. Вы знали, что оба они совершенно невиновны в преступлении, но не могли свиде-

тельствовать об этом, не признав, что солгали нам, и это вас сильно беспокоило.

Взгляды, которыми обменялись Хелен Мэнсон и Фрэнк Холлоуэй, не укрылись от внимания доктора Твиста. Он осторожно кашлянул и продолжал:

– А теперь к заключительному акту. Полагаю, все заметили странное поведение Натали Марвел после трагедии. Она, казалось, разрывалась между желанием немедленно уехать в город и долгом оставаться здесь и помогать следствию, как законопослушный гражданин. Правда в том, что она хотела быть в курсе следствия. И это дало свои плоды, поскольку таким образом она смогла узнать о существовании второй фотографии, которая повиснет над её головой Дамокловым мечом, если её не найти и не уничтожить. Таким образом, она нанесла ночной визит в дом Ситвелла, чтобы подсунуть под дверь письмо. Прежде, чем я передам слово Бэзилу, который по счастливой случайности оказался перед домом учителя той ночью, я хочу заметить, что «красная тень», которую миссис Кроуфорд видела в ту же ночь, почти наверняка была Натали Марвел, одетая в красный плащ, как и следующей ночью.

– Красный плащ. Да, это то, что я видел, – начал Бэзил.

ЭПИЛОГ

– Что за дьявольщина? И что ему нужно от учителя в такой час? Вот вопросы, которые я задавал себе, когда увидел, как этот человек подсунул что-то под парадную дверь.

Бэзил Хокинс сделал паузу, чтобы усилить впечатление. Он выглядел совсем другим человеком в этот вечер вторника, когда описывал свои ночные приключения, спасшие жизнь Виктору Ситвеллу. Последний, только что выписавшийся из больницы, выглядел превосходно, если не считать нескольких царапин и ушибов на лице. Он решил отпраздновать это событие в одном из самых прекрасных ресторанов Тавистока, куда пригласил коллег, художников и самых известных местных жителей, а также доктора Твиста и инспектора Хёрста. Бэзил был почётным гостем, и, как не уставал повторять виновник торжества, если бы не Бэзил, этого праздника вообще не было бы. Самого Бэзила было почти не узнать не только из-за парадного костюма, но и потому, что в осанке и в голосе его появилась уверенность, каковой не было ещё неделю назад.

Пока его протеже говорил, Виктор Ситвелл продолжал глядеть на большой, таинственный пакет, который Бэзил принёс с собой и до сих пор отказывался сказать, что там. Казалось, это подарок, но что за подарок?

– ...Итак, заинтригованный, я последовал за «красной тенью». Туман был настолько густым, что можно было его резать ножом, и поэтому иногда я терял её из виду. Затем освещённое окно позволило мне рассмотреть лицо. Лицо, которое казалось знакомым, но я не мог вспомнить, откуда. Я вернулся к дому учителя, чтобы достать предмет, прису-

нутый под дверь. Это было письмо. Письмо, назначающее встречу на «Скале желаний» в полночь следующего дня. Оно было подписано доктором Твистом, здесь присутствующим.

Раздались аплодисменты, и выдающийся детектив раскланялся. Бэзил продолжил:

– Этот «доктор Твист» приглашал мистера Ситвелла, желая продемонстрировать ему нечто, что можно было сделать только на месте преступлений и в то время, когда они были совершены. Встречу следовало сохранить в тайне, поскольку друг детектива, инспектор, разрабатывает собственные теории и станет мешать, если узнает. В качестве постскриптума, «доктор Твист» просил мистера Ситвелла принести известную фотографию.

Так говорилось в письме, и мне это показалось странным. Начать с того, что принёсший сообщение не был тем, кто его написал. Я размышлял об этом, но не смог заставить себя поговорить с мистером Ситвеллом или доктором Твистом из страха что-нибудь испортить. На следующую ночь я стоял, следя за началом тропы на «Скалу желаний». На сей раз я смог разглядеть лицо «красной тени», поскольку она прошла близко от меня. Я мог видеть, что оно исполнено враждебности, даже жестокости. И пока тень продолжала путь, я внезапно понял, кто это: Энни Крук! Маленькая Энни Крук! Когда несколько минут спустя прошёл мистер Ситвелл, я всё ещё находился в состоянии шока. Лишь через несколько минут инстинкт сказал мне, что человек, которому я так многим обязан, в опасности.

Виктор Ситвелл с покрасневшим от гордости лицом принял это изъявление благодарности, и Бэзил продолжал:

– Прежде, чем я последовал за ними на вершину, я подумал, что было бы неплохо проинформировать детективов, силуэты которых я видел на фоне окна. Я стоял в дверном проёме столярной мастерской старого Тома, и нашёл ка-

рандаш и какую-то старую газету. Я написал сообщение на одной из страниц, обернул её вокруг камня и бросил в окно. Затем пошёл по тропе на скалу.

Я заблудился из-за тумана и оказался на восточной стороне скалы, а не на вершине. К счастью, я был не единственным, кто потерял способность ориентироваться, потому что «красная тень» явно хотела сбросить учителя в ручей у основания скалы. Фактически же он вышел немного восточнее – туда, где оказался я, и мне удалось спасти его как раз вовремя, схватив за воротник пальто. Он ударился о несколько скальных выступов, пока катился вниз, и был без сознания. Я взвалил его на плечо и отнёс к доктору Гранту, который позаботился о нём с обычной добротой.

На этом Бэзил поклонился аудитории и сел под гром аплодисментов. Тогда доктора Твиста попросили подытожить сказанное.

– Мы не знали, конечно, что быстрые шаги в тумане принадлежали Бэзилу. Реакция Натали Марвел, когда она увидела наше приближение к вершине, была замечательной и достойной прекрасной актрисы, каковой она и является. Поскольку в действительности она оказалась в отчаянном положении, будучи убеждённой, что Виктор Ситвелл, которого она только что столкнула со скалы, мёртв и что обнаружение его тела станет обвинением для неё. И поэтому она вновь разыграла сцену, которую поставила десятью годами ранее: наивной молодой женщины, увлекаемой к гибели невидимкой. И она не колебалась сама броситься вниз – в тщательно выбранном месте и в нужном направлении, чтобы, когда мы нашли бы тело Виктора Ситвелла, то пришли бы к заключению, что он-то и есть невидимый преступник, получивший по заслугам, когда потерял равновесие, сталкивая её со скалы. Она сильно рисковала, но что ей оставалось делать?

После доктора Твиста настала очередь взять слово Ситвеллу. Он не экономил похвал в речи, полностью посвящённой Бэзилу, и завершил её словами: «Я обязан вам жизнью, Бэзил!»

Последовал новый взрыв аплодисментов, после чего Бэзил поднялся и вместо ожидаемой заключительной благодарности сказал:

– Теперь мы квиты!

Последовало общее смятение, во время которого гости удивлённо переводили взгляд с Бэзила на учителя и обратно. Бэзил повернулся и взял огромный пакет, который принёс. Он развернул бумагу, достал большую сумку и стал раскладывать ее содержимое перед учителем на белой скатерти, которую официанты недавно очистили от большей части блюд.

– Розы, – пробормотал последний. – Розы. Но они выглядят, как...

– Ваши, – кивнул Бэзил. – Они и есть ваши, – повторил он голосом, слишком спокойным, чтобы быть естественным. – Я не мог принести их все, но могу вас заверить, что не осталось и корешка, поскольку я вырезал их полностью до основания.

На мгновение показалось, что учителя хватит удар. Его глаза, казалось, вылезли из орбит, лицо стало фиолетовым, и он судорожно ухватился за воротник.

– Я благодарю вас, мистер Ситвелл, за соломенный матрац, который вы предоставили мне у соседнего фермера, и за непомерное жалование, которым вы вознаграждали мою очень скромную работу в вашем саду. Благодарю вас также за десять шиллингов, которые вы клали каждое воскресенье в коробку для сборов, дар, который, я уверен, предназначен для добрых дел в деревне, а не для создания нимба вокруг вашей головы. Того золотого нимба, который стал результатом ваших огромных усилий. Я говорю о ваших

усилиях вступить во владение всеми активами и собственностью, ставшей вашей... после вашего брака. Того нимба, который стал ещё более блестящим, поскольку вы постоянно видели меня, снисходили – из чистого сочувствия или сострадания – до знакомства с бродягой и пьяницей, каким я стал. Наконец, я благодарю вас от имени всех тех, кому вы лично помогли, как тем цыганам, которых настолько высоко цените, что посчитали старый сарай, который вы восстановили (тот, около моста), не достойным для их там проживания. От имени всех этих людей я благодарю вас, мистер Ситвелл и оставляю с вашими розами.

– Хотите пари, Хёрст? Не пройдёт много времени, как Фрэнк Холлоузэй сделает предложение Хелен Мэнсон, и я буду удивлён, если она ему откажет. И я пойду дальше: он делает её очень счастливой. На чём я основываю своё суждение? Очень просто, на опыте. Не смейтесь. То, что я – старый холостяк, не означает, что я не понимаю подобных вещей. Возможно, он не был святым до настоящего времени, но я чувствую, он устал от жизни, которую вёл, и хочет остепениться, если вы понимаете, что я имею в виду.

Инспектор Арчибальд Хёрст за рулём своего «талбота», мчавшегося напрямиком к столице, тяжело вздохнул:

– Если не возражаете, Твист, я предпочёл бы поговорить о чём-нибудь другом. Например, о том странном вчерашнем обеде. Бедный Ситвелл, сидящий, обезумев, среди этих роз. Даже не знаю, плакал ли он от обиды, гнева, позора или злости. Ума не приложу, что на Бэзила нашло!

– Значит, вы ещё не поняли?

– Понял что?

– Скажите мне, Арчибальд: разве вы не спрашивали себя, почему Бэзил шатался около дома учителя той ночью? Не забываете о внезапном уходе Бэзила вечером накануне и

о чём мы говорили в то время... Верно, вы не могли понять. Вы не знали отца Бэзила. Он не был моим близким другом, но я встречался с ним несколько раз. Он был приличным человеком. Я всё время считал, что лицо Бэзила мне кого-то напоминает...

– Ближе к фактам, Твист. Ближе к фактам, или я не гарантирую, что удержу эту машину на дороге.

– Очень хорошо. Бэзил был единственным сыном владельца оловянного рудника около Бодмина, который застрелился после длительной забастовки рабочих. Забастовки, которую спровоцировал Ситвелл.

– Хорошенькое дело! Но...

– Да. Теперь вы понимаете реакцию Бэзила, когда он услышал всё это прямо из уст Ситвелла? Он почитал человека, сидящего перед ним, за святого, и только что узнал, что именно он ответственен за трагедию всей его жизни. В то время Бэзилу было только пятнадцать. Его мать умерла вскоре после отца. Его приютил бывший садовник семьи, а как только юноша достиг необходимого возраста, то завербовался в Королевский флот. Только после того, как он вернулся к гражданской жизни, он покатился по наклонной. Той ночью он находился в саду Ситвелла, должно быть, готовя месть. Он ещё не был уверен, что именно сделает, но твёрдо решил отомстить. Появление «красной тени», а затем чтение письма так заинтриговало его, что он отложил собственные планы. И на следующую ночь он не колебался прийти на помощь человеку, принёсшему ему так много горя.

Во время последовавшего продолжительного молчания полицейский обдумывал эти удивительные сведения, а затем с хитринкой в глазах поинтересовался:

– Послушайте, Твист, теперь, когда я думаю об этом, за последние сорок восемь часов вы провели довольно много времени, разговаривая с Бэзилом. Случайно, вы не име-

ете какого-либо отношения к тому, что произошло вчера вечером?

Криминолог внезапно закашлялся:

– Я пытался успокоить его. Хотя он спас учителю жизнь, но хотел и преподать тому урок... оказать физическое воздействие.

– А вы, значит, убедили его применить более тонкие методы?

– Я открыл ему глаза на истинный характер Виктора Ситвелла, это правда.

– Те розы – ваша идея?

– Вы же знаете, я люблю эти цветы и считаю, что они не отражают двуличную природу этого человека...

– И именно вы написали речь для Бэзила, не так ли?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	
Смерть от невидимой руки.....	7
Глава 2	
Поиск тела.....	13
Глава 3	
Она пошла навстречу судьбе.....	18
Глава 4	
Демоническое создание.....	23
Глава 5	
Поездка в Дартмур.....	26
Глава 6	
«Человек-невидимка».....	32
Глава 7	
Впереди трудные выходные.....	38
Глава 8	
Звезда и её создатель.....	44
Глава 9	
Убийство.....	49
Глава 10	
Визит инспектора Хёрста.....	53
Глава 11	
Расследование.....	59
Глава 12	
Первое осложнение.....	65
Глава 13	
Волшебное кольцо.....	71
Глава 14	
Ужасная ведьма Виксина.....	79

Глава 15	
Первая ниточка.....	88
Глава 16	
Прогулка на «Скалу желаний».....	96
Глава 17	
Пропавшая фотография.....	105
Глава 18	
Молодой пастух.....	110
Глава 19	
Красная тень.....	117
Глава 20	
Куда ушёл Бэзил?.....	124
Глава 21	
Туман на торфяниках.....	131
Глава 22	
Человек-невидимка.....	140
Глава 23	
Убийца.....	149
Глава 24	
Искусство дедукции.....	152
Глава 25	
Истинное чудо.....	162
Эпилог	171

Литературно-художественное издание

16+

Поль Альтер
Дартмурский демон

Гарнитура Cambria

© Перевод. Николай Баженов, 2021